18+

КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. Х.И. ИБРАГИМОВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
KH. IBRAGIMOV COMPLEX INSTITUTE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (CI RAS)

Вестник КНИИ РАН.
Серия «Социальные и гуманитарные науки»

ВЕСТНИК КНИИ РАН

·2026·№3(18)·

№ 3 (18) 2026 **ISSN 2949-611X**

Научный журнал

ВЕСТНИК КНИИ РАН. СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Scientific journal

BULLETIN CI RAS. SERIES «SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES»

ВЕСТНИК КНИИ РАН. СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

Учредители журнала:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Комплексный научно-исследовательский институт им Х. И. Ибрагимова РАН
Издается с 2022 года
Периодичность: 4 раза в год

Founders of the magazine:
Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences
Published since 2022
Frequency: 4 times in year

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-83573 от 13.07.2022 г.

Журнал размещен на платформе e-LIBRARY.RU
(индексируется в РИНЦ)
Адрес редакции/издателя: 364051,
ул. Вахи Алиева (Старопромысловское шоссе) д. 21 а, г. Грозный
https://kniiran.ru/
e-mail: vestnik_kniiran@mail.ru

Главный редактор

Батаев Д.К-С., д.т.н., академик Академии наук ЧР, директор Комплексного научно-исследовательского института им Х. И. Ибрагимова РАН.

Заместители главного редактора

Осмаев А.Д., д.и.н., член-корреспондент Академии наук ЧР, зам. директора Комплексного научно-исследовательского института им Х. И. Ибрагимова РАН.

Ибрагимов Канта Х., д.э.н., академик Академии наук ЧР, зам. директора Комплексного научно-исследовательского института им Х. И. Ибрагимова РАН.

Ответственный секретарь

Махаев М.Р., к.ф.н., Phd, академик МАНЭБ, ведущий научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им Х. И. Ибрагимова РАН.

Редакционная коллегия

Акаев В.Х., д.филос.н, академик Академии наук ЧР, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Ахмадов Я.З., д.и.н., академик Академии наук ЧР, главный научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Арапханова Л.Я., к.полит.н., заведующая отделом истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института им. Ч.Э. Ахриева.

Бугаев А.М., к.и.н., заведующий отделом историко-филологических и социально-политических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Баснукаев М.Ш., к.э.н., ведущий научный сотрудник лаборатории экономических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Гапуров Ш.А., д.и.н., академик Академии наук ЧР, главный научный сотрудник лаборатории историко-этнологических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Ибрагимов М.М., д.и.н., профессор, член-корреспондент Академии наук ЧР, заведующий кафедрой истории Чеченского государственного педагогического университета.

Идигова Л.М., д.э.н., заведующая лабораторией экономических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Идилов И.И., д.э.н., главный научный сотрудник лаборатории экономических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Махаев М.Р., PhD, ведущий научный сотрудник лаборатории филологии и культурологии Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Навразова Х.Б., д.ф.н., профессор кафедры чеченской филологии Чеченского государственного педагогического университета.

Туркаев Х.В., д.ф.н., член-корреспондент Академии наук ЧР, главный научный сотрудник лаборатории филологии и культурологии Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Тасуева Т.С., д.э.н., старший научный сотрудник лаборатории экономических исследований Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН.

Шавлохова Е.С., д.и.н., доцент, профессор кафедры истории и политолгии Кубанского государственного аграрного университета им И.Т. Трубилина.

Editor in chief

Bataev D.K.-S., doctor of technical sciences, Director of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Chechen Republic.

Deputy editor

Osmaev A.D., doctor of historical sciences, Deputy Director of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Chechen Republic.

Ibragimov Kanta Kh., doctor of economics sciences, Deputy Director of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Sciences of the Chechen Republic.

Executive Secretary

Makhaev M.R., PhD, Academician of the International Academy of Sciences on Ecology and Life Safety (MANEB), Leading Researcher at the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Editorial Board

Akaev V.Kh., doctor of philosophical sciences, chief researcher of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Akhmadov Ya.Z., doctor of historical sciences, chief researcher of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Arapkhanova L.Ya., candidate of political sciences, Head of the Department of History of Ingushetia at the Ingush Scientific Research Institute named after Ch.E. Akhriev.

Bugaev A.M., candidate of historical sciences, head of department of historical-philological and socio - political studies of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Basnukaev M.Sh., candidate of economic sciences, leading researcher of the laboratory of economic research of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Gapurov Sh.A., doctor of historical sciences, chief researcher of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Ibragimov M.M., doctor of historical sciences, professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Head of the History Department of the Chechen State Pedagogical University

Idigova L.M., doctor of economic sciences, head of the laboratory of economic research of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Idilov I.I., doctor of economic sciences, chief researcher of the laboratory of economic research of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Makhaev M.R., PhD, Leading Researcher at the Laboratory of Philology and Cultural Studies at the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Navrazova Kh.B., doctor of philology sciences, head of the department of Chechen philology of the Chechen State Pedagogical University.

Turkaev Kh.V., doctor of philology sciences, chief researcher of the laboratory of philology and culturology of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.

Tasueva T.S., doctor of economic sciences, senior researcher of the laboratory of economic research of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences.
Shavlokhova E.S., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Political Science at I.T. Trublin Kuban State Agrarian University.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

Салгириев Э.Р., Маккаева Р.С.-А., Ильясова К.Х.
Роль малого и среднего бизнеса в формировании региональной экспортной базы……9

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ибрагимов К.Х.
Валерик – кистью и пером Лермонтова……15

Турпалов Л.А.
Кавказ глазами российских писателей: критический взгляд горских просветителей. Часть 2. С позиции пролеткульта……68

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. Отечественная история

Осмаев А.Д.
Чеченцы-спецпереселенцы в Восточно-Казахстанскую область по данным книги А.А. Аубакирова «Дети гор»……..….79

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жемчураева С.Ш.
О вкладе Абдуррахмана Ибн-Халдуна (1332-1406) в становление социологии как науки…89

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Навразова Х.Б.
Методические проблемы обучения детей-билингвов русскому языку и пути их решения……95

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Нурбердыева А.Т., Маммедов С.М.
Современная государственность Туркменистана: конституционно-правовые основы, историческая преемственность и основные направления развития……102

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Акаев В.Х., Акаев А.В.
О некоторых аспектах мобилизации этнокультурных ценностей в противодействии проявлениям экстремизма и терроризма в молодежной среде……....112

CONTENTS

ECONOMIC SCIENCES

5.2.3. Regional and Sectoral Economics

Salgiriev E.R., Makkaeva R.S.-A., Ilyasova K.Kh.
The Role of Small and Medium-Sized Businesses in Shaping the Regional Export Base……9

PHILOLOGICAL SCIENCES

Ibragimov K.Kh.
Valerik – Through Lermontov's Brush and Pen……15

Turpalov L.A.
The Caucasus Through the Eyes of Russian Writers: A Critical View of Mountain Enlighteners. Part 2. From the Perspective of Proletkult……...68

HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. National History

Osmaev A.D.
Chechen Special Settlers in the East Kazakhstan Region According to A.A. Aubakirov's Book "Children of the Mountains"……..79

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Zhemchuraeva S.Sh.
On Abdurrahman Ibn Khaldun's Contribution to the Formation of Sociology as a Science (on the 620th Anniversary of His Death)……...89

PEDAGOGICAL SCIENCES

Navrazova Kh.B.
Methodological Problems of Teaching Russian to Bilingual Children and Ways to Solve Them……95

LEGAL SCIENCES

Nurberdiyeva A.T., Mammedov S.M.
Modern Statehood of Turkmenistan: Constitutional and Legal Foundations, Historical Continuity and Main Directions of Development……...102

CULTURAL STUDIES

Akaev V.Kh., Akaev A.V.
On Some Aspects of Mobilizing Ethnocultural Values in Countering Manifestations of Extremism and Terrorism Among Youth……...112

Экономические науки / Economic sciences
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

УДК 37 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.001

РОЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКСПОРТНОЙ БАЗЫ

© Салгириев Эмир Русланович (a), Маккаева Разет Сайд- Аминовна (b), Ильясова Карина Хасайновна (c)

(a) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН
(b) ЧГУ имени А.А. Кадырова
(c) ЧГПУ

Аннотация. В условиях нарастающей международной конкуренции и динамического переноса факторов экономической стоимости в глобальные цепочки создания добавленной стоимости региональные экономики сталкиваются с необходимостью перестраивать свои экспортные базы, где ключевую роль начинают играть малые и средние предприятия, чья гибкость, адаптивность и способность быстро трансформироваться под требования внешних рынков становятся той движущей силой, которая позволяет регионам не только увеличивать свой экспортный потенциал, но и формировать устойчивые экосистемы, способные выдерживать внешние потрясения и способствовать более сбалансированному региональному росту.

Ключевые слова: малый и средний бизнес, региональная база, международная конкуренция, региональная экономика.

THE ROLE OF SMALL AND MEDIUM‑SIZED ENTERPRISES IN SHAPING THE REGIONAL EXPORT BASE

© Salgiriev, Emir Ruslanovich (a), Makkaeva, Razet Said‑Aminovna (b), Ilyasova, Karina Khasaynovna (c)

(a) CI RAS
(b) Chechen State University named after A.A. Kadyrov
(c) Chechen State Pedagogical University

Abstract. In the context of increasing international competition and the dynamic transfer of economic value factors into global value chains, regional economies are faced with the need to rebuild their export bases, where small and medium-sized enterprises are beginning to play a key role, whose flexibility, adaptability and ability to quickly transform to meet the requirements of foreign markets are becoming the driving force that allows regions to not only to increase its export

potential, but also to form sustainable ecosystems capable of withstanding external shocks and contributing to more balanced regional growth.

Keywords: small and medium-sized businesses, regional base, international competition, regional economy.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения в мировом экономическом ландшафте нередко инициируются не крупными корпорациями, а сетями малого и среднего бизнеса, которые, выступая в роли специфических звеньев региональной экспортной цепи, способны аккумулировать и преобразовывать локальные ресурсы в конкурентоспособные изделия и услуги, ориентированные на зарубежные потребители; именно поэтому роль МСП в формировании региональной экспортной базы нельзя рассматривать как эпизодическую или второстепенную, а следует трактовать как структурообразующую характеристику регионального экономического развития, связывающую качество производственных конкурентных преимуществ, уровень экспортной подготовки предприятий и инфраструктурные условия региона в единую динамичную систему.

МЕТОДОЛОГИЯ

С точки зрения ведущих теоретиков региональной экономики, для которых МСП выступают не столько как источник малых порций внешнеторговой продукции, сколько как консолидирующая сила, способная за счет своей диверсифицированной структуры и быстрой адаптивности генерировать устойчивый поток внешних заказов, роль МСП в экспортной динамике региона состоит в создании нишевых и высоко добавленных направлений, которые крупные игроки не способны эффективно масштабировать за счет своей операционной структуры и капитальных ограничений, потому что именно на границах стандартных производственных цепочек, в условиях малого объема производства и необходимости частой кастомизации, возникают уникальные предложения, привлекающие потребителей за пределами региона и формирующие локальные экспортные траектории, которые затем становятся устойчивыми через развитие соответствующей инфраструктуры поддержки экспорта.

Систематическое осмысление гибкости МСП показывает, что именно способность к быстрой перестройке ассортимента, адаптация к регуляторным требованиям вторичных рынков и интеллектуальное использование локальных преимуществ порождают экспортную динамику, в которой региональные фирмы не только отвечают на текущие запросы международных покупателей, но и сами инициируют новые ниши, что особенно видно на примере предприятий, способных превратить региональные географические или культурные особенности в конкурентные преимущества [3], например в сельскохозяйственных, ремесленных и технологических сегментах, где качество, уникальность и происхождение продукта становятся ключевыми аргументами на внешних рынках, и этот процесс подкрепляется формированием региональных кооперационных сетей, которые служат каналами обмена информацией, технологиями и сертификационной инфраструктурой, тем самым снижающими транзакционные издержки и создающими синергетическую динамику экспорта.

Не менее существенным является вопрос институциональной поддержки, который рассматривается учеными как системный фактор, позволяющий не только активировать

экспортную активность МСП, но и закрепить ее на долговременной основе через комплекс инструментов, начиная от налогово-правовых стимулов и финансирования инновационных проектов до создания специализированных центров экспорта, которые выступают не столько в роли односторонних консультантов, сколько в роли интегрированных узлов региональной экосистемы, координирующих действия предприятий, исследовательских учреждений и регуляторных органов. Обеспечивая тем самым неразрывную связь между научными разработками, производством и внешними рынками; и здесь важно подчеркнуть, что синергия между региональными стратегиями и национальной политикой, а также наличие координационных механизмов между государством, деловым сообщества и академическими институтами, зачастую определяет степень устойчивости экспортной базы региона к внешним шокам и способность к повторяемой адаптации в условиях глобальной изменчивости [2].

Среди рисков и барьеров, о которых пишут исследователи, первым по значимости часто выделяется ограниченный доступ к финансированию, который проявляется не только в нехватке капитала для выхода на новые рынки, но и в сложности построения комплексных финансовых схем, гарантий и страховых инструментов, необходимых для уверенного присутствия на международной арене, что обуславливает необходимость разработки региональных финансовых продуктов, адаптированных к размеру и специфике экспортной деятельности МСП; далее следует информационная асимметрия и слабость информационных каналов, через которые предприниматели получают данные о регуляторных требованиях, динамике спроса и условиях платежей, что в сочетании с языковыми барьерами и недостаточной квалификацией в вопросах экспортного менеджмента создает риск задержек и ошибок при выходе на новые рынки; дополняют картину проблемы инфраструктуры — от логистики и таможенных процедур до цифровизации сервисов для экспорта, что в свою очередь требует не просто вложений, но и системного перераспределения функций между государством и частным сектором с целью снижения общей стоимости выхода на рынок и сокращения времени реакции на внешние изменения; наконец, недостаточная кооперация между МСП и крупными компаниями, которая мешает созданию полноценных цепочек поставок и позволяет ограничиться фрагментарными или временными кооперациями, не обеспечивающими необходимый масштаб, устойчивость и доступ к глобальным рынкам.

Что касается практических выводов, то, опираясь на множество кейсов и сопоставлений, авторы сходятся во мнении, что для устойчивого формирования региональной экспортной базы необходима неразрывная сольда между нишевой специализацией МСП [10], развитием инфраструктуры поддержки экспорта и соответствующим институциональным климатом, который способен обеспечить предсказуемую и устойчивую среду для международной торговли, и в этом смысле эволюционная логика регионального развития характеризуется переходом от простой экспансии отдельных предприятий к формированию связанной сети взаимозависимостей, где каждый участник — от мелкого производителя до регионального исследовательского центра — вносит свой вклад в создание общей экспортной модели, поддерживаемой как региональной политикой, так и национальной стратегией, что обеспечивает региону не только краткосрочный рост экспорта, но и долговременную конкурентоспособность на мировых рынках [4].

Исследование опирается на многослойный подход, который позволяет охватить как теоретические аспекты формирования экспортной базы региона через призму МСП, так и эмпирические особенности конкретных региональных кейсов; с одной стороны, применяется концептуальный анализ литературных источников по региональной экономике, экспортной политике и роли МСП в глобализации, с другой — проводится сопоставление статистических параметров регионального экспорта с их динамикой за ряд лет и углубленный кейс-метод, демонстрирующий, как в разных условиях развивались региональные экспортные цепи и какие факторы способствовали интеграции МСП в них; наряду с этим используются данные экспертных интервью с руководителями предприятий, регуляторами и экспортными агентами, что позволяет уловить не только количественные, но и качественные аспекты функционирования экспортной базы, включая восприятие рисков, барьеров и стимулов.

В рамках данной работы МСП в регионе трактуются как организации, демонстрирующие меньший по сравнению с крупными игроками масштаб производства и рынок сбыта, но обладающие высокой гибкостью и способностью к скорейшему внедрению инноваций, что превращает их в узлы региональной экспортной сети; экспортная база региона понимается как совокупность предприятий, регулярно выходящих на внешние рынки, а вместе с ними инфраструктура [8], сервисы поддержки, логистические каналы и регуляторные механизмы, обеспечивающие их выход; вклад МСП в экспорт оценивается не только через прямые экспортные продажи, но и через косвенные эффекты, такие как обеспечение цепочек поставок, сервисное обслуживание, локальное создание ценности и развитие экспортной инфраструктуры, включая сертификацию, обучение кадров и информационные системы [7].

Первый аспект состоит в том, что МСП нередко вырабатывают экспортные направления через нишевые продукты и услуги, где крупные участники рынка либо не заинтересованы, либо испытывают сложности с экономической рационализацией, и именно в этих нишах регион формирует устойчивую экспортную базу, опираясь на уникальные компетенции, географическую идентичность и локальные ресурсы; второй аспект подчеркивает, что гибкость малого и среднего бизнеса позволяет оперативно подстраиваться под требования конкретных рынков, корректировать ассортимент, ценовую политику, каналы дистрибуции и способы взаимодействия с потребителями, что особенно ценно на этапах входа на новые рынки, когда информационные риски и регуляторные барьеры могут изменяться быстрыми темпами; третий аспект касается инфраструктуры экспорта [1].

МСП выступают катализаторами формирования кооперационных сетей и кластеров, снижающих транзакционные издержки и расширяющих охват региональной экспортной деятельности за счет сотрудничества между производителями, логистическими агентствами, сертификационными центрами и государственными институтами; четвертый аспект — инновационная и кадровая динамика, поскольку именно МСП демонстрируют способность внедрять новые технологии и управленческие решения, адаптируя их к зарубежным условиям, что в свою очередь усиливает экспортную релевантность региональной экономики; пятый аспект подчеркивает вклад МСП в устойчивый рост и диверсификацию экспорта, когда расширение экспортной базы за счет малого и среднего

бизнеса снижает зависимость региона от одной отрасли и обеспечивает большую устойчивость к внешним колебаниям спроса.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Важной составляющей анализа являются препятствия, которые часто ограничивают потенциал МСП в экспорте: ограниченный доступ к финансированию и кредитованию на условиях, приемлемых для инвестирования в экспортные проекты; дефицит информации о зарубежных рынках, требованиях к качеству, сертификации и сертификационных процедурах; дефицит квалифицированного персонала в области экспортного менеджмента и языков, что сказывается на способности вести переговоры и поддерживать долговременные партнерские отношения; недоступность или слабая развитость инфраструктуры — логистики, таможенного оформления и цифровых сервисов; а также слабая кооперация между МСП и крупными компаниями, которая часто ограничивает масштабы и устойчивость экспортных цепей региона [5].

Развитие инфраструктуры поддержки экспорта должно происходить как непрерывный процесс, где создаются центры и сервисы, которые не просто консультируют, но и сопровождают предприятия на единой траектории роста: от поиска рынков и сертификации до внедрения стандартов качества и участия в международных выставках; важной частью является расширение цифровой среды, включая базы данных покупателей и поставщиков, платформы для поиска контрактов и инструментов онлайн-экспорта, что уменьшает информационные расходные элементы экспорта для МСП [6].

Финансовая составляющая поддерживает экспорт через программы гарантий, субсидий, грантов на НИОКР и модернизацию оборудования, а также через инструменты лизинга и микрофинансирования, делающие обновление производственного базиса доступным; кооперация и создание кластеров позволяют сформировать региональные экосистемы, в которых МСП [9], ассоциации, научно-исследовательские институты и государственные органы работают над едиными стандартами, сертификацией и логистическими решениями; обучение и кадровая политика создают устойчивый поток компетенций, необходимых для экспортной деятельности, включая языковую подготовку, курсы экспортного менеджмента и сертификационные программы; институциональные и регуляторные меры призваны упростить регистрацию и выход на рынки, снизить административную нагрузку и согласовать региональные стратегии экспорта с национальной и международной политикой.

Для оценки вклада МСП в региональную экспортную базу применяются комплексные подходы: анализ структуры регионального экспорта с акцентом на долю МСП и ее динамику по отраслям, географической направленности и ценовым сегментам; корреляционный анализ между наличием и эффективностью экспортной поддержки и реальным экспортом МСП; кейс-методы регионов, где МСП сумели выстроить прочные экспортные цепи, что позволяет выделить повторяющиеся факторы успеха и сценарии воспроизводимости; а также использование геоинформационных инструментов для визуализации региональных цепочек поставок, транспортной доступности и точек роста.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, МСП действительно выполняют роль локомотивов регионального экспортного роста, создавая не только прямые экспортные потоки, но и формируя инфраструктуру, которая поддерживает этот экспорт, внедряет инновации и накапливает

управленческий опыт, необходимый для работы на международной арене; при этом роль государственной политики не ограничивается финансированием: она включает выстраивание маршрутов кооперации, упрощение регуляторной среды и создание благоприятной информационной среды; результатом становится интегрированная система регионального экспорта, где малые и средние предприятия становятся неотъемлемой частью устойчивого экономического развития, а региональная экономика — более гибкой и адаптивной к изменениям глобального спроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродский, А. П. Роль малого и среднего предпринимательства в региональном развитии: концепции, механизмы, кейсы. М.: Экономика региона, 2019.

2. Гринберг, Р. М., Хартман, Л. Регионы и кооперационные сети: экспортоориентированные кластеры и их влияние на региональную экономику. Нью-Йорк: Routledge, 2020.

3. Домнин, В. В. Экспортная политика регионов: теории и практики реализации. Санкт-Петербург: Питер, 2018.

4. Егорова, С. Н. Экспорт через малые предприятия: вызовы и возможности для диверсификации региональной базы. Вестник региональных исследований, 2021, № 4, с. 112–132.

5. Иванов, К. А. Региональная экономика: концепции пространственной экономики и регионального роста. Москва: Наука, 2020.

6. Коваль, Д. И. Малый бизнес и экспортная интеграция: кейсы региональных кластеров в Европе. Европейский экономический обзор, 2017, № 3, с. 45–68.

7. Краснюк, Е. А. Институциональные аспекты регионального экспорта: регуляторная среда, государственные инструменты поддержки, взаимодействие бизнеса и власти. Москва: МГИМО-ИКГ, 2019.

8. Лобанов, П. Ф., Петрова, Т. Я. Геоинформационные подходы к исследованию экспортных цепочек регионов. Журнал геоинформационных систем, 2020, т. 28, № 2, с. 77–95.

9. Мельников, А. В. Финансирование экспорта для МСП: инструменты, риски, практики. Финансы и кредит, 2022, № 6, с. 101–119.

10. Никифоров, С. Е. Экспортная готовность регионов: методология оценки и индексы. Экономический вестник региона, 2018, № 1, с. 24–39.

Филологические науки / Philological sciences

УДК 82 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.002

ВАЛЕРИК – КИСТЬЮ И ПЕРОМ ЛЕРМОНТОВА

© Ибрагимов Канта Хамзатович (a, b)

(a) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук
(b) Академия наук Чеченской Республики

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества М.Ю. Лермонтова в контексте его участия в Кавказской войне, в частности, в сражении при реке Валерик. Автор исследует, как опыт войны и характер чеченского народа отразились в поэзии и живописи Лермонтова, включая его стихотворение «Валерик» и акварели, созданные во время службы. Рассматривается оценка произведений поэта другими известными литераторами, такими как Д.С. Мережковский и В.С. Соловьев, которые подчеркивают уникальность «русского взгляда на войну» в творчестве Лермонтова. В работе используются архивные документы, воспоминания современников и критиков, что обогащает анализ литературных и художественных произведений М.Ю. Лермонтова.

Методология исследования включает в себя комплексный анализ литературных текстов и художественных произведений, а также применение историко-критических подходов. Автор использует архивные материалы, воспоминания современников и научные публикации, обеспечивая богатую контекстуальную основу для своего исследования. Такой подход позволяет не только подробно рассмотреть творчество Лермонтова, но и обогатить понимание исторических и культурных реалий, связанных с Кавказской войной.

Ключевые слова: Лермонтов, Валерик, Кавказская война, сражение, чеченцы, акварель, творчество, горец

VALERIK – THROUGH LERMONTOV'S BRUSH AND PEN

© Ibragimov Kanta Khamzatovich (a, b)

(a) CI RAS
(b) Academy of Sciences of the Chechen Republic

Abstract. The article is devoted to an analysis of M.Yu. Lermontov's creative work in the context of his participation in the Caucasian War, in particular, in the battle at the Valerik River. The author examines how the experience of war and the character of the Chechen people are reflected in Lermontov's poetry and painting, including his poem «Valerik» and the watercolours created during his service. The assessment of the poet's works by other well‑known writers, such as D.S. Merezhkovsky and V.S. Solovyov, is considered; they emphasize the uniqueness of the

«russian view of war» in Lermontov's work. The work uses archival documents, as well as the recollections of contemporaries and critics, which enriches the analysis of M. Yu. Lermontov's literary and artistic works.

The research methodology includes a comprehensive analysis of literary texts and works of art, as well as the application of historical‑critical approaches. The author uses archival materials, memoirs of contemporaries, and scholarly publications, providing a rich contextual foundation for their research. This approach allows not only to examine Lermontov's work in detail but also to enrich the understanding of the historical and cultural realities associated with the Caucasian War.

***Key words**:* Lermontov, Valerik, Caucasian War, battle, Chechens, watercolor, creativity, highlander

Генерал от инфантерии Филипсон Г.И. (1809-1883) в своих воспоминаниях писал: «Эти походы оставили русской литературе несколько блестящих страниц Лермонтова, но успеху общего дела не помогли, а были вредны коренным деятелям, офицерам постоянных войск, часто несших на своих плечах бремя этой беспощадной войны и большей частью остававшимся в тени» [7, с. 372].

Под «беспощадной войной» имеется ввиду Кавказская война, а «несколько блестящих страниц Лермонтова» – это поэзия и живопись, посвященная сражению при реке Валерик, в котором поэт непосредственно принимал участие.

«Валерик» – первое во всемирной литературе явление того особенного русского взгляда на войну, который так углубил Л. Толстой. Из этого горчичного зерна выросло исполинское дерево «Войны и мира» [26]. Так оценивал стихотворение Лермонтова «Валерик» («Я к вам пишу случайно, право...») великий русский писатель, мыслитель Мережковский Д.С. (1865-1941) в своей статье «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества».

В самом названии статьи дана оценка личности Лермонтова как поэта. При этом, ни в этой статье, ни в иных публикациях Мережковский не раскрывает свой тезис: «В чем именно заключается «особый русский взгляд на войну»?

Ответ на этот вопрос, в свойственной только ему форме, дал нам в своих «блестящих страницах» Лермонтов, а мы попытаемся их еще раз прочитать и рассмотреть для выяснения сути творений.

Кавказская война, с разной степенью интенсивности, длилась около полувека, с 1817 по 1864 годы.

Это высказывание без каких-либо сомнений прочно вошло в научный оборот. На самом деле, в этом одном предложении две фундаментальные неточности. Во-первых, это временные рамки, ибо конфликты были и «до», и «после» обозначенных дат, а, во-вторых, это обобщающая формулировка конфликта – «Кавказская», словно царская Россия воевала со всеми народами, проживающими на Кавказе. Но, как известно, некоторые народы Кавказа «добровольно» вошли в состав Российской империи и к началу XIX века, практически, лишь на территории, где проживали в основном чеченцы, шли наиболее жестокие боестолкновения.

Исходя из вышеизложенного, возникают вопросы – почему и отчего, в отличие от некоторых соседних народов, именно чеченцы не вошли в состав России «добровольно»?

Вопрос очень сложный, многогранный, до сих пор актуальный и однозначного ответа на него нет до сих пор: все взаимосвязано, взаимозависимо, очень многое изменилось во всех сферах и во многих отношениях. Тем не менее, раз конфликты с некой периодичностью в данном регионе повторяются, значит есть, как ныне принято говорить, некие первопричины, которые мы попытаемся исследовать для нашего дальнейшего комфортного сосуществования.

Очевидно, что первопричины любого конфликта целесообразнее всего искать в первоисточниках, которые были составлены участниками Кавказкой войны.

К большому сожалению, до нас почти что не дошли свидетельства этого конфликта с чеченской стороны, может, не сохранились, может их вовсе и не было. Правда есть память, есть устный народный эпос, но это не наука, но в той или иной форме остались свидетельства с одной стороны, на которые мы, в основном, и будем ссылаться в этой работе.

За многолетний период Кавказской войны на территории, где проживали чеченцы, произошло очень много сражений различного масштаба и характера. Естественно, что многие из этих столкновений вовсе не описаны, и если даже описаны, то до сей поры недоступны, а те архивные документы, которые вышли в свет, несколько тенденциозны. И это не удивительно, ибо эти очевидцы – авторы «первоисточников» – находятся по одну сторону от линии столкновения.

Также надо учитывать, что анализируемые первоисточники были составлены офицерами царской армии, которые присягали государю-императору. Их судьбы, как и участь их родственников, зависели от воли царя, и поэтому, почти что все письменные источники подвергались жесткой цензуре и должны были служить лишь укреплению власти монархии.

Тем не менее, среди русского офицерства всегда были вольнодумцы и бунтари, взять хотя бы дворян-декабристов, с которыми Николай I расправился жестко. Однако русские офицеры, которые при Александре I разгромили Наполеона, победно прошли по всей Европе, вплоть до Парижа, вернулись в Россию, неся с собой заряд европейской культуры, что, естественно, сказалось на дальнейшем развитии российской культуры, в результате чего появилось такое понятие как «Золотой век русской литературы», одним из основоположников и ярким представителем которого и являлся Михаил Юрьевич Лермонтов. Анализу его произведений, посвященных сражению при Валерике, и нацелено данное исследование.

Лермонтов был сослан на Кавказ дважды: в 1837 году за стихотворение «На смерть поэта» и в 1840 году за дуэль с Э. де Барантом. И если первая ссылка, благодаря ходатайству бабушки Лермонтова, длилась всего девять месяцев и протекала вдали от боестолкновений, то во время второй ссылки поэт уже непосредственно принимал участие в карательных экспедициях и участвовал в крупном сражении на реке Валерик, которое он описал и пером, и кистью, благодаря чему это сражение оставило свой след в истории литературы и живописи, став одним из символов такого долговременного и масштабного события XIX века как Кавказская война.

«Валерик» – это не только название реки, это и одноименное название древнего поселения. В справочной литературе укоренилось мнение, что река Валерик в переводе с чеченского означает «река Смерти». Вместе с тем, следует отметить, что чеченское «велла»,

«велларг» – это не только «смерть». Есть и другой смысл – это «отданный» кто-то или что-то. Может быть, как жертва, жертвенность, обязанность. В любом случае, в этом названии исторически заложен некий глубокий, даже сакральный смысл.

Совсем недавно, в 2025 году, при археологических раскопках недалеко от селения Валерик было обнаружено уникальное захоронение, датируемое IV веком нашей эры, в котором были обнаружены многочисленные артефакты, указывающие, что в этом месте издревле бытовала культура с развитой металлургией.

Река Валерик небольшая. От места сражения, в котором участвовал Лермонтов, эта река через десяток километров впадает в реку Сунжа, и именно в этом месте находилась столица страны Алания – город Магас. В свою очередь, еще через пятьдесят километров Сунжа впадает в Терек, там, где по одной из версий, находилась столица Хазарского каганата – Самандар, который был разрушен во время похода киевского князя Святослава Игоревича в 968-969 годах, о чем более подробно можно ознакомиться в историческом произведении «Учитель истории» [15].

Позже, в первой половине XIII века, Северный Кавказ подвергся вторжению монгольских войск, что кардинально изменило ситуацию и этот регион стал частью Золотой Орды. А полтора столетия спустя, уже с юга, через Дербент, на Северный Кавказ вторгся Тимур и в 1395 году на том же Тереке между ханом Золотой Орды Тохтамышем и Тимуром произошло грандиозное сражение, которое длилось три дня и привело к поражению Тохтамыша и, как следствие, распаду государственного образования под названием Золотая Орда, после чего началось становление России.

Территория, где протекала река Валерик, недалеко от которой располагался, предположительно, средневековый город Магас и где сегодня проживают чеченцы, по приказу Хромого Тимура подверглась жесточайшему погрому, вплоть до того, что эмир приказал отравить все водные источники региона.

Хромой Тимур или Тамерлан отличался неслыханной жестокостью к тем, кто оказывал ему хотя бы небольшое сопротивление, а в бассейне реки Сунжа, на берегу которой стоял тогда город Магас, был убит старший сын Тимура Омар-шейх, который попытался унизить достоинство местных горцев.

События того периода описаны в историческом романе «Сказка Востока» [14], но здесь мы хотим акцентировать внимание на одном знаковом факте. В конце 1394 года Хромой Тимур захватил Тифлис и, прежде, чем двинуться на Северный Кавказ, ему нужна была информация – есть ли там корм для коней. Ведь армия Тимура –это триста тысяч воинов и у каждого по два коня – шестьсот тысяч голов, которым необходимо ежедневное пропитание, и поэтому Тимур собирает сведения о том крае и вот что сообщает ему некто Едигей, который позже, за заслуги, станет ханом Ногайской Орды: «Там, от моря до моря – земли черные, жирные, на них хлеба колышутся, словно золото. А стада там тучные, кони стройные, сивогривые. А люди богатые, свободолюбивые, красивые, мяса мало едят, больше мед, зелень, икру. В рабство продать – в двадцать раз дороже персов или кипчаков стоят. А какие там города – в роскоши и зелени утопают» [14, с. 101].

Эти исторические факты приведены для того, чтобы показать, что на территории, где тысячи лет назад, как и сегодня, проживали чеченцы, были крупные города, столицы государств – Самандар, Магас и другие, значит были богатства, культура, цивилизация, что во все времена служило соблазном для захватнических походов.

Понятно, что у каждого народа бывают свои периоды взлета и падений. Войны, эпидемии, изменения климата, землетрясения, извержение вулканов, иные катаклизмы порою кардинально меняют картину того или иного региона Земли, чего не избежал и Кавказ, в целом, и в частности, Чечня.

В тоже время, есть такое понятие как историческая память, которая влияет на стереотип поведения и отдельной личности, и группы людей. Именно историческая память на генетическом уровне влияет на основу поведения как отдельных личностей, так и целых обществ, наций и народов. И то, что вполне привычно для одних, оказывается крайне неприемлемо для других обществ и людей.

Видимо что-то в поведении чеченцев поразило Лермонтова и поэтому в его творчестве уделено конкретное внимание этому народу.

А что именно?

Постараемся ответить на этот вопрос по его реакции на непосредственное соприкосновение с чеченцами во время сражения при реке Валерик.

Известный русский философ Соловьев В.С. так охарактеризовал поэта: «Лермонтов человек, уже от рождения близкий к сверхчеловеку, получивший задатки для великого дела, способный, а, следовательно, обязанный его исполнить» [40, с. 270].

Так, еще очень молодой Лермонтов начнет писать на кавказскую тему поэму «Измаил-Бей», где он сделает безапелляционное заключение:

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война.

В этой неоконченной поэме поэт, в целом, сочувствует горцам Кавказа, восхищается их свободолюбием, но, будучи гением, предчувствует как свою судьбу (стихотворение «Сон»), так и судьбу горцев и, поэтому, где-то, подражая Пушкину («Смирись, Кавказ»), он пишет:

Смирись, черкес! И запад, и восток
Быть может, скоро твой разделят рок.

И в этом Лермонтов провидец. И далее:

Настанет час – и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной!

Разве это не гениальное предвидение?!… Лучше него никто не сказал и не скажет – как он метко определил, что те, кто станет на колени, кто присягнет «царю вселенной», кто отдаст своих детей в аманатство, а сам превратится в прислугу, но он будет надменен, он будет смотреть свысока, хоть он и раб, но не простой раб, а раб, который получил надел отобранной у своих же братьев-горцев земли, получил чин, лычки, пенсию и право пинать своих же, близких… Но, все равно – он раб!

Напомним, что работать над поэмой «Измаил-Бей» Лермонтов начал, когда ему было всего восемнадцать лет, а через шесть лет, уже в 1837 году, за стихотворение «Смерть поэта» он будет отправлен в ссылку на Кавказ.

В ту поездку Лермонтов не принимал участия в боестолкновениях, зато постоянно был в пути и объездил почти весь Кавказ, даже побывал в Чечне, а также в притеречной станице Шелкозаводской, у родственников Хастатовых.

Это путешествие оказало колоссальное воздействие на творчество поэта, и по мнению одного из первых лермонтоведов Висковатого П.А., после ссылки начинается «самый зрелый период в литературной деятельности поэта» [6, с. 128] и вершиной творчества этого периода считается «Казачья колыбельная песня».

Так, в конце декабря 1838 года бабушка поэта Арсеньева Е.А. пишет Верещагиной-Хюгель А.М.: «Посылаю Вам для новорожденной дитяти баюшкину песню, отгадать не трудно, чье сочинение. Казачья колыбельная песня (следует полный текст)… Вы знаете, как Миша ленив, а мне уж самой захотелось послать вам его стихи» [8].

Гениальный поэт в стихотворении «Казачья колыбельная песня» поведал нам многое:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты же дремли, закрывши глазки
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду

И казак душой.
Провожать тебя я выйду –
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Мережковский свою статью о Лермонтове начинает с такого парадоксального вывода: «Стихи его для нас, как заученные с детства молитвы. Мы до того привыкли к ним, что уже почти не понимаем. Слова действуют помимо смысла» [26].

Это видимо так, и если другие крупные произведения, скажем, такие как «Демон», «Мцыри» или «Герой нашего времени» подвергались всесторонней критике и анализу, то «Казачья колыбельная песня», которую нужно воспринимать таким же образом «как молитва», как установка на жизнь, программа или алгоритм действий и определений, такого анализа еще не удостоилась.

Это стихотворение Лермонтова входит в школьную программу, как «одно из самых лучших и глубоких произведений классика русской и мировой литературы, как образец лирики, патриотизма, любви к родине и очагу, передающей любовь матери и историю народа. На уроках в школе разбирается как образец высокохудожественного изображения материнской любви и лингвокультурологический текст (изучение слов, связанных с культурой народа)» [24].

Последний абзац взят из учебно-методического пособия для учителей русского языка и литературы 6-7 классов общеобразовательной школы. И там же даны рекомендации, что желательно изучение данного произведения наизусть. Также, раз ряд

композиторов положили «Колыбельную» на музыку, то на факультативных занятиях исполнять хором всем классом.

Таким образом, если в учебно-методическом пособии для учителей по литературе рекомендовано это произведение «разбирать как образец», то мы повнимательнее подойдем к этой «Колыбельной» и посмотрим, кого она «убаюкивает».

Начало стиха – это полная идиллия семейной, материнской жизни – ночь, луна, колыбель, в ней прекрасный младенец и мать ему сказывает сказку, песенку поет. Здесь сразу же вспоминаются строки А.С. Пушкина: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

И каков же этот урок?

Оказывается, рядом течет мутный Терек, и там: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал».

В ранее приведенном отрывке учебно-методического указания было словосочетание «лингвокультурологический текст» и, следуя этому указанию, попытаемся разобрать закрепившийся в обиходе фразеологизм «злой чечен».

Здесь на помощь нам придут, помимо прочего, такие науки, как логика и психология, по законам которых, если «чечен лезет на берег и точит свой кинжал» с целью грабежа, то есть для своего обогащения, то он должен быть осторожным, коварным, расчетливым, но никак не злым, ибо злость притупляет и даже обнуляет все вышеперечисленные качества грабителя.

Если нападающий «злой», то он находится под воздействием чувства мщения, он хочет нанести ответный удар. Но мать успокаивает и своего младенца, и себя: «Отец – «старый воин, закален в бою». Значит, все это не впервой, и «злого чечена» бояться не надо.

На это место в стихотворении необходимо обратить особое внимание.

Лермонтов – гениальный поэт, а его «Казачья колыбельная песня» – это законченное литературное произведение. И если в нем автор упомянул «чечена», как одного из действующих лиц и более к нему не возвращается, то значит, что этот «чечен», по сути, теряет свою субъектность, и это может выражаться в различной форме – от покорности до ликвидации…

В любом случае, по содержанию «Колыбельной» участь «злого чечена» предрешена, ибо отец ребенка – априори победитель, более того, и младенец должен стать таким же, как и отец, и мать сама будет готовить сына к тому же «бранному житью», ибо ее сын будет «богатырь – с виду» и «казак – душой».

Богатырь и казак – сила и свобода – тюрского происхождения и можно было бы предположить, что с монгольского нашествия сохранилась эта тенденция приходить с севера на Терек и Кавказ. Однако, как мы ранее отмечали, еще в X веке, задолго до походов потомков Чингисхана и Хромого Тимура, русы приходили на Терек и грабили местные города, тот же Самандар – столицу Хазарского каганата…

Однако, вернемся к тексту «Казачьей колыбельной песни», к финалу, где мать предсказывает и настраивает своего сына к походу «в чужом краю».

А что ее сын будет делать «в чужом краю»?

Ответ уже определен, ибо она «седельце сына боевое шелком разошью…». И «готовясь в бой опасный, помни мать свою…».

«Колыбельная» из уст матери – это не просто наставление, это как программа действий на всю жизнь, и вот в тот же период, когда было написано это стихотворение, Лермонтов (конец 1839 года, ему уже 26 лет) пишет письмо из Петербурга в Москву М.А. Лопухиной, где помимо прочего он сообщает: «Я был в моде, меня разрывали на части… Тем не менее я скучаю. Просился на Кавказ – отказали. Не хотят даже, чтобы меня убили» [12, с. 388].

В конце 1839 года «Казачья колыбельная песня» будет опубликована и вызовет восторг у столичной публики. Так, самый известный литературный критик Белинский В.Г. в письме Боткину В.П. от 9 февраля 1840 года пишет: «Во 2 номере «Отечественных записок» ты прочтешь его «Колыбельную песню казачки – чудо!» [12, с. 393-398].

В середине февраля 1840 года состоится дуэль Лермонтова с де Барантом, после которой поэт во второй раз будет сослан на Кавказ, на сей раз в действующую армию, в Чечню.

Как свидетельствуют архивные документы, 18 июня 1840 года Лермонтов командирован в отряд под командованием генерал-лейтенанта Галафеева.

Уже 6 июля: «Отряд в составе двух батальонов пехотного Его Светлости, одного батальона Мингрельского и 3-х батальонов Куринского егерского полков, двух рот саперов при 8-ми легких и 6-ти горных орудий, двух полков Донских казаков № 37 и № 39-го и сотни Моздокского линейного казачьего полка, с 10-дневным провиантом и с полным комплектом запасных артиллерийских снарядов, выступив из лагеря при крепости Грозной, переправился с рассветом по мосту через Сунжу и взял направление через ущелье Хан-Калу на деревню Большой Чечень.

7 июля 1840. Лермонтов вместе с отрядом после ночевки в Дубу-Юрте через Большую Атагу выступил в Чах-Гери.

8 июля 1840. Отряд выступил из Чах-Гери к Гойтинскому лесу. Ночлег в лагере у Урус-Мартан.

9 июля 1840. Уничтожение селения Урус-Мартан.

10 июля 1840. Сожжение селений Чурин-Рошни, Пешхой-Рошни, Хажи-Рошни и уничтожение принадлежащих им посевов.

11 июля 1840. Бой при реке Валерик».

В отряде находился Лермонтов [12, с. 399].

А вот краткие выписки из Чернового журнала военных действий отряда на левом фланге Кавказской линии под начальством генерал-лейтенанта Галафеева от 11-го июля, 1840 г.:

«…В строгом порядке войска вступили в Гехинский лес, …чеченцы с исступлением выскочили было из него, но, встреченные картечью из двух орудий, заранее для сего приготовленных, они скрылись снова в лесу…

Река Валерик протекала по самой опушке леса. Подойдя к этому месту на картечный выстрел, артиллерия открыла огонь. Ни одного выстрела не сделано с неприятельской стороны… В лесу они сошлись с чеченцами лицом к лицу, огонь умолк на время, губительное холодное оружие заменило его. Кинжал и шашка уступили штыку, фанатическое исступление отчаянных мюридов не устояло против хладнокровной храбрости русского солдата: численная сила разбросанной толпы должна была уступать

нравственной силе стройных войск, и чеченцы выбежали на поляну р. Валерик, откуда картечь орудий снова вогнала их в лес…

В лесу раздавались частые выстрелы, но это уже не был бой, а походило более на травлю диких зверей, … и чеченцы в миг были подняты на штыки».

И вот как бы итог этого сражения: «Должно отдать также справедливость чеченцам: они исполнили все, чтобы сделать успех наш сомнительным, …но русские солдаты были те самые герои, которые не раз уже проходили по скалам Кавказа, эти солдаты были ведомы теми же офицерами, которые всегда подавали им благородный пример редкого самоотвержения, и чеченцы, невзирая на свое отчаянное сопротивление, были разбиты. Они в сем деле оставили на месте боя до 150 тел и множество оружия всякого рода. Потеря с нашей стороны в этот день состояла из убитых 6-ти обер-офицеров, 65 нижних чинов; раненых: двух штаб-офицеров, 15 обер-офицеров и 198 нижних чинов; контуженных: 4 обер-офицеров и 46 нижних чинов; без вести пропавших: одного обер-офицера и 7 чел<овек> нижних чинов; 29 убитых и 42 раненых лошадей» [12, с. 399].

Как видно, отчет генерала подробный, даже раненых лошадей посчитали.

К этому сражению царская армия готовилась основательно, ибо оно для истории неизвестным художником было перенесено на холст (Рис. 1).

Судя по литографии, художник – профессиональный, у которого композиция построена по академической схеме батальных сцен, где в центре – бравый бесстрашный генерал на белом коне и все, как и должно быть, во славу русского оружия. Здесь противников царской армии – чеченцев – почти что и не видно: лишь справа масса мелковатых тел. Кстати, в вышеупомянутом «Черновом журнале» генерал-лейтенанта Галафеева есть интересная запись: «Тут я узнал от взятой в плен женщины, что чеченцы имели полную надежду воспрепятствовать переходу отряда через р. Валерик и что поэтому еще многие семейства находились до самого появления наших войск на полевых работах» [12, с. 399]. Середина лета, страда, сенокос. Мирные люди, пусть и чеченцы, находились просто на полевых работах, чтобы как-то прокормить детей, стариков, чтобы выжить.

Рис. 1. Сражение при Валерике 11 июля 1840 года

Литография XIX века

Неизвестный художник

Это фотографическое изображение взято из книги о Кавказе (Рис. 2), написанной немецкими учеными, которые в конце XIX века исследовали Кавказский регион, в результате чего в 1901 году в Лейпциге было издано уникальное двухтомное сочинение [42, с. 113].

Понятно, что женщина-чеченка на фото из немецкого издания не та чеченка, взятая в плен, что находилась на полевых работах летом 1840 года, о которой сообщает в своем дневнике русский генерал Галафеев. Однако, даже по этому изображению можно представить против кого воевала регулярная царская армия.

Рис. 2. Чеченская женщина. Фотографическое изображение XIX века.

В целом, вид удручающий. Босоногая. Одинокая. Очевидно, что грудного ребенка не с кем было оставить – за спиной люлька… Скорбный вид у чеченки, но не сломленный. Спина ровная. И как она сжимает короткую тяпку. Какой у нее большой, мощный, вовсе не женский кулак – не ухоженная рука, работящая… Почему-то в этот момент, раз речь зашла о женщине, вспоминается то самое стихотворение Лермонтова «Валерик», где дается описание женщины, которая находится в столице воюющей с горцами страны:

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны:
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали

Не отыскать….

В принципе, для обитателей столичного высшего общества поручик Лермонтов, как и генерал Галафеев и их сослуживцы, – молодцы, настоящие воины и герои, и, поэтому, их любимые женщины «в забавах света».

А чеченская женщина, что на фото?! Одно утешение – ее кукурузное поле ухожено, прополото, ни одного сорняка между ровными рядами не видно. И понятно, что здесь климат и земля щедрые, и урожай, судя по всему, будет отличный, если…

А почему рядом с этой молодой, еще кормящей матерью нет ее мужа? Может, как определил тот же Лермонтов – ее муж – злой чечен, ползет на берег, точит свой кинжал?! А может он уже погиб в сражении при реке Валерик или у иной реки?

А еще возникает вопрос: «А был ли у чеченцев, у горцев, у кавказцев, в то время поэт, сказатель, мыслитель, который бы и для ребенка, что в люльке чеченской женщины на фото, сочинил бы, как Лермонтов, чеченскую колыбельную песню?»

Понятно, что у каждой матери была и есть своя колыбельная песня. И недаром великие русские мыслители называли Лермонтова и гением, и даже сверхчеловеком, ибо он знал текст колыбельной песни кавказской горянки:

Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей…[22].

Какой диссонанс колыбельных песен казачки и горянки, какой контраст в алгоритме действий на жизнь закладывается в сознание младенца – богатыря-казака, готовящемуся к «опасному бою в чужом краю» и горца-джигита – защитника очага?!

Этому промежуточному выводу можно было бы как-то возразить, либо списать на творческо-художественную фантазию гения Лермонтова. Однако, выше мы привели отзыв великого критика Белинского на «Казачью колыбельную песню» – чудо!

Это вывод столичного интеллектуала, тоже далекого от «тревог войны», да и время тогда было такое. А вот процитированное ранее письмо бабушки Лермонтова Арсеньевой. Она тоже восторгается, отсылает «Колыбельную» в Европу, а не говорит внуку: «Как может мать наставлять, готовить сына на «опасный бой в чужом краю», фактически – на набег, на захват?»

Впрочем, когда Лермонтова отправят в ссылку на Кавказ, та же бабушка будет всеми путями ходатайствовать перед государем-императором о возвращении своего внука домой.

…Здесь мы несколько забежали вперед, а возвращаясь к нашей теме и к Лермонтову середины и второй половины 1840 года, когда он в разной творческой форме описывал сражение при Валерике, мы еще раз можем подтвердить незаурядность его личности; чего стоит утверждение, что «в колыбели песни матерей, пугают русским именем детей»?

Именно этим словам Лермонтова есть документальное подтверждение. Так генерал русской армии Потто В.А. записал чеченское сказание-илли:

– В леса беги, моя семья!
Беги жена, бегите дети!
А здесь один останусь я,

Нам русский враг готовит сети.
Ермолов рать свою ведет,
Но он в лесу вас не найдет.
– К чему же ты их станешь ждать?
Беги скорей, беги ты с нами!
Опасней грома русских рать –
Они убьют тебя штыками.
Тебя отвага не спасет,
Когда Ермолов их ведет.
– Спасенья нет родному краю…
Бегите, – близок уж рассвет,
Меня убьют, я это знаю,
Ермолову преграды нет.
Но я никак своим врагам
Без боя саклю не отдам [30, с.117-118].

«Илли» – национальный героический эпос и, как известно, по характеру этого жанра весь смысл, вся суть этого народного творчества, этого произведения, а значит идея – в финале повествования, где мужчина – хозяин-чеченец, безапелляционно заявляет: «Но я никак своим врагам без боя саклю не отдам».

Он не убегает вместе с семьей в лес, он не желает скрываться от врага; он не собирается сдаться в плен или договориться с врагом об услужении, получив статус не «злой», а «мирный» – он готов сражаться, хотя силы, безусловно, не равны.

В чем здесь смысл?

Почему чеченец ради выживания, ради своего будущего и будущего своей семьи не ищет какого-либо компромисса, приспособления или просто спасения?

Это вопрос глубинный, как сейчас принято говорить – экзистенциальный. К сожалению, как ранее было отмечено, нет чеченских письменных источников, чтобы найти ответ на поставленный нами вопрос. Однако в рядах тех, кто воевал с чеченцами, были те, кто оставил свои свидетельства, в их числе и классики русской литературы, к помощи которых мы обращаемся.

Так, Лермонтов по поводу сражения при Валерике напишет своему другу Лопухину А.А. (Пятигорск, сентябрь, 1840): «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, 6 часов кряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч, и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется хорошо! – вообрази себе, что в овраге, где была пехота, час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные» [21, с. 84]

В следующем письме ему же (Лопухину А.А., крепость Грозная, октябрь 1840 г.): «Я получил наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, изо ста казаков – разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто партизанского отряда, …а описывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законам» [21, с. 84].

Лермонтов покорен законам и боится в письмах писать, как есть, ибо в России вся переписка подвергается тотальной цензуре и доверие могло быть только к очень близким

людям, иначе могли донести до властей и тогда последует жесткое наказание, под которым поэт, кстати, в то время и находился, и поэтому он был так осторожен.

Под таким же и даже более жестким наказанием на Кавказе находился и другой русский писатель Бестужев-Марлинский, который был в ссылке за участие в восстании декабристов, и, конечно же, его письмо родным брату и сестре, очевидно, отправленное не через почту, а нарочным, с кем-то из близко знакомых, сохранилось в архиве, и вот что он пишет после очередного похода на Кавказе, когда русская армия ночью внезапно окружает город, затем следует штурм и захват: «Завладев высотами, мы кинулись в город, ворвались туда через засеки, прошли его насквозь, преследуя бегущих, и, наконец, верст пять далее вступили в дело с лазами, сбили их с горы, и пошла рукопашная. Я был ужасно утомлен усилиями карабкаться по каменистой крутой горе, пересеченной оврагами, в полной амуниции и в шинели. Но вся добыча, которую я себе позволил, состояла в кисти винограда и в турецком молитвеннике: хозяин заплатил за это жизнью. Возвращаясь по полю, усеянному мертвыми телами, разумеется, обнаженными, и видя иных еще дышащими, с запекшеюся кровью на устах и лице, видя всюду грабеж, насилие, пожар – словом, все ужасы, сопровождающие приступ и битву, я удивлялся, не чувствуя в себе содрогания; казалось, как будто я вырос в этом, как будто это должно было так быть: как скоро привыкает человек к этим картинам! Сознание, что ты не в состоянии ни помочь, ни отвратить, делает тебя почти равнодушным. Ввечеру зрелище было ужасно великолепно. Город пылал, и кровавое зарево отражалось на купах утесов, на высоких тополях и гремучих струях Чароха. Невнятный гул раздавался в середине города, отданного на разграбление; песни и выстрелы из взятых ружей раздавались в стане. Солдаты, сгибаясь под ношею, тащили всякую всячину: меняли, продавали; золоченые рамы, пестрые шкафы трещали в кострах бивачных, на которых жарили, варили и пекли с маслом и медом. Радость и веселье одушевляли всех. Я сел на коня и поехал посмотреть Байбурт. Он походил на печь: огонь и дым стлался поверху; по улицам бродили толпы солдат, доискивая остатков, ломая все, что ломается, разбивая об угол даже глиняные горшки. Дома, большею частью с навешенным этажом, рухали вдруг всею массою. Несколько армянских семейств глядели на пожар издали и плакали тихо. Там рыдала турчанка-старуха над телом сына... Там... Но я опускаю завесу… – это необходимое следствие войны» [18, л. 103-104)].

Мы тоже не будем пока поднимать этот «занавес», но по поводу последнего предложения, что «это необходимое следствие войны», у нас есть сомнения, ибо в истории мировых войн есть много противоположных фактов, к тому же, навечно запечатленных. Пример тому – известная картина Диего Веласкеса «Сдача Бреды» (Музей «Прадо», Мадрид) (Рис.3).

Как значимое произведение искусства, эта картина, написанная четыре века назад, сыграло колоссальное значение в дальнейшей судьбе Европы, да и всего мира.

Картина «Сдача Бреды» отображает исторический момент, когда после годичной осады губернатор голландского города Бреды Юстин Нассаусский передает ключи от города главнокомандующему испанских войск Амброзио Спиноле.

На полотне мы видим, что несмотря на годичное противостояние, победитель Спинола проявляет доброту и уважение к сдавшемуся противнику. При этом, испанским воинам – мы видим многочисленные их копья, направленные вверх – запрещено будет причинять какой-либо вред жителям Бреды, да и всем голландцам.

Эта картина висела во дворце короля Испании, пока ее не передали в главный музей страны. Она служила примером гуманизма даже по отношению к врагу.

Конечно художник Веласкес, который увековечил джентльменские отношения благородных людей средневековья, не оградил будущее Европы от кровопролитных войн (чего только стоят две мировые войны XX века), но тем не менее, высоконравственный жест и поступок адмирала Амброзио Спинолы на века вперед определил общий вектор европейского гуманистического развития в разных сферах жизни общества.

Именно поэтому, как два века назад во времена Пушкина и Лермонтова, многие обеспеченные россияне едут сегодня в Европу жить, отдыхать…

Хотя Лермонтов и сказал, что Россия – «страна рабов, страна господ», на самом деле в России по-настоящему был только один господин – император. Лишь по его личному распоряжению кто-либо мог выехать в Европу, а Лермонтова сослали на Кавказ, где он в боях с чеченцами должен был заработать себе уважение и расположение хозяина России.

Известно, что за участие в сражении на реке Валерик, в числе иных офицеров и поручик М.Ю Лермонтов был представлен к награде.

Так, в рапорте генерала Галафеева с приложением наградного списка, в частности, отмечено: «Поручик Лермонтов везде первым подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы, бросился с горстью людей на превосходящего числом неприятеля и поражал неоднократно собственной рукой хищников» [12, с. 499].

Рис. 3. «Сдача Бреды»

Диего Веласкес, музей «Прадо», Испания

Напомним, что это выдержка из рапорта генерала Галафеева. А вот кого называл «хищниками» сам Лермонтов в поэме «Измаил-Бей»:

Как хищный зверь, в смиренную обитель,
Врывается штыками победитель.

По поводу этих противоречий известный ученый революционер Ислам Карачайлы-Хубиев (1896-1938) писал в 1923 году: «Лермонтов не только великий поэт, но и великая загадка…Судя по тем литературным памятникам, какие он после себя оставил, он был враг угнетения, но сам был орудием гнета, служил – правда, не пером, а своей гусарской саблей – делу угнетения, принадлежал к лагерю угнетателей» [19].

Император Николай I в наградном списке за сражение при реке Валерик напротив фамилии Лермонтова поставил «прочерк», а адъютант сделал примечание: «Высочайшего соизволения не последовало» [12, с. 533].

Позже Лермонтов напишет в письме другу: «У меня началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязка, вероятно, не будет, ибо 9-го марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня вычеркнули, так что даже не буду иметь утешение носить красной ленточки, когда надену штатный сюртук» [21, с. 84].

Это письмо написано в феврале 1841 года, когда поэт получил отпуск, приехал в столицу, но по указу властей он должен был срочно выехать обратно на Кавказ. Видимо, многочисленные цензоры или надзиратели доложили наверх, что Лермонтов написал в стихотворении «Валерик»:

Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымкой по каменьям,
Ее тяжелым испарением
Был полон воздух.

Этому содержанию соответствует акварельный рисунок Лермонтова 1840 года «При Валерике. Похороны убитых», к которому мы обратимся позже. А вот концовка произведения «Валерик», вроде бы, любовное послание, и в ней такие строки-итог:

Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом,
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек

Сверкал главой остроконечной,
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!... Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

Многие исследователи-лермонтоведы утверждали, что под «жалким человеком», который «беспрестанно один враждует», имеется в виду никто иной как император России Николай I.

На самом деле, это упрощение ситуации, и Лермонтов, как автор послания, пытается отстраниться от всего, мол, он лишь исполняет приказ Николая I. Но дело не только в Николае I, как в императоре, а в имперских амбициях российской элиты и того же Лермонтова, который, к примеру, в поэме «Черкесы» писал:

Черкесы побежденны мчатся
Преследуемы толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона,
Видали на своих брегах,
Несут за ними смерть и страх…
И редко чуть блеснет булат
Заржавый от крови в сраженьи.
Иль крикнет вдруг в уединенье
Близ стана русский часовой
Везде господствует покой.

Лишний раз комментировать позицию поэта кажется нет необходимости. И если в стихотворении «Валерик», в неком любовном послании, Лермонтов отстраняется от причастности к событиям, мол, «любовался …как на трагический балет,…каких у вас на сцене нет». И в тоже время в письме другу он гордится, что участвовал в сражении и даже был некоторое время командиром «партизанского», то есть карательного отряда. И, конечно же, поэт, как он сам об этом сообщает в письмах, о воинских достижениях особо не распространяется, ибо «описывать экспедиции не велят,… а он покорен законам», но по архивным источникам известно, что экспедиция под командованием генерала Галафеева летом 1840 года вышла из крепости Грозная , разгромила и уничтожила селения Большая Атага, Дуба-Юрт, Гойты, Урус-Мартан. Полностью сожжены селения Чурин-Рошни, Пешхой-Рошни, Хажи-Рошни, Гехи. Позже будет атаковано село Ачхой-Мартан. А до этого был бой при реке Валерик [12, с. 490].

Официальный рапорт сражения при Валерике пока что не обнаружен. Тем не менее, последствия экспедиции Галафеева в 1840 году можно представить, ознакомившись с рапортом полковника Пулло за четыре года до этого, в 1836 году, на той же территории.

Это рапорт командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Г.В. Розена военному министру генералу А.И. Чернышеву:

«5 ноября 1836 г. – Из рапорта командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии Г.В. Розена военному министру генералу от инфантерии А.И. Чернышеву №1189 г. Тифлис.

Командующий Сунженскою линиею полковник Пулло решился предпринять движение в Чечню, дабы отвлечь жителей от их намерений необходимостью собственной защиты. Собрав для сего отряд из 2 батальонов егерей, 275 казаков, 2 легких и 5 конных орудий, 16 октября поутру выступил из крепости Грозной и, дойдя до аула Шавдон-Юрта, остановился лагерем и простоял на месте два дня с тою целью, чтобы чеченцы, находясь в неизвестности о направлении отряда, разошлись по своим жилищам. Между тем штаб-офицер сей для облегчение на будущее время движения войск наших в Чечню предпринял прорубить лес по Ханкалинскому ущелью и так называемый Гойтинский, употребив для сего 900 Надтеречных чеченцев и 500 чел. из отряда. Работа в ущелье по 19-е число продолжалась спокойно; но Гойтинский почти непроходимый лес, составляющий главную в сем месте защиту чеченцев, занят был толпами их, сделавшими в разных местах завалы. Придвинувшись к сему лесу, полковник Пулло устроил батарею и, обстреляв из оной картечью опушку леса, послал 200 егерей для занятия оной. Скрывшиеся в завалах чеченцы встретили их залпом из ружей и 5 чел. ранили; но егеря, поддержанные резервами, смело бросились в штыки на завалы, положили на месте 7 чеченцев и 6 захватили в плен, причем убито у нас 2 рядовых и ранены 1 офицер и 3 рядовых. Устрашенные сим смелым действием, чеченцы очистили лес и, удаляясь в свои аулы, приготовились к защите их. Полковник Пулло, заняв стрелками и казаками лес, беспрепятственно занимался проложением в оном безопасной для выстрелов дороги. По окончании работ, когда отряд пред вечером 20 октября начал отступление, вдруг собрались толпы неприятеля, завязали перестрелку и покушались делать натиски на арьергард, но всякий раз были останавливаемы огнем артиллерии; наконец за мирным аулом Акшипатой-Гойты вовсе удалились. При отступлении у нас ранены 1 офицер и 3 рядовых. Остановясь на ночлег близ дер. Акшипатой-Гойты, полковник Пулло послал в аул Зузин-хутор, прилежащий к мирным деревням, с требованием от него покорности, но жители оного отвергнули это предложение. Решившись наказать их за это, полковник Пулло, дабы усыпить внимание их и дать им время собраться в свои жилища, возвратился в крепость Грозную и, оставшись там целые сутки, 22-го числа в 9 час. вечера выступил с 2 батальонами пехоты, 175 казаками и 5 орудиями и за час до рассвета подойдя к самому аулу и оставив в резерве батальон пехоты, казаков и одно орудие, с остальными войсками в глубокой тишине двинулся и внезапно овладел аулом, в котором захватили в плен 32 души обоего пола. К полудню 23-го числа отряд возвратился в крепость Грозную...» [36, Л. 92-94].

Более подробно эту экспедицию сам полковник Пулло А.П. описал в рапорте № 143 от 24 октября 1836 г. на имя начальника штаба войск Кавказской линии и в Черномории генерал-майора Петрова [36, Л.99-102].

В приложении к рапорту дан список пленных, захваченных в бою 19 октября 1836 г. в Гойтинском лесу и при нападении на Зузин-хутор 23 октября 1836 года: 19 мужчин от 1 года до 50 лет, столько же лиц женского пола от младенцев до 25 лет [36, Л. 103-103 об]. По теме Кавказской войны XIX века написано немало трудов, чего только стоят воспоминания, письма или художественные произведения русских писателей-офицеров и некоторые из них, к примеру Пушкин, Лермонотов, Бестужев-Марлинский, Мордовцев, Толстой и даже француз Ксавье де Местр, служивший в русской армии, напишут о русских солдатах и офицерах, попавших в плен к горцам Кавказа. Однако, не перечисленные выше писатели и никто более не напишет, каковой была судьба тех чеченских, и не только чеченских, а вообще кавказских женщин, девушек, детей, которых взяли в плен царские войска. Конечно, есть поэма Лермонтова «Мцыри», где прототипом главного героя выступает Петр Захаров, взятый в плен А.П. Ермоловым при разгроме чеченского селения Дади-Юрт в 1819 году. А сколько еще детей попало в плен, и каковы их судьбы, особенно девочек?

Этот вопрос никто не задавал и не задает. А раз упомянули Петра Захарова, то надо отметить, что по «Свидетельству № 3610», выписанного 23 августа 1823 года в городе Тифлис генералом А.П. Ермоловым – командиром Отдельного Кавказского корпуса «при истреблении прошлого 1819 года сентября 15-го дня селения Дадай-Юрт и 3 марта 1822 года в Кабдаре деревни Кахети взяты в плен два мальчика, наименованные при крещении первый из чеченцев Петр, а последний из лезгин Павел Захаровы, отданы мною на воспитание генерал-майору П.Н. Ермолову» [32, Л. 1].

Судьба Петра Захарова известна, ибо он стал большим художником-академиком. Именно благодаря Петру известна и судьба лезгина Павла Захарова, который, по свидетельству дочери П.Н. Ермолова Ольги Петровны: «Он (Павел) оказался не способным. Отправили его солдатом на Кавказ. Погиб в Грозной» [28]. А вот другой пример. В Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА) обнаружено Свидетельство № 139, где указано: «Дано сие от Штаба Кавказского отдельного корпуса, Господину Генералу и Кавалеру Алексею Петровичу Ермолову в том, что из числа пленных Нагайцев, выведенных из Закубани в 1824 году, бывшим начальником сего Штаба, Генерал-Майором Вельяминовым 3. отданы на воспитание…, мальчики родные братья Таштамир и Алтамир Тустовы, по крещении названные: первый имеющий 11 Петром и второй 10 лет от роду Павлом Сергеевыми сыновьями по прозванию Масловыми, коих на основании Высочайших указов 1741 года Октября 6, и 1808 Май 23 дня, следует держать у себя до двадцати пяти летнего возраста, а по достижении оного предоставляется Масловым избрать род жизни. Если же прежде означенного возраста Мальчики те потребуются навымень, то Его Высокопревосходительство обязан предоставить немедленно. – г. Тифлис, Апрель 23 дня 1827 года.

Исполняющий должность начальника корпусного штаба Генерал-лейтенант…» [33, Л.1]. Последний документ содержит важную информацию. Так, в данном «Свидетельстве» упоминаются два указа императоров России. Первый указ императрицы Елизаветы Петровны от 6 октября 1741 года называется «О жидах». Текст очень краток… Второй указ (1808 г.) императора Александра I «О кыргызах». Этот документ по содержанию более гуманен и конкретен – Российская империя расширяется, бесконечно ведет войны, и ей нужны люди – для труда, для войн, для обслуги, на вымен, да мало ли еще для чего…[13]. Здесь следует отметить, что со временем , как когда-то «жидам», а потом и «кыргызам», так и горцам Кавказа будет оказано некое внимание, однако это внимание уже будет не на уровне царя – Россия уже совсем иная, и Кавказ иной, почти покорен и поэтому, уже не указом Николая I, а распоряжением Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом Генерал-адъютантом князем Воронцовым от 6 июня 1847 года будут разработаны «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев», где указано: «Военнопленные, без различия пола и возраста, остаются в течении трех месяцев в ближайшей крепости или укреплениях для размена русских пленных, в горах находящихся. Из правила этого должны допускаться исключения для тех военнопленных, которых начальство признает полезным удалить немедленно в Россию» [9, Л. 50-51]. Здесь почему-то сразу вспоминается имам Шамиль, словно для него отдельно, заблаговременно, было приписано последнее предложение. Впрочем, это замечание, может быть, не совсем корректно в научной статье, но обратить внимание на «Свидетельство», выданное уже бывшему проконсулу Кавказа, необходимо как на показательный факт той эпохи! Документ уникальный. Информация о спасенных братьях Таштамире и Алтамире Тустовых в специальной литературе приводится как признак любви А.П. Ермолова к кавказским детям. Конечно, А.П. Ермолов любил детей, особенно своих, и есть масса документов (писем), где он постоянно ходатайствует за своих мальчиков – детей от двух кебинных жен и одной крепостной девушки Марфы из отцовского имения. А вот судьба «спасенных» ногайцев Таштамира и Алтамира Тустовых (или Петра Сергеевича и Павла Сергеевича Масловых) далее не прослеживается, данные о них не обнаружены, и более они нигде не упоминаются, хотя согласно «Свидетельству» – это довольно взрослые дети, они должны были знать свои корни, имена родных, название своего аула. И, наверное, если бы они проявили какие-то способности, как Петр Захаров, то они смогли бы оставить после себя какой-то след. Но, видимо, таких способностей у них не было, как и у Павла Захарова. Но рядом с Павлом был Петр Захаров, поэтому о судьбе Павла хоть что-то, да известно – «солдатом погиб в Грозной».

Может быть, и участь Тустовых-Масловых была аналогичной.

Как видно по обоим «Свидетельствам», Тустовы были взяты в плен еще в 1824 году, а передача их «на воспитание» А.П. Ермолову произошла в апреле 1827 года. Где и как содержались эти дети?

По данному вопросу А.С. Пушкин в «Путешествие в Арзрум» оставил уникальное свидетельство: «В крепости я видел черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие, и в отвратительной нечистоте. На ногах я видел деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе» [31].

Пушкин, действительно, гений! В одном абзаце он описал весь ужас содержания пленных детей. Поэтому, он так прямо и пишет – «выпущенные на волю». И при этом он констатирует, что они не будут «жалеть о своем пребывании», ибо их будущее будет еще более ужасным.

В данный момент почему-то вспоминается образ манкурта Чингиза Айтматова или «Соты Бейхами» из романа «Учитель истории» [15].

Одним абзацем, очень кратко, но Пушкин сумел хоть как-то обозначить проблему с пленными детьми горцев-кавказцев. Но почему остальные писатели-гуманисты, даже такой как Лев Толстой, писали о русских солдатах, попавших в плен, а о пленных чеченских детях – ни слова?

Может быть, до них тоже был доведен строгий приказ: «А описывать экспедиции не велят». Только Пушкин посмел, и то – вскользь.

Надо иметь ввиду, что Пушкин не был военным и гражданскому еще могло сойти с рук, то, что офицеру было крайне опасно и, вообще, не патриотично нарушить приказ – «не описывать!».

Именно так воспринимаются свидетельства некоторых офицеров русской армии, описывающих Кавказскую войну. Так, например, декабрист А.П. Беляев (1802-1888) – человек прогрессивных взглядов, сторонник гражданских свобод, и он в своих воспоминаниях так описывает уничтожение чеченского аула Кишень-юрт в 1842 году: «Во время стоянки приказано было разорять аул и рубить фруктовые деревья. С сердечным сокрушением смотрел я как одно за другим валились многовековые, гигантские орешники, из которых каждый кормил целый год многолюдное семейство. Орехов на них бывает такое изобилие, что, вывозимые на базары, они доставляли хлеб и все нужное для дома – и все это гибло за то, что изуверству или фанатизму Шамиля угодно было поднять все эти племена на безнадежную, священную войну против неверных» [2].

Учитывая либерально-прогрессивные взгляды А.П. Беляева, можно предположить, что основной мыслью или ключевыми словами процитированного абзаца являются слова «с сердечным сокрушением», и тогда понятно, почему с декабристом дружил другой русский писатель-гуманист Лев Николаевич Толстой, и даже известно, что великий классик был редактором «Воспоминаний» Беляева. Небольшой разбор этого свидетельства показывает, что «сердечное сокрушение» вызвано приказом «разорять аул» и эти два слова воскрешают в памяти рисунок из альбома Геевского Е.П. «Разорение аула Топли 6 марта 1820 года» (Рис. 4) и «Разорение аула (лезгинского)» художника Т.Ф. Горшельта (Рис. 5).

Понятно, что «разорение аула» – это насилие, будут жертвы, будут раненые и пленные. Однако об этом не велено писать, и тогда Беляев сокрушается, что «одно за другим валились многовековые, гигантские орешники».

Здесь, по-нашему мнению, необходимо сделать несколько оговорок. Мать А.П. Беляева – шведка. С юности он служил во флоте и, будучи мичманом, посетил многие европейские страны, после чего в нем утвердился некий дух свободы. Он не состоял ни в каких тайных дворянских обществах, хотя и знал об их существовании, но в декабре 1825 года он был на Сенатской площади вместе с восставшими, и впоследствии вместе с братом был осужден. После каторги, в качестве рядового, был отправлен служить на Кавказ, где дослужился до офицера и в 1848 году был отправлен в отставку.

Эти краткие подробности приведены к тому, что Беляев, скорее всего, все прекрасно понимал, и он не мог в своих «Воспоминаниях» написать, что чеченцы – древний и свободолюбивый народ Кавказа. Он умело применяет литературную метафору – гигантские, многовековые ореховые деревья, которые посажены чеченцами и щедро их кормят, точнее, кормили.

Однако Беляев вынужден ввести фигуру «изувера и фанатика Шамиля, который поднял эти племена на безнадежную, священную войну».

«Воспоминания» А.П. Беляева написаны и изданы в 1880-х годах, когда Шамиля уже давно нет. Но есть царь, есть самодержавие, есть цензура. И Беляев понимает, что лежит в основе колониальной войны – имперский дух. Однако, он уже жестоко проучен, вот и списывает он все грехи на имама Шамиля, хотя и знает, что последний был имамом Чечни лишь 19 лет, с 1840 по 1859 гг., после чего, якобы, сдался в почетный плен, следом торжественно присягнул императору России Александру II, получил дворянское звание и генеральскую пенсию за выслугу лет.

А если ссылаться на того же декабриста А.П. Беляева, то следует отметить, что он служил на Кавказе с 1839 года, но сражение при Валерике в своих «Воспоминаниях» он никак не упоминает, ибо таких сражений было очень много, да и зачем лишний раз описывать жестокость, кровопролития, пленных; зачем чеченцев, этих аборигенов, которые веками выращивали гигантские ореховые деревья, упоминать? А вот эти деревья, эти дремучие леса мешали завоеванию Кавказа. Как не вспомнить здесь «Рубку леса» Толстого?

Казалось бы, судя по названию, речь идет лишь о рубке леса. Даже великий гуманист Толстой не пишет, что рубить будут не только лес… В этом плане гораздо откровеннее был Лермонтов, когда описывал сражение при Валерике.

Следует отметить, что сражение при Валерике было описано не только участниками данного события, но и первым исследователем жизни и творчества М.Ю. Лермонтова П.А. Висковатым, который тоже уделил большое внимание чеченскому, многовековому, девственному лесу, понимая, что лес для чеченца – это не только кормилец, но и защитник, и соратник, и очаг, и кавказский дух!

Именно об этом пишет Висковатов: «…Отряд следовал к Гехинскому лесу. Неприятель не только не сопротивлялся, но и не показывался. Когда же войска вошли в лес и пошли по узкой лесной дороге, они встретили сильное сопротивление со стороны засевших в завалах черкесов… Впереди виднелась речка Валерик…Едва артиллерия начала сниматься с передков, как чеченцы внезапно открыли убийственный огонь. Войска кинулись вперед через овраг, помогали друг другу, перебрались через речку по грудь в воде. Начался упорный, рукопашный бой частью в лесу, частью в водах быстро текущего Валерика. Кинжал и шашка уступили, наконец, штыку. В лесу за речкой бой или, по крайней мере, перестрелка длилась еще много времени» [5, с. 88-89].

Рис. 4. «Разорение кавказского аула»
Рисунок из альбома Геевского Е.П.

А вот как Лермонтов описывает этот бой:

Что нужды? здешние полки
Народ испытанный.. В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди…
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня.
Ура – и смолкло. – Вон кинжалы,
В приклады! – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью в грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть…
(И зной и битва утомили

Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна

Только очевидец, участник боя и при этом гениальный поэт мог так емко описать весь накал борьбы. Чего стоят две неполные строки: «…Резались жестоко как звери, молча, с грудью грудь…»

Рис. 5. «Разорение аула(лезгинского)»
Горшельт Т.Ф.

Хотя сам Лермонтов – офицер русской армии, но будучи поэтом, художником, он как бы отстраняется от ситуации, пытается смотреть на все это со стороны, и тогда он видит, что в сражении на реке Валерик, в чеченском лесу, в жестокой схватке сошлись люди – «как звери».

По Лермонтову получается, что и чеченцы, и русские – «как звери». И нападающие, и защищающиеся – «как звери».

Даже если не абстрагироваться, а логически оценить ситуацию, то понятно – обороняющаяся сторона, за спиной которой находятся дети, женщины, старики, очаг и просто будущее, должны либо пасть на колени, сдаться, либо сражаться, «как звери», до конца.

Но почему Лермонтов сравнивает со зверями и своих сослуживцев?

Конечно же, гениальный поэт Лермонтов гораздо гуманнее и дальновиднее, чем его командир генерал Галафеев, и даже чем офицер Лермонтов.

Впрочем, это некая литературная реминисценция, а мы вернемся к нашей исследуемой теме и посмотрим, как Лермонтов, уже не как поэт пером, а как художник кистью описал сражение при Валерике. И посвятил он этому грандиозному, судя по отражению в истории, и в его жизни, событию несколько рисунков. Это карандашный рисунок «Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев», Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург (Рис. 6); набросок к акварели «Эпизод из сражения при Валерике», 1840 г. Государственный Литературный музей, Москва (Рис. 7); «Эпизод из сражения при Валерике». Акварель Лермонтова и Гагарина, 1840 г. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург (Рис. 8) и «При Валерике, 12 июля 1840 г. Похороны убитых», Акварель Лермонтова, 1840 г., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург (Рис. 9).

Прежде, чем мы перейдем к комментариям рисунков Лермонтова, обратим внимание на заключение исследователя живописного наследия Лермонтова Пахомова Н., который отмечает, что «для Лермонтова характерен самый выбор зарисовок. Мы знаем, что поэт достаточно долго скитался по России, чтобы создать целую сюиту различных видов. Однако среди дошедших до нас рисунков, мы напрасно бы стали искать виды того Тамбова, который он описал в своей «Тамбовской казначейше», или виды Новгорода, где стоял Гродненский гусарский полк, в котором он служил. Даже виды Тархан, неоднократно запечатленные в его литературных произведениях, отсутствуют среди его рисунков. Зато часто и любовью он изображал Кавказ, тот Кавказ, которым был увлечен с самого детства и который был фоном большинства его произведений» [29, с. 56-57].

Глядя на рис. 1 «Сражение при Валерике», где, как и положено, в центре и во главе всего на коне генерал Галафеев, вспоминается, почему-то, картина Веласкеса «Сдача Бреды» (Рис. 3). Дело в том, что эта картина имеет еще одно название «Копья», потому что художник показал огромное количество копий испанских воинов, направленных вверх.

Уверенно можно сказать, что Лермонтов не видел картину Веласкеса, но и на его рисунке, только в левой части, огромное количество штыков, тоже направленные вверх. У Веласкеса изображено окончание боя, после чего будет заключен мир между Испанией и Голландией, а у Лермонтова это начало боя и эти многочисленные штыки русской армии, как отметил Лермонтов – они от крови поржавеют.

Генерал Галафеев в своем рапорте напишет: «Эти солдаты были те самые герои, которые не раз уже проходили по скалам Кавказа... и чеченцы, невзирая на свое отчаянное сопротивление, были разбиты». Именно об этом и следующая акварель Лермонтова (Рис. 6).

Этот набросок (Рис. 7), этот фрагмент ляжет в основу известной работы «Эпизод из сражения при Валерике», выполненной Лермонтовым совместно с Гагариным.

Рис. 6. Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев.

Рисунок Лермонтова, 1840 г. Санкт-Петербург.

Рис. 7. Набросок к акварели. «Эпизод из сражения при Валерике»

Рисунок Лермонтова, 1840 г.

Литературный музей, Москва.

И как отмечает Пахомов: «Характерно, что Гагарин, в своем большом полотне «Сражение при Ахатли», исполненном после смерти Лермонтова, повторяет эту же группу, правда, на втором плане, этим подтверждается, какое большое смысловое значение он придавал этой композиции, столь врезавшейся, по-видимому, ему в память» [29, с. 67].

Прежде, чем мы приступим к рассмотрению основной работы «Эпизод из сражения при Валерике» (Рис. 8), уместно сказать несколько слов о соавторе Лермонтова Гагарине Г.Г. (1810-1893) – князе, который с детства жил в Италии. Там же он подружился и брал уроки живописи у великого Карла Брюллова; был человеком очень прогрессивных взглядов.

Акварель «Эпизод из сражения при Валерике» сохранилась в архивах Гагарина и там же отмечено на французском языке рукой того же Гагарина, что «Лермонтову принадлежит композиция и рисунок, Гагарину – раскраска».

«Эпизод из сражения при Валерике» – потрясающаяся по историческому реализму работа, была исполнена через несколько месяцев после того самого сражения, а, именно, осенью 1840 года в городе Кисловодск, где встретились Лермонтов и Гагарин.

Как известно, Гагарин в сражениях на Кавказе участие не принимал. Однако, видимо, под впечатлением от рассказа Лермонтова два художника решили запечатлеть данный факт истории для потомков.

Как отмечал Пахомов Н.: «Картины и рисунки Лермонтова не профессиональны, они грешат против многих правил живописного мастерства, но зато все они овеяны духом гениальности Лермонтова, все они таят в себе какую-то только им присущую гамму красок, своеобразный аромат его восприятия природы, подлинные куски его зрительных впечатлений» [29, с. 81].

Действительно, это так. По академической выучке, как русский офицер, Лермонтов должен был в центре композиции поместить своих сослуживцев, а, может, как любили некоторые художники, и себя героя показать.

С другой стороны, именно как художник, оценивающий эту ситуацию беспристрастно, Лермонтов мог бы стать, как бы посередине, и тогда масштаб или художественная перспектива картины были бы совсем иными. Однако в этой акварели фокус не в итоге сражения, а совсем в другом: здесь на переднем плане обороняющиеся горцы-чеченцы, которые своим характером, своим поведением, своим духом буквально поразили великого поэта, и то, что Лермонтов не посмел написать в своем стихотворении «Валерик», рассказал своему товарищу Гагарину и они описали это событие на полотне.

«Эпизод из сражения при Валерике» – это уникальное живописное произведение в русском, да и в мировом искусстве.

В XIX веке царская Россия непрерывно ведет войны на границах империи и не только. Эти завоевания русской армии запечатлены на многочисленных полотнах великих русских художников.

А вот то, что отобразил Лермонтов в своей картине «Эпизод из сражения при Валерике» – это прямо противоположный взгляд, нежели тот, который господствовал в российской батальной живописи. И прежде, чем мы перейдем к детальному анализу композиции, отметим главное – а главное заключено в том, что Лермонтов, как

исполнитель, без всяких сомнений, помещает самого себя в самой гуще уже почти что полностью поверженных горцев-чеченцев.

При этом, и это сверхважно: в картине Лермонтова нет никакого сочувствия и тем более жалости к проигравшим горцам. Наоборот, Лермонтов потрясен, он восхищен и удивлен характером горцев Кавказа…

Следует отметить, что такие сражения, как при Валерике, за долгое время Кавказской войны происходили довольно часто, но лишь благодаря Лермонтову и Гагарину мы можем увидеть реальную картину.

Следует отметить, что эту акварель авторы не посмели опубликовать и предать гласности даже как апофеоз русского оружия и победы. Нет! Не то, что при жизни Лермонтова, даже при жизни самого Гагарина эта картина не была обнародована. И только в 1898 году, когда наследники Гагарина передали альбом последнего в Русский музей, эта акварель, и то лишь в начале XX века, стала известной.

А почему эта работа не увидела свет при жизни Лермонтова или даже Гагарина?

Ответ на этот вопрос в самой картине – безотносительно от авторов, симпатии художников всегда на стороне того, кого художник помещает в центр своего холста, на кого обращен весь спектр внимания и соучастия, и это – чеченцы, уже поверженные, уже перебитые, уже проигравшие этот бой, конкретно это сражение. Но все равно, именно эти горцы-чеченцы оказались достойны внимания. И Лермонтов, и Гагарин запечатлели не просто «Эпизод из сражения при Валерике», они сделали совсем иное, смысл их работы совсем в ином. Они поразились и поэтому запомнили, и отобразили конкретные лица, жесты, характеры, манеры, и что особенно важно, даже взгляды, даже мысли, чувства и дух этих борющихся за свое существование людей.

Так ли скрупулезно и внимательно описывал тот же Лермонтов своих сослуживцев, даже своего командира – генерала Галафеева, рисуя картинки того же сражения при Валерике?

Так на рисунке 6 «Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев», нет никакой чувственности, экспрессии или героики, лишь всеохватывающая мощь, и если в правой части рисунка видно, что войска уже вступили в бой, то слева и в глубине еще стоят огромной массой штыки-резервы, а посередине безликое очертание генерала Галафеева и прямо, как бы под его носом, труп сраженного коня. И вся эта картина серая, в пороховом тумане и даже горы и леса, что в перспективе на полотне, тоже показаны как клубы дыма начавшегося пожара.

Не так сухо, как «Начало боя. Генерал Галафеев», исполнена Лермонтовым следующая акварель «При Валерике. 12 июля 1840 г. Похороны убитых» (Рис. 9).

Казалось бы, что в этой картине все естественно, прозаично, как говорится «лес рубят – щепки летят», то есть жертвы на войне случаются и их с почетом надо хоронить. Но, вместе с тем, в этом документе истории есть, по-нашему, и нечто иное, что может быть у Лермонтова, как у любого художника или писателя, получилось, как бы неосознанно – это останки двух огромных деревьев: они четко, хорошо прорисованы и здесь автор сделал явный акцент, показав то насилие, что эти живые существа испытали. На них не осталось ни одного живого листочка или даже сучка, но если вглядеться, то тот остов дерева, что крайний справа, тот что с обороняющейся стороны, с чеченской стороны, еще ведь стоит.

Да, этот остов, даже несколько, от бесчисленных и беспощадных пушечных ударов прогнулся, истерзан, но он стоит, упрямо стоит и в его позе, в его позиции и в этой отличительной проработке, вроде какого-то бревна, есть что-то отстраненно-непоколебимое, даже надменно-величавое, словно это кавказский исполин смотрит с презрением на суету бесчисленной карликовой рати.

Рис. 8. Эпизод из сражения при Валерике.

Акварель М. Лермонтова и Г. Гагарина, 1840 г.

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Напомним, что это комментарии к акварели Лермонтова «При Валерике. 12 июля 1840 г. Похороны убитых».

В литературе по живописи Лермонтова есть и иные комментарии, все они, как, например, у Пахомова Н. очень кратки: «Акварель, изображающая похороны убитых на другой день после Валерикского сражения, выполнена сухо и протокольно, по установившемуся для изображения батальных сцен, несколько театрализованному образцу» [29, с.120-121].

Значительно больше в литературе есть комментарий по акварели «Эпизод из сражения при Валерике». Так, например, Иванова Т.А. в исследовании «Лермонтов на Кавказе» пишет: «Особенно поразил Гагарина эпизод сражения при Валерике: чеченцы борются за тела убитых. Рисунок полон экспрессии и драматизма. В центре благородная фигура чеченца на фоне родных гор. Прекрасно его лицо с глазами, полными страдания. Скорбно приподняты брови. Он держит на руках убитого брата или друга. Другие загораживают его от надвигающихся из глубины русских. Один из живых простирает к ним

руку и как бы говорит: оставьте нам мертвых! На земле тела убитых. Мертвая рука убитого героя, защищавшего свой родной край, все еще сжимает кинжал.

Рис. 9. При Валерике. 12 июля 1840 г. Похороны убитых.

Акварель Лермонтова, 1840 г.

Государственная национальная библиотека, Санкт-Петербург

Это описание акварели «Эпизод из сражения при Валерике» взято из исследования Русские солдаты идут сплошными рядами. Одни штыки, лица стерты. Их движет внешняя непреодолимая, грубая сила, как вынуждает она и самого Лермонтова, поэта и художника, проливать кровь, как заставляет лучших русских людей воевать с горцами.

Страшное противоречие – сражаться и сочувствовать врагам! Безвыходность – убивать или быть убитым. И мучительное желание уйти от этого кровопролития» [16, с. 171-172].

А вот другой, очень краткий комментарий того же Пахомова: «В акварели выражено то отношение к захватническим войнам русского царизма, которое так ярко звучит в стихах Лермонтова, посвященных сражению при Валерике… Центральная группа акварели запечатлевает обычай горцев во что бы то не стало уносить с поля боя не только раненых, но и убитых.

Висковатов, со слов Филипсона, пишет: «У горцев образовался обычай, отправляясь в военное предприятие, давать друзьям и союзникам клятвенное обещание привозить

обратно мертвых, или, если это окажется невозможным, отрубать голову убитого и привозить ее семейству; не сделавший этого принимал обязательство всю жизнь содержать за свой счет вдову и детей павшего товарища» [29, с. 65].

Пахомова Н.П. «Живописное наследие Лермонтова», выпущенного издательством Академии наук СССР в 1948 году, под эгидой Института русской литературы (Пушкин. дом) АН СССР. При этом Пахомов Н.П. ссылается на первого лермонтоведа Висковатова, который, в свою очередь, дает эту информацию «со слов Филипсона», но в воспоминаниях генерала Филипсона Г.И. мы не нашли подтверждение этому.

Вместе с тем, у того же Филипсона есть следующие свидетельства о немецком бароне Зассе Г.Х. (1797-1883), который дослужился до звания генерала русской армии: «Засс, по обычаю, приказал отрезать головы убитых и с этим трофеем возвратился в свой Прочный Окоп. Через год после того, я встретил генерала Засса в Ставрополе. Он ехал на санях, а другие сани, закрытые полостью, ехали за ним: «Куда это, ваше превосходительство, и что везете?». «Еду, земляк, в отпуск и везу в сдачу решенные дела», – с этим словом он открыл полость, и я не без омерзения увидел штук пятьдесят голых черепов» [7, с. 102].

А вот еще одно свидетельство того же Филипсона: «Трофеями этого дня были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вельяминов ((1785-1838), командующий Кавказской линии и Черномории с 1831 года) платил по червонцу и черепа отправлял в Академию наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка, которая иногда многим стоила жизни, с той и другой стороны… Драка за трупы и отрезание голов вошли в нравы и обычаи кавказских (царских) войск» [7, с. 120-121].

По свидетельству Филипсона, мы видим кто, почему, как и за что отрубал головы убитых горцев. А сами чеченцы, и никто обратное не докажет, никогда не шли войною на другие народы, не торговали головами врагов как последние варвары и дикари.

И мы уверены, если бы был факт, что чеченцы, якобы, у своих же убитых отрубали головы, то такой человек как Лермонтов, а он, по свидетельству близких, был очень жестким и правдивым человеком, никогда бы не прошел мимо этого факта. Но такого не было и не могло быть, ибо этого нет в традициях, в истории, в верованиях и в Адатах Кавказа.

Также следует обратить внимание и на другой комментарий того же Пахомова Н.П., что «у горцев был обычай, отправляясь на военное дело, давать друзьям и союзникам клятвенное обещание…». Никто никому никогда никаких обещаний и клятв не давал – ибо чеченское общество – это свободное общество независимых людей и когда на их землю приходил враг, все кто мог, даже женщины и дети шли на защиту своего очага. И по этому поводу у чеченцев есть даже поговорка, когда человек слишком спешит: «ТIам тIе воьдуш санна сихвелла воьдуш ма ву хьо!» В смысле – торопишься как на бой (сражение).

Вот это и есть обязанность – защищать свой край, свой очаг, своих близких!

И, наконец, последнее утверждение Пахомова «содержать за свой счет вдову и детей павшего товарища». В данном случае, видимо, цитируемый автор решил связать жизнь чеченского общества с жизнью воровской среды, которая зародилась при большевистском строе в те же 30-ые годы, когда в Советском Союзе массово создавалась система

первобытного насилия – ГУЛАГ, где, под контролем тех же большевиков, взращивали «касту» так называемых «воров в законе», где культивировалось это понятие – забота о близких родственниках погибшего «за дело» вора.

Это воровское понятие в криминальной среде, а в чеченском обществе, при любых обстоятельствах, о вдовах и сиротах заботятся только близкие родственники, однотайповцы или односельчане. Если, в связи с войнами, и таких не оставалось, то каждый чеченец чеченцу – брат, друг, товарищ!

Этот фундаментальный принцип заложен в Адатах Кавказа и благодаря этому чеченцы выстояли, выжили в многолетней войне, названной в литературе Кавказской, в XIX веке, выжили при выселении в Среднюю Азию, в Сибирь – геноциде XX века.

А то, что мы, исследуя тему «Валерик – пером и кистью Лермонтова», столько внимания уделили цитате из книги Пахомова Н.П., имеет свой закономерный, по нашему мнению, смысл, ибо случайностей в мире нет.

Так, Пахомов Н.П. (1890-1978) – искусствовед, литературовед и к тому же – кинолог, любитель собак, и в 1935 году он выпускает книгу «На волков с гончими» (так и напрашивается добавить «псами») и в том же году этот Пахомов, вдруг, всем известную картину «Корнет лейб-гвардии Гусарского полка М.Ю. Лермонтов «1834. Холст, масло, 73,6х62,0 Институт русской литературы (Пушкинский дом), АН СССР (Рис. 10), которая ровно век – 100 лет – была известна как работа художника Петра Захарова-Чеченца, вдруг, в 1935 году этот искусствовед-собаковод Пахомов подвергает сомнению и присваивает авторство некому художнику Будкину Ф.О., о котором мало что известно.

Как мы ранее писали, в 1948 году Пахомов выпускает большое исследование «Живописное наследие Лермонтова», где мнение этого автора безапелляционно, политически выверено, потому что в это время весь чеченский народ уже выслан с Кавказа, как предполагалось, навсегда.

В главном зале Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, на самом почетном месте находился портрет великого русского поэта – лучший, по исполнению, портрет М.Ю. Лермонтова кисти Чеченца из Дада-Юрта…

В данный момент, кто-то может подумать, что последняя информация явно не по заявленной теме «Валерик…». На самом деле, это все взаимосвязано, ибо речь идет о том же Лермонтове, о его отношении не только к сражению при Валерике, но и личных контактах с чеченцами. Задолго до этого и вопреки многочисленным научным публикациям, например, статьи главного хранителя музея ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) Кочневой Е.В. «Он не красив, он не высок …» [20], опубликованной уже в 2014 году, где еще раз была сделана попытка упомянутый портрет Лермонтова приписать Будкину Ф.О. По нашим многочисленным ходатайствам была назначена искусствоведческая комиссия из сотрудников Государственного Русского музея (Санкт-Петербург), которая восстановила справедливость: авторство Петра Захарова было доказано.

Однако, вновь вернемся к живописи Лермонтова, точнее к акварели Лермонтова и Гагарина «Эпизод из сражения при Валерике», и здесь на переднем плане трупы – трупы только чеченцев. Мы видим сраженного горца, который в правой руке все еще сжимает свое оружие – саблю, которую он даже не успел обнажить. Чуть выше, левее от центра, еще один поверженный горец в черной шапке – острый длинный штык уже готов в него вонзиться, в

отчаянии сжат его кулак, а во взгляде – весь ужас бойни. Между этими фигурами запечатлен еще один горец – горец-здоровяк, в нем чувствуется сила и мощь, но и он уже пал, голова в бессилии склонилась к земле, хотя в руке он еще сжимает кинжал, острием вверх…

Кстати, этот передний план акварели чем-то напоминает ту же груду поверженных на знаменитом полотне Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ». Эта картина написана за десять лет до «Эпизода из сражения при Валерике», в 1830 году. Она выставлялась в Париже, имела огромный успех и, может быть, художник Гагарин, в то время проживавший в Европе, тоже мог видеть эту картину и также жертвы борьбы вывести на передний план.

Впрочем, конечно же, масштаб, значимость и влияние этих двух работ, вроде бы, несопоставимы. Тем не менее, идея этих картин – одна: и если на великом полотне, которое украшает Лувр, торжествует знамя победы, то исследуемая нами акварель где-то в запасниках Русского музея, здесь все наоборот. И хотя авторы этой акварели Лермонтов и Гагарин – не профессиональные художники, тем не менее, с композиционной стороны они все исполнили правильно. Наступающие русские войска в белой, как бы в парадной форме. И они не в центре, они, вроде не прописаны четко, они безлики и их совсем немного, но они сверху, они выше, они безусловно побеждают, идут со штыками непоколебимо вперед. А вот масса чеченцев показана слева, в углу, внизу. Уже изображены спины отступающих чеченцев. Несколько отдельно, на фоне голубого неба и белоснежных гор, изображены двое горцев, уносящих с поля боя раненого соратника.

На рисунке 7 есть карандашный набросок этого фрагмента, выполненный Лермонтовым отдельно. Здесь в фокусе изображен высокий горец. И для сравнения надо отметить, что этот же горец на акварели в совместной работе с Гагариным имеет совсем иной взгляд, выражение лица, нежели, чем на предварительном наброске.

Этот горец уже знает, что сражение проиграно, но он не отступает, ведь отступление – позор для настоящего горца. Покидая поле боя, он хотел вынести раненого или уже убитого брата. И мы видим, что взгляд этого горца, спасающего поверженного брата, устремлен к полю боя, к врагу. И голова этого худого, высокого, жилистого чеченца, как отметили художники, отнюдь не опущена. Наоборот, с явным вызовом решительно и презренно вздернут подбородок, и фатальная отчаянность, сила и злость во всем его горделиво-вызывающем облике. Становится ясно – он вынесет убитого брата с поля боя, обязательно вернется, отомстит, погибнет, и его тело уже некому будет выносить, царские солдаты через него перешагнут и своих убитых и даже раненых лошадей пересчитают …

Если мы вновь вернемся к дневнику генерала Галафеева, то там в самом конце приписана следующая фраза: «Еще многие семейства находились до самого появления наших войск на полевых работах».

Да, именно так показаны чеченцы на акварели «Эпизод из сражения при Валерике»:

Рис. 10. Петр Захаров – Чеченец

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка М.Ю. Лермонтов.

1834 г. Холст, масло, 73,6х62,0

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН,

Санкт-Петербург

это не бойцы какой-то регулярной армии, а простые жители близлежащих аулов и они, как это видно по изображению, даже не имеют с собой никакого огнестрельного оружия – ни одного ружья или пистолета, только сабли и кинжалы, которые не все даже успели обнажить под огнем артиллерии.

А еще, как мы ранее упоминали, в тот день в плен, именно в плен, была взята женщина, что шла на полевые работы.

Также на рисунке 2 мы показали фотографическое изображение чеченской женщины, сделанное немецкими исследователями в конце XIX века. Думается, что это

среднестатистический образ чеченской женщины после Кавказской войны, которой и грудного ребенка не с кем оставить дома, и вид у нее, в целом, вызывающий сочувствие.

В этом плане, раз мы вначале ознакомились с «Казачьей колыбельной песней», интересно, какова колыбельная песня чеченской женщины-матери? И здесь, рассматривая чеченский фольклор, поражаешься одному удивительному факту, что «целый ряд героев – безымянны, использованы нарицательные имена: сын Вдовы, сын Вдовой старухи, брат Сестры и другие» [27, с. 58].

Здесь возникает закономерный вопрос: «А почему в патриархальном чеченском обществе вдруг «сын Вдовы»?

Лермонтов в своем произведении частично дал ответ на этот вопрос: столько жертв, что даже полноводная река Валерик покраснела от крови горцев.

Вот откуда одинокая, босоногая чеченская женщина с люлькой. Ее мужа убили, и она уйдет, в очередной раз, по трагической традиции Чечни и Кавказа, в родные, недоступные для врага горы, где и родит сына.

Вот сохранившаяся «Колыбельная чеченской Вдовы» (Илли) [27, с. 61]:

Чтобы умерла родившая
Тебя мать (вместо тебя)
Мой маленький Нохчийн КІант,*
Из-за тебя нездоровой , когда я легла,
На вершине Толам-Лам сокол проклякотал.*
Когда ты от моего тела отделялся,
На высокой снежной горе
Барс ревел – «цІу-у-ув!»
Когда ты от моего тела отделялся
Волки завыли
– «Как наше сильное и смелое
пусть будет твое сердце!»
Когда я тебя взяла на руки,
Могучий, горный олень протрубил:
– «Чтобы обездоленных спасти
Пусть большое и благородное
Будет твое сердце!»
Когда твои губы коснулись
моей груди, я прошептала:
– «Чтобы обездоленных чеченских
*сирот спасти, дай мне Дела**
сил воспитать тебя!
Вырасти быстрее наш защитник!

Мой маленький, любимый Нохчийн КIант!»

**Нохчийн КIант – Чеченский молодец*

**Толам-Лам – чеченск. Гора Победы (Тебулосмта (груз.))*

** Дела – Бог (чеч.)*

** Смысловой перевод автора с чеченского*

Сравнивать эту колыбельную песню с «Казачьей колыбельной песней» методологически неверно, ибо последняя – плод сочинения Лермонтова, а «Колыбельная чеченской женщины» – это народный фольклор.

Тем не менее отметим, что каким бы гениальным поэтом Лермонтов не был, содержание своей «Колыбельной» он где-то услышал, уловил этот народный мотив и не удивительно поэтому, что и его бабушка, и великий критик Белинский от наставлений матери к набегу – просто в восторге! «Чудо!»

А в чеченском «Илли» – полная гармония с природой, и по тексту ощущается, что эта женщина одинока, она бежала в горы, чтобы спасти своего ребенка. И у нее нет шелка, чтобы седло сына расшить, да и коня ни у нее, ни у ее рождающегося дитя нет – лишь дикая природа Кавказских гор. Но с нею есть все обитатели этих гор и все они – от сокола, барса, волка, могучего оленя – желают ребенку стать не богатырем или джигитом-воином, а желают ему сильное, смелое, большое и, главное, благородное сердце, чтобы он смог спасти и защитить обездоленных сирот.

Военные экспедиции под руководством генерала Галафеева, в которых участвовал и Лермонтов, показали поэту истинный характер горца-чеченца и это он отобразил на своей акварели «Эпизод из сражения при Валерике», где все чечены очень злые, но никто не ползет и на коленях никто не стоит, и в самом центре – твердый, непреклонный жест, это рука, как жесткий заслон, и борьба, бескомпромиссная борьба за свободу!

Вот что увидел Лермонтов в Чечне, вот что его крайне поразило и он поведал это своему единомышленнику Гагарину, и они этот символ непокорности и борьбы за жизнь запечатлели для нас всех, для будущих поколений…

Правда были и есть и иные горцы, кавказцы и чеченцы, которые умели приспособиться к реалиям и их называли «мирные», а по Лермонтову «надменные» горцы, и они тоже принимали участие в Валерикском сражении и кое-кто из них был представлен в рапорте «О Всемилостивейшем пожаловании», и в этом списке, что хранится в РГВИА, двенадцать категорий: от высшего света – «по первому под лит(ерой) «А», «по одиннадцатому под лит(ерой) «Л» – это низшие чины казачьих войск и в самом конце «по двенадцатому под лит(ерой) «М» – это «Азиатцы» [35, Л. 25-27].

Кто-то из этих «азиатцев» дослужится до генералов, адмиралов, маршалов, однако в итоговом рапорте они навсегда останутся «азиатцами», а гении мировой литературы – Пушкин, Лермонтов, Толстой о них ни кистью, ни пером ничего не напишут, разве что скажут, что это – не «злой чечен», но он надменен… Надменен над самим собой….

Как мы ранее отмечали, на акварели «Эпизод из сражения при Валерике» рукою Гагарина карандашом указано, что она написана в Кисловодске и стоит дата – «11 июля 1840».

Известно, что это дата, когда состоялось сражение при Валерике, а по сохранившимся письмам, скажем другу А.А. Лопухину, выясняется, что Лермонтов две-три недели лечился в Пятигорске: «Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню… Я вошел во вкус войны» [23, с. 128].

И вот в обзоре военных действий и положения дел на Кавказе, по донесениям, полученным с 12 по 27 октября 1840 года, в частности указывалось: «Отряд генерала Галафеева (в котором находился Лермонтов), 28 числа занял аул Шали, истребив по пути весьма значительное количество запасов продовольствия и сена, 29 числа был занят главный аул Большой Чечни Герменчук… 3-го и 4-го октября войска предприняли снова движение к Шали и Герменчуку, сожгли оба селения» [34, Л. 42-46 об.].

А вот свидетельства сослуживца, сделанные в октябре 1840 года: «Лермонтов первый открыл отступление хищников из аула и при отбитии у них скота принимал деятельное участие, врываясь с командой в чащу леса и отличаясь в рукопашном бою с защищавшими уже более себя, нежели свою собственность, чеченцами» [12, с. 487].

По этому поводу есть и другие свидетельства. Так сослуживец Лермонтова барон Россильон Л.В. (1803-1883) впоследствии рассказывал: «Лермонтов нигде не мог усидеть, вечно рвался куда-то и ничего не доводил до конца…Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество! – ибо кто же кидался на завалы верхом?!. Мы над ним за это смеялись» [38].

В конце декабря 1840 года Военный министр А.И. Чернышев отношением за № 10415 сообщает командиру Отдельного Кавказского корпуса о том, что император по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, Высочайше повелеть соизволил: «Офицера сего, ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.Петербург сроком на два месяца» [12, с. 500].

Ранее, как мы отмечали, император собственноручно просто вычеркнул Лермонтова из наградного списка по Валерикскому сражению. Ну а вскоре, раз бабушка ходатайствует и, если, конечно же, «по службе усерден и в нравственности одобрителен», дается добро.

Усердие по службе – понятно, расшифровывать не будем, Лермонтов показал это на своей акварели. А вот интересно, что по мнению императора России значит «в нравственности одобрителен»?

Ответ на этот вопрос дал Л.Н. Толстой: «Приняв поздравления, Николай прошел в церковь. Бог через своих слуг, так же, как и мирские люди, приветствовал и восхвалял Николая, и он как должное, хотя и наскучившее ему, принимал эти приветствия, восхваления. Все это так должно было быть, потому что от него зависело благоденствие *и счастье всего мира, и, хотя он уставал от этого, он все-таки не отказывал миру в своем содействии» [41, с. 83]*.

Как это созвучно со словами другого классика, которые мы не раз уже цитировали: «Пуская я раб, но раб царя вселенной!»

И вот о нравственности «царя вселенной» продолжение того же абзаца из «Хаджи-Мурата» Толстого: «Когда в конце обедни великолепный и расчесанный дьякон провозгласил «многая лета» и певчие прекрасными голосами подхватили эти слова, Николай, оглянувшись, заметил стоявшую у окна Нелидову с ее… и в ее пользу решил сравнение…» [41, с. 83].

И вновь вспомним «Валерик» Лермонтова – «жалкий человек» и убедимся, что «жалкий» не император Николай, а его раб Лермонтов, которому «царь вселенной» соизволил, и то по прошению бабушки, два месяца отпуска.

Лермонтов провел в Петербурге не два, а почти три месяца и по воспоминаниям его родственника и ближайшего друга А.П. Шан-Гирея: «Три месяца, проведенные Лермонтовым в столице, были самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять» [25, с. 226].

А вот что в это же время пишет редактор-издатель крупнейшего российского журнала «Отечественные записки» Краевский А.А. (1810-1889) в письме литературному критику, идеологу консервативных взглядов Каткову М.Н. (1818-1887): «Здесь, т.е. в Петербурге теперь Лермонтов… Он поздоровел, целый год провел в драках и поэтому писал мало, но замыслил очень многое» [12, с. 528].

И в эти же дни Белинский В.Г. пишет своему коллеге, тоже литературному критику Боткину В.П. (1812-1869): «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина», то, Аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т.е. одна из лучших пушкинских» [12, с. 528].

Как видим, даже за столь короткое время в столице Лермонтов оказался в самом центре культурного влияния высшего света, он пользуется огромной популярностью и все это, разумеется, благодаря его творениям. И, вдруг, Белинский сомневается – «если будет напечатана его «Родина», значит что-то в этой «Родине» не так, как пожелают цензоры. И следом восточное выражение, которое скорее всего написано на бессознательной инерции мысли, но последняя отмечает явное влияние Кавказа на творчество поэта, на его мировоззрение и мироощущение.

Ведь об этом же сообщает и Краевский: «Он поздоровел». Это, прежде всего, в плане мышления, от того жизненного опыта, новых познаний и просто вида иных миров, иных культур и цивилизаций.

Об этом и говорил Лермонтов тому же Краевскому А.А.: «Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинство азиатского миросозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас еще мало понятны. Но, поверьте мне, там на Востоке, тайник богатых откровений» [12, с. 534-535].

И вот в начале апреля 1841 года в журнале «Отечественные записки» выходит стихотворение Лермонтова «Родина» – «Люблю Отчизну я, но странною любовью!» и там же статья о поэте: «Он теперь в Петербурге и привез с Кавказа несколько новых Прелестных стихотворений. Тревоги военной жизни не позволяли ему спокойно предаваться искусству…Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки» [12, с. 534].

Каковы же эти «драгоценные подарки»?

Вспомним как Белинский восторгался на «Казачью колыбельную песню» – «Чудо!»

«Родина» – это совсем другой уровень поэзии и Белинский не только в восторге, понимая, что это гений наравне с Пушкиным, но и встревожен.

Стихотворение «Родина», как и «Казачья колыбельная песня», входит в школьную программу для учащихся 9-х классов общеобразовательных школ, но не как обязательная учебная часть, а рекомендовано для факультативных занятий. Хотя известно, что в литературно-художественном плане стихотворение «Родина» – это просто шедевр!

В этом небольшом по объему произведении искусства Лермонтов образно, красочно, живо, как на картинке, описал всю деревенскую Россию – ее бескрайнюю ширь, бесконечность, цвета, звуки, нравы, традиции.

И все это с такой нежностью, с такой любовью, заботой и вниманием, что понимаешь, откуда берут начало крестьянские рассказы Тургенева и Толстого, сразу же вспоминается «Степь» Чехова.

Эта любовь к отчизне, эта красота отчизны выявлена Лермонтовым в финале произведения, а начало «Родины» совсем не простое:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья. Но я
люблю – за что, не знаю сам…

Здесь ключевое словосочетание – «слава, купленная кровью». Эта слава не завоевана, не заработана, не сотворена или просто выдумана – эта слава куплена. Происходил торг, где в выигрыше никогда не была отчизна в понимании Лермонтова, но выгодополучатели были всегда…

В этот же период – март-апрель 1841 года, в дневнике В.А. Жуковского появилась следующая запись: «Отдал письмо бабушки Лермонтова» [12, с. 532].

Это письмо Е.А. Арсеньевой императрице с просьбой об отставке Лермонтова. И тут же последовала реакция: дежурный генерал Главного штаба граф П.А. Клейнмихель вызвал Лермонтова и сообщил ему предписание (императора) в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ в Тенгинский полк.

В данный момент почему-то вспоминается известное определение Лермонтова: «Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме глупостей» [23, с. 561].

Эта аксиома Лермонтова приходит на ум, когда мы пытаемся представить встречу поэта-гения и высокопоставленного придворного льстеца, казнокрада, лицемера П.А. Клейнмихеля: и чего только стоят его прижизненные портреты, особенно работы Ф. Крюгера, чтобы понять, как нелегко было Лермонтову общаться с ним, зная о нравах и характере последнего, и о своей пожизненной мечте:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сияние дня…

Такие слова, тем более мысли, в русской литературе до Лермонтова никто не смел говорить.

Лермонтов пользуется популярностью в свете, он вольнодумец и, к тому же, избалованный обеспеченной бабушкой молодой человек, про которого на современном сленге можно было бы сказать – мажор.

Однако, это вовсе не так, ибо Лермонтов и мы об этом уже писали, даже во время кратковременного отпуска в столице работает усердно.

Именно в этом, в его труде, в литературном труде, проявляется его гений, его природный дар и исключительность. Но это «сияние» в этой «темнице» истинным господам России вовсе не нужно, и Лермонтову приказано «убраться к дикарям и хищникам» на Кавказ. И тогда, еще на что-то надеясь, он напишет:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Это стихотворение увидит свет лишь много лет спустя после гибели Лермонтова, а через век некоторые критики станут утверждать, что Лермонтов так не мог сказать про любимую родину, в которой «все обновляется»…

А по пути на Кавказ Лермонтов посещает Москву и первое его письмо бабушке Е.А. Арсеньевой: «Жду с нетерпением письма от вас с каким-нибудь известием; я в Москве пробуду несколько дней» [23, с. 458].

А какого известия от бабушки Лермонтов ожидает с нетерпением?

Дело в том, что не только сам Лермонтов, но и многие его родственники и знакомые понимали, что его судьба предрешена, и об этом, конечно, еще того не ведая, пишет в своем дневнике известный русский философ, славянофил, издатель Ю.Ф. Самарин: «Мы долго разговаривали, он показывал мне свои рисунки. Воспоминания Кавказа его оживили. Помню его поэтический рассказ о деле с горцами… Его голос дрожал, он готов был прослезится. Потом ему стало стыдно, и он, думая уничтожить первое впечатление, пустился толковать, почему он был растроган, сваливая все на нервы, расстроенные летним жаром. В этом разговоре он был виден весь. Его мнение о современном состоянии России:

«Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого» [12, с. 543].

Эта запись от 20 апреля 1841 года, а еще через три дня в дневнике того же Ю.Ф. Самарина появится следующая запись: «Вечером, часов 9, я занимался один в своей комнате. Совершенно неожиданно входит Лермонтов. Он принес свои новые стихи для «Москвитянина» – «Спор»… Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах» [12, с. 549].

«Спор» – один из шедевров Лермонтова, где в аллегорической форме автор как бы устраивает диспут между двумя кавказскими вершинами Шат-горой (Эльбрус) и Казбеком.

На момент написания данного стихотворения территория вокруг Эльбруса практически покорена – русские курорты, крепости и города строятся и расцветают. А вот восточный Кавказ, где высится Казбек, еще сопротивляется. И если до «Спора» Лермонтов всегда восхищался Казбеком:

Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял… («Демон»)

Или:

…и Казбек
Сверкал главой остроконечной («Валерик»)

То в «Споре»:

И томим зловещей думой,
Полный чёрных снов,
Стал считать Казбек угрюмый –
И не счёл врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул –
И навек затих.

По сути – это военно-политическое предсказание и неизбежно-удручающееся состояние горских племен восточного Кавказа, а именно Чечни, мол, сопротивление просто бесполезно – лучше «навек затих».

В то же время обратим внимание на то, в какой спешке, в последний момент, ночью Лермонтов приносит свои стихи «Спор» для журнала «Москвитянин», который строго отстаивал идею русской государственности.

Мы не можем строго утверждать, однако, можем предположить, что с публикацией «Спора», где восхваляется всемирная миссия России, Лермонтов как бы хотел себя реабилитировать перед властями и цензорами.

Эти потуги поэта были уже бесполезны, ибо за ним был постоянный и строгий контроль, и все отмечали, что Лермонтов после ссылки на Кавказ изменился во всех отношениях и он сам же в этом признается: «Люблю отчизну я, но странною любовью».

У русского офицера, тем более поэта, который пользуется все возрастающей популярностью и влиянием в свете, не может быть «странная любовь», которая означает чувства, которые не вписываются в общепринятые рамки монархического строя. И недаром он говорил, что «там на Востоке тайник богатых откровений». И поэтому, в фундаментальном исследовании «Тайна Лермонтова» игумен Нестор (Кумыш) делает следующее заключение: «Чеченцы в поэтическом мире Лермонтова – блаженные дети природы, далекие от пороков цивилизованного мира, от того светского общества, к которому принадлежит сам автор. Чистые, разреженные высоты Кавказа, куда не проникает атмосфера страстей человеческого общества, является естественной средой обитания. С окружающей природой они находятся в гармоничном единстве и составляют с ней неразрывное целое. Оставляя в стороне объективную сложность кавказского мира, поэт создает портрет горцев из тех черт, которые отвечают его поэтической мечте. Чеченцы в изображении поэта полны жизненных сил, свободолюбивы, смелы, решительны, независимы, горды, свободны от духа стяжания, полны дружелюбия, не знакомы с эгоизмом и отчужденностью, открыты друг для друга. Самая главная их черта, которой они выгодно отличаются от тех, с кем им приходится воевать, – неповрежденная страстями энергичность души, утраченная цивилизованным человеком… В горцах поэт находит те черты, которых ему не хватает как в тесном кругу своих современников, так и в самом себе. Кавказцы и их мир символизируют собой первозданное состояние души человека, незнакомого с рефлексией и безверием, не отравленного мрачным сомнением, не замутненного действием страстей пороков, не страдающим рецидивом безволия и бездействия» [17, с. 29].

Понятно, что граф Клейнмихель вызвал Лермонтова по приказу императора. Их встреча, точнее допрос, длился около часа. Очевидно, что у Клейнмихеля на поэта уже было собранное досье, к тому же, и искушенный в дворцовых интригах граф тоже смог заметить резкое «взросление» популярного поэта после ссылки на Кавказ, после сражения на Валерике.

После встречи с графом Клейнмихелем Лермонтов понял, что тучи сгущаются над его головой. Он помнил, что как только Пушкин, гениальный русский поэт, не стал усердно исполнять придворные поручения, на его пути появился некий Жорж Шарль Дантес, этот бездельник француз, который после дуэли был разжалован, даже выслан во Францию, где он вскоре купил замок, стал сенатором, прожил до 83 лет, не выражая раскаяния, что убил великого поэта.

Также Лермонтов не мог не знать о судьбе еще одного великого русского писателя-декабриста Бестужева-Марлинского, который тоже чувствовал, что над ним сгущаются тучи. В 1837 году на черноморском побережье, в районе Анапы, при очень загадочных обстоятельствах он исчезает: тело писателя так и не нашли. И Лермонтов, который весной

1841 года вновь вынужденно едет на Кавказ, понимает, что вокруг него разворачиваются не простые события. И это понимает не только он. Поэтому все его родственники и знакомые хлопочут об его отставке – от родной бабушки, личного учителя царских детей поэта Жуковского, до критика Белинского. И последний в письме В.П. Боткину пишет: «Ведь решительно идет в гору, если пуля дикого черкеса не остановит его пути» [12, с. 528].

Вот понятие человека-критика, который объективен и беспристрастен, ибо Россия борется за светлое будущее Кавказа и «диких горцев», и поэтому, такой выдающийся человек как Лермонтов, должен быть в первых рядах в борьбе цивилизаций. Вот почему не только известнейший литературный критик эпохи, но даже сам император России в своих письмах интересуется судьбой поэта. Так, тот же генерал П.А. Клейнмихель сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Головину о том, что Николай I, «заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, повелеть соизволил…, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку» [37, Л. 12-12 об.].

Все-таки, очень интересно, на Кавказе армия в количестве 80 тысяч военных, однако, именно судьба поручика Лермонтова волнует императора огромной державы, и беспокоится, чтобы он «дабы непременно состоял налицо во фронте…» И тогда пуля «дикого горца» его остановит, ну, или как Бестужева-Марлинского, тело не обнаружат, может похоронят в общей братской могиле или вовсе кинут тело поэта в его любимую речку Валерик.

Лермонтов, очевидно, все это лучше всех понимал. Когда он доехал до Пятигорска, оказалось, что он очень болен. Гарнизонный врач выписал ему справку о болезни и назначил курс очень продолжительного лечения.

И тогда появился отставной майор Мартынов, кстати, тоже практикующийся в поэзии, и последний вызвал Лермонтова на дуэль. И поводом для этого послужила фраза: «Горец с большим кинжалом».

Дело в том, что Мартынов, хотя и вышел в отставку, но не хотел покидать Кавказ, праздно жил в Пятигорске. При этом всегда гордился своими подвигами против горцев, но подражая им же, всегда носил черкеску и большой кинжал, как он часто подчеркивал перед дамами, добытый им в бою военный трофей.

Как утверждают свидетели-секунданты, Лермонтов во время дуэли был спокоен и, как и в случае с де Барантом, поэт выстрелил в воздух.

Может быть, он в тот момент был под впечатлением буквально накануне написанного замечательного стихотворения:

Выхожу один я на дорогу
Сквозь туман кремнистый путь блестит
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...

Какое предчувствие! Какое одиночество!

Каким тяжелым, но блестящим был жизненный путь. И кругом беспробудная ночь – никто не просит, чтобы отворили им темницу. Никто не верит в Бога, никто искренне не просит Бога ни о чем – вера пустыня. Но он звезда и он хочет, он будет «со звездою говорить…».

Это стихотворение Лермонтов прочитал на вечере в доме Верзилиных 13 июня 1841 года и там же произошло столкновение с Мартыновым.

Все были уверены, что, если дуэль даже и состоится, что вслед за Лермонтовым Мартынов поступит благородно, тоже выстрелит в воздух. Но дело в том, что Мартынов завидовал поэзии Лермонтова, он всячески подражал ему, он учился у Лермонтова, а у последнего, всеми русскими критиками и родственниками признанное чудо – «Кавказская колыбельная песня»…

За дуэль с де Барантом, когда последний промахнулся, а Лермонтов выстрелил в воздух, поэта разжаловали, перевели в пехотный полк и отправили воевать на Кавказ. А вот Мартынова, который почти в упор расстрелял поэта, император приговорил к трехмесячному аресту на гауптвахте и церковному покаянию (в течении двух лет отбывал епитимию в Киеве), а потом уехал, что могло быть только по воле царя, надолго в Европу, где жил припеваючи, ибо император, когда узнал, что Мартынов убил Лермонтова, вроде бы, выдал знаменитую фразу: «Собаке – собачья смерть!».

Подо всем этим доля истины есть, ибо поэта к краю пропасти подталкивали, и он особо не противился – знал свою судьбу, а иначе быть не могло, ибо Лермонтов – великий поэт России, потому что был гораздо смелее, откровеннее и честнее всех, и он показал, каким должен быть настоящий русский поэт, гражданин, личность. Он и его творчество на века опережало время. А та Россия его еще не могла понять, принять и воспевать за его мыслью. Никогда «пуля дикого черкеса» не остановила бы его пути. Зато Мартынов, либо иной невежда, раб, в надежде «славы, купленной кровью» стал бы на демонически-возвышенном пути творца, ибо это общество не достойно было иметь такого светила. И хотя Лермонтов прожил мало, да сотворил великое, главное – озарил своим гением литературный путь России, по которому смело, твердой поступью вошли в историю человечества Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов, Бунин, Куприн, навечно заняв достойно место в библиотеке классики мировой литературы [13, с. 309].

Лермонтов прожил всего 27 лет. Безусловно, что с его уходом и русская, и мировая литература, в целом, понесли большой урон. Однако, историю не переписать, а Лермонтов, как великий художник, оставил свой взгляд на события, происходившие в его время и, конечно же, сражение при реке Валерик и другие боестолкновения в Чечне оказали на него значительное влияние, и поэтому у него возник этот вопрос: «Зачем? Зачем постоянно и все время надо воевать?».

По этому поводу можно привести взгляд на Россию того периода английского философа Г.Т. Бокля, который писал: «…В России всякие способности оцениваются по применению их к военному делу. Войска считаются главным источником славы нации; выиграть сражение, обмануть хитростью неприятеля считается одним из величайших подвигов человеческой жизни, и все лица не военные, каковы бы ни были их достоинства, не уважаются в этом народе, как люди несравненно низшего свойства» [4, с. 108].

Тем не менее, а, может быть, даже именно поэтому, Лермонтов более не хочет быть военным, не хочет более воевать, он хочет выйти в отставку и посвятить себя целиком литературе, но в России не только царь, но и матери с колыбели внушают сыновьям походы в чужие края и даже заранее «седла шелком обшивают».

Об этом знал, об этом слышал и об этом сказал сам Лермонтов в своей «Казачьей колыбельной песне», которая была написана в 1838 году. Однако, как пишет У.Б. Далгат, после того как Лермонтов «наблюдает их (чеченцев) геройскую смерть, но они умирают после победы и ради победы, и такое по горским обычаям не оплакивается… Не случайно поэтому этот героизм был воспет гением художника» [10].

Именно об этом, о том, что горцы-чеченцы умирают, но «они умирают после победы» – об этом написана Лермонтовым и Гагариным акварель «Эпизод из сражения при Валерике». И безусловен тот факт, что симпатия художников на стороне горцев-чеченцев. Более того, эти художники восторгаются действиями горцев, их храбростью и стойкостью. Как мы ранее отмечали, эта акварель поступила в Русский музей, то есть стала общедоступна и известна лишь в самом конце XIX века. Тогда она и попала в поле зрения философа В.С. Соловьева, который в 1901 году в журнале «Вестник Европы» опубликовал статью о великом поэте, где он пишет: «Муза Лермонтова – словно лягушка, погрузившаяся и прочно засевшая в тине» [40, с. 286].

Где болота и кто прочно в них засел – Соловьев знает прекрасно. Однако и он, следуя установкам императора, тоже заботился о нравственности Лермонтова: «А мы знаем, что как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, также низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга – развить этот задаток великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх к истинному сверхчеловечеству, – но этого мы от него не получили» [40, с. 290-291].

Кажется, теперь понятно, почему Соловьева так часто цитируют.

Лермонтов, безусловно, гений, он знал, что есть и еще будут такие «соловьевы», и по этому поводу дал четкий ответ:

Кто близ небес, тот не сражен земным.

А что касается тезиса, что «он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх…», так Лермонтов об этом так и писал:

...Много было взору моему
Доступно и понятно потому,
Что узами земными я не связан
И вечностью и знанием наказан.

Да, этими «узами земными» он не связан, и поэтому он так и говорил:

Я ищу свободы и покоя!

С детских лет Лермонтов не раз бывал на Кавказе, и, поэтому, свою первую поэму о Кавказе «Измаил-Бей» он так и начнет:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор
Все небо юга да утесы гор.

Поэма «Измаил-Бей» не окончена. Она была обнаружена в рукописях поэта и издана в 1843 году после его смерти. Считается, что эта поэма написана в 1832 году, когда поэту исполнилось 18 лет, и, что характерно, в этой поэме есть как бы отдельное стихотворение, это начало второй части, которое посвящено реке Аргун, а точнее не реке, а ее характеру, и это, конечно же, литературный образ, это метафора, и как сказал Д.С. Мережковский: «Мы до того привыкли к ним (к стихам Лермонтова), что уже не понимаем. Слова действуют помимо смысла» [26].

Однако, мы постараемся понять смысл лермонтовского послания и при этом сразу же отметим, что зачастую писатель даже не ведает, что он творит – это ведь божественный дар. Но в случае с Лермонтовым этот постулат не приемлем, ибо Лермонтов, как определили многие исследователи – гений, сверхчеловек и вот его вердикт.

Данный анализ начнем с того, что Аргун – это большая горная река – одна из главных водных артерий всей территории Чеченской Республики.

Был ли Лермонтов знаком с нравом Аргуна до второй ссылки на Кавказ, доподлинно не известно. Но во время второй ссылки, в 1840 году, он точно и не раз встречал Аргун во время военных экспедиций. И вот его гениально-поэтический взгляд:

Шумит Аргуна мутною волной,
Она коры не знает ледяной,
Цепей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой.

В поэме «Измаил-Бей» Лермонтов трижды упоминает название реки Аргун, но иным образом («Аргуна» или «Аргуну») и на этом основании некоторые авторы утверждают, что поэт имел ввиду совсем иную реку, а не ту, которая щедро орошает чеченские земли.

На это замечание есть вполне аргументированные доводы. Во-первых, на Кавказе нет более реки с названием Аргун или Аргуна, а, во-вторых, гениальный поэт просто применяет удобный для рифмы поэтический прием. Если Аргун – мужского рода, то речь

идет о реке – женского рода и он с первой же строки переносит акцент с «Аргуна» на «волну» – тоже, как и река, женского рода, и поэтому далее все плавно ложится в поэтическую мелодию рифмы.

И если мы вновь возвращаемся к смыслу этого стихотворения, то сразу же необходимо отметить, что Лермонтов в 22 строках этого отдельного отрывка из поэмы создал полноценное литературное произведение, где есть вводная часть-вступление, затем, как положено, действие, конфликт, кульминация и закономерный итог, он же вывод и предсказание или предвидение.

«Коры не знает ледяной» – ничто не сковывает мысль и «цепей зимы и хлада не боится», – свобода, независимость, смелость… и далее по тексту:

Она сама между снегов родится.

В этом предложении сложился такой порядок слов, который подчеркивает, что кто-то, по незнанию, недооценивает с кем имеет дело, кто или что встретилось на жизненном пути, а ведь это все (река, общество, история) имеет чистейший, превосходный, белый корень, исток, происхождение.

Это – кавкасионский (европеоидный) тип человеческой расы, что подчеркивает сам Лермонтов.

И далее:

И там, где даже серна не промчится,
Дитя природы, с детской простотой,
Она, резвясь, играет и катится!

«Дитя природы» – это все, что естественно, гармонично, свободно. Поэтому все в игре, в простоте и в детской наивности и непосредственности…Но…

Порою, как согнутое стекло,
Меж длинных трав прозрачно и светло
По гладким камням в бездну ниспадая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вьется стая
Пугливых, сизых, вольных голубей…

«Порою» – если вспомнить, что Лермонтов, в метафоричной форме описывает реку Аргун, но имеет ввиду проживающее здесь чеченское общество, то даже не порою, а очень часто пытаются его «согнуть», наклонить, истребить, посадить, выселить….

И это, конечно же, и бездна, и мрак, и «с прощанием» будут ворковать.

После предыдущих строк Лермонтов ставит многозначное многоточие далее по тексту, впрочем, как и в жизни:

Зеленым можжевельником покрыты,
Над мрачной бездной гробовые плиты
Висят и ждут, когда умолкнет вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.

Гениальное знание истории и даже перспективы. Как будто Лермонтов знал, что случилось после походов потомков Чингисхана на Кавказ, после похода хромого Тимура, знал, что будет после Кавказской войны и даже предвидел сталинский геноцид… Однако:

Напрасно ждут они! волна не дремлет.
Пусть темнота кругом ее объемлет,
Прорвет Аргуна землю где-нибудь
И снова полетит в далекий путь!

После этого прогноза так и хочется воскликнуть «Аминь!» и самим подтвердить, что Лермонтов был сверхчеловеком и гением!

Однако вокруг него такой мир, который не нуждается в этом свободолюбивом гении. «Сияние дня» доступно не для всех, а только для «избранных». И таким должен быть весь окружающий мир. И почти все признали «надменное рабство». Да вот только чеченцы – это «хищники» и «дикари». И эти чеченцы, их нрав, их непокорность…

Почему великие русские классики Пушкин, Лермонтов, Толстой, если писали о Кавказе, то писали в основном о чеченцах?

Потому, что они (чеченцы) боролись!

Без борьбы нет будущего, не было бы Кавказа. И это четко заметил Лермонтов и об этом его акварель «Эпизод из сражения при Валерике», к основному смыслу которой мы возвращаемся вновь.

В самом центре этой композиции фигура чеченца с выставленной навстречу неприятелю рукой. Именно в изображении этой фигуры заложен смысл картины Лермонтова и Гагарина. И почему-то никто из лермонтоведов не удосужился уделить какое-либо внимание фигуре, жесту горца-чеченца, находящегося в самом центре акварели, а это и есть, и в этом должен быть весь смысл и фокус внимания данной композиции.

Что же этим отчаянным жестом горца хотели показать Лермонтов и Гагарин? Что в этом жесте?

В данный момент, раз мы уже упоминали в этой статье работу французского художника Эжена Делакруа, можем обратить внимание на другую его эпическую работу «Взятие Константинополя крестоносцами» – где-то очень схожий сюжет и там есть этот жест, один простоволосый старец выставил вперед руку, явно вымаливая пощаду.

Как мы ранее отмечали, эту картину Гагарин вполне мог видеть в Европе. Однако, и это четко отображено, в жесте горца-чеченца нет никакой просьбы или мольбы, наоборот, есть вызов, предупреждение и даже угроза. А, может быть, этим жестом горец хотел оградить от атаки тех собратьев, что за ним, которые выносят поверженного с поля боя?

В это совсем не верится и предпосылок к этому никаких нет, ибо как описывает эту акварель тот же Пахомов Н.П.: «Фигуры горцев даны в разнообразных положениях и полны экспрессии, наоборот – русские войска показаны общей массой, олицетворяющих силу» [29, с. 120-121].

И понятно, что это – масса, это – сила, однако «олицетворение», где в корне слова человеческое лицо – не логично. По нашему мнению, это просто беспощадная стихия, которая никаких жестов и молений о пощаде не понимает. Не для этого эта масса и эта сила пришла к реке Валерик.

Тогда вновь мы ставим этот вопрос: «В чем смысл центральной фигуры на акварели Лермонтова и Гагарина (Рис. 8)? Что означает этот показательный жест рукой?».

По белому головному убору этого горца-чеченца можно было бы предположить, что это религиозный деятель. Однако, как изображено в правом нижнем углу, еще у двух горцев почти такие же головные уборы. К тому же, религиозный деятель не должен иметь оружие, а этот вооружен: за поясом кинжал, в левой опущенной руке – сабля, грудь полная газырей и даже они, кажется, не использованы.

При этом художники четко прописали профиль этого чеченца в самом центре полотна – он явно что-то, с вызовом, кричит и выставил навстречу противнику руку. И здесь надо отметить, что в целом эта рука непропорционально длинна, чем должна быть и эта демонстрационная кисть, специально, как бы для наглядности увеличена, и в ней, в этой кисти, весь смысл этой картины, и она, если мы видим профиль горца, тоже должна быть изображена по физиологии человека, лишь сбоку. Однако Лермонтов и Гагарин, во имя некой цели, нарушая природу, обозначают на картине как знак, как некий символ – тыльную сторону неестественно большой развернутой кисти руки.

Эта рука, как граница, между совершенно разными мирами. С одной стороны, это русская армия, которая «показана общей массой, олицетворяющей силу». Это масса солдат, которые призваны служить двадцать пять лет и как определил это состояние Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат»: «Солдатство было, как смерть» [41]. Каждый день, как последний. Поэтому они беспощадны в бою, и можно вновь вспомнить письмо Бестужева-Марлинского: «Но я опускаю завесу... – это необходимое следствие войны».

А что можно обнаружить по другую сторону этого «занавеса»? Тот же Бестужев-Марлинский нам об этом расскажет: «Посмотрите на этого старика… Он в опасности жизни ищет стопы земли на голом утесе, чтобы посеять на ней горсть пшеницы. С кровавым потом он жнет ее и часто кровью своей платит за охрану стада от людей и зверей. Бедна его родина, но спроси, за что любит он эту родину…. Он скажет: здесь я делаю, что хочу, здесь я никому не кланяюсь, эти снега, эти гольцы берегут мою волю» [3, с. 43].

Воля, свобода, независимость – вот что отстаивали горцы-чеченцы в 1840 году на реке Валерик, когда туда в составе царских войск явился поэт и поручик Лермонтов. Он с раннего детства бывал на Кавказе, и он даже не по рассказам взрослых знал чеченцев, часами мог общаться с Захаровым-Чеченцем, когда последний писал его портрет и после

этого появится поэма «Мцыри», где у главного героя – горца Кавказа – одна, но пламенная страсть – это быть вольным человеком. И чеченцы в тот период были обществом вольных людей. Потому, что у чеченцев не было князей и рабов. Разные народы Кавказа по-разному вошли в состав Российской империи и только Чечня еще отчаянно сопротивлялась, ибо при всех минусах и плюсах вхождения малого народа в состав Российской империи, вместе с этим надо было принять и российское право, а это уникальное в человеческой цивилизации – крепостное право!

А Чечня и Кавказ, как определил тот же Бестужев-Марлинский, – последний уголок рыцарства на земле. Это цитата русского писателя и офицера, конечно же, в некой степени литературная метафора, но есть и другие источники, которые очень многое проясняют.

К примеру, военный писатель, генерал Ольшевский М.Я. (1816-1895) в своих «Записках о Кавказе» писал: «Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковерным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны» [11, с. 92]. … Можно подумать, что последний абзац написан не двести лет назад, а современным российским генерал-поэтом.

Впрочем, и двести лет назад те же русские военные писатели и поэты писали о чеченцах по-разному и всегда выделяли чеченский этнос по стереотипу поведения от остальных народов Кавказа. Вот, например, что засвидетельствовал участник Кавказской войны, много лет воевавший в Чечне, писатель и поэт К.П. Белевич (1825-1890): «У чеченцев нет привилегированных сословий: нет князей и беков, как у кабардинцев, кумыков и дагестанских народцев: зато каждый чеченец говорит: «я уздень». Но это не мешает им ходить за сохой или возить дрова на базар… В этом отношении чеченские уздени нисколько не подражают неразумному обычаю кабардинских и осетинских алдар, которые, когда прижмет нужда, скорее отправятся на воровство, но ни за что не замарают на черной работе своих привилегированных рук… Чеченцы вообще трудолюбивы и одарены практическим смыслом… К характеристическим чертам этого храброго народа следует отнести: гостеприимство, замечательную чистоту и опрятность в жилищах и солидную, без чванства, гордость» [1, с. 187-189].

Упоминание Белевича К.П. в контексте данного исследования не случайно. В своих стихах Белевич пытался подражать романтизму поэзии Лермонтова, и он первым занялся изучением судьбы Лермонтова, даже неким образом, по роду военной службы, ходил по тем же ратным местам, где ранее до него бывал великий поэт.

Так, в мае 1847 года, на том же месте у реки Валерик вновь произошло большое сражение между чеченцами и русской армией, в рядах которой был и офицер Белевич, после чего он написал стихотворение «На Валерике».

В начале данного исследования мы ознакомились с дневником генерала Галафеева о сражении на реке Валерик в июле 1840 года. После этого мы проанализировали ту информацию, что по тому же сражению дал его участник великий поэт Лермонтов и результат для местных горцев-чеченцев – это, казалось бы, безоговорочное поражение под «гнетом массы, олицетворяющих силу».

Однако, вдруг выясняется, что на этом сопротивление горцев-чеченцев не сломлено и, тем более, не уничтожено. Через каких-то семь лет вновь сражение на том же месте, на той же реке Валерик, в той же Чечне. И раз мы обратились к началу этого исследования, то надо вспомнить еще одно свидетельство русского генерала Потто – это песня горца-чеченца:

Меня убьют, я это знаю,
Ермолову преграды нет.
Но я никак своим врагам
Без боя саклю не отдам.

Если этот текст, в смысловом жанре, перевести на язык оригинала, то идея реального существования заключается в том, что «если мы (чеченцы) перестанем бороться – мы исчезнем»…

Исчезнет Кавказ!

Именно это увидел и четко понял гениальный художник – поэт М.Ю. Лермонтов, и это он изобразил на известной акварели «Эпизод из сражения при Валерике», где в самом центре характерный, непреклонный жест чеченца, что никакая сила и никакая масса не сломит горцев, на колени никто не падет, и крепостного права, князей и рабов здесь на Валерике, в Чечне не будет!

Вот что написал и кистью, и пером классик русской литературы Лермонтов, побывав в Чечне, не раз столкнувшись с чеченцами на поле брани.

А эта кисть – граница между совершенно разными мирами, это водораздел, четко обозначенный историей, географией, природой культуры и социальных отношений. Эта кисть – как священное божество границ, как межа между светом и тьмой, как области несопоставимых времен, иного пространства, разновеликих эпох, и, конечно, это время и это пространство священно, неприкосновенно – это и есть вечность, это свобода, которые надо защищать, не считаясь с жизнью.

Это гений Лермонтова увидел во время сражения при реке Валерик. Об этом он поведал Гагарину и это они отобразили на акварели «Эпизод из сражения при Валерике», где Лермонтов и Гагарин, может быть, даже невольно, поместили себя как бы среди горцев-чеченцев: они на стороне или со стороны горцев-чеченцев. И не надо думать, что они изменили родине. Просто они, особенно Лермонтов –изменился сам, и он хотел, чтобы изменилась и его родина. Однако, «он один выходит на дорогу…». Его мысли поймут, его убьют.

А князь Гагарин всю свою долгую жизнь будет скрывать эту акварель «Эпизод из сражения при Валерике», но сохранит. Сохранит для нас, для потомков-россиян, ибо как показало и время, и пространство – преодолеть, открытую всему доброму миру, большую гостеприимную, да твердую кисть чеченца – силой и массой – невозможно!

…Кстати, почти что век спустя после написания Лермонтовым акварели «Эпизод из сражения при Валерике», уже другой классик русской литературы, будущий лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын, в знаменитом труде «Архипелаг ГУЛАГ» особо

отметит: «Но была одна нация, которая не поддалась психологии покорности – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чечены» [39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. –СПБ, 1891. – 200 с.

2. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и передуманном. – Красноярск, 1990. – 379 с.

3. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинение. В 2 т. – М., 1981. – Т.1. – 491 с.

4. Бокль Т.Г. История цивилизаций, в 2-х томах. – М.: Мысль, 2002. – 509 с.

5. Висковатов П.А. Лермонтов на Кавказе в 1840 году // Русская старина (историческое издание). –Т. 41, № 1. – 1884. – С. 83-92.

6. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество – М.: Издательство «Книга», 1989. – 454 с.

7. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. –Москва. Университетская типография Каткова на Страстном бульваре, 1885.

8. Гладыш И.А., Динесман Т.Г. Архив А.М. Верещагиной // Отдел рукописей РГБ. Выпуск 26. – М., 1963. – С. 34-62.

9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 389. Оп. 1. Д. 39. Л. 50-51.

10. Далгат У.Б. Нартский эпос народов Кавказа. Избранные труды. – Грозный, 2015. – 639 с. с ил.

11. Записки М.Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Журнал «Русская старина», № 7, СПб, 1893.

12. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. – М.: «Русская панорама», 2003. – 704 с.

13. Ибрагимов К.Х. Академик Петр Захаров. Издание 4-е – расширенное, дополненное, исправленное. – М.: Литера. 2019. – 592 с.

14. Ибрагимов К.Х. Сказка Востока (исторический роман). – М.: Издательство «Лада», 2007. – 634 с.

15. Ибрагимов К.Х. Учитель истории. – М.: Олма-пресс, 2003. – 542 с.

16. Иванова Т.А. Лермонтов на Кавказе (Эссе) – М.: «Детская литература», 1975. – 215 с. с ил.

17. Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова. – СПБ.: Библиополис, 2012. – 544 с.

18. Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом). Ф. 604. №5580Л. 103-104. Письмо Н.А. и М.А. Бестужевым. 20 августа 1830 г.

19. Карачайлы И.А.-К. «Лермонтов и горцы». Сборник «Лермонтову – Пятигорье». – Пятигорск, 1923 г. – С. 33-36.

20. Кочнева Е.В. Он не красив, он не высок… // Наше наследие. – 2014. – № 111. – С. 88-99.

21. Лермонтов М.Ю. Заметки. Планы. Сюжеты. Письма. Серия «Академия фундаментальных исследований: история». – М.: Ленанд, 2017. – 104 с.

22. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. – М.: Изд-во «Наука», 1979-1981. – Т.2: Поэмы. – 574 с.

23. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Изд-во «Наука», 1979-1981. – Т.4: Проза. Письма. – 592 с.

24. Литература: 6-7 класс: методическое пособие для учителя // М.И. Шутан. – Москва: Просвещение, 2023. – 187 с.

25. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – Пенза: Кн. изд-во, 1960. – 374 с, 8 л. ил.

26. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra / – СПб.: РХГИ, 2002. (Русский путь). – С. 348-386.

27. Мунаев И.Б. Мотив чудесного рождения в чеченском позднем эпосе илли // Материалы международной конференции в Московском доме национальностей. – Нальчик: КБНЦ РАН. – 2004.

28. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 23. Д. 23. Ед. хр. 20

29. Пахомов Н. Живописное наследство Лермонтова // АН СССР. Институт русской литературы (Пушкин. дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – Кн. 2. – С. 56-57.

30. Потто В.А. Кавказская война. – СПб.: 1885. –Т.2. – Вып. 1. –188 с.

31. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум. – М.: Издательство «Rugram», 2006. – 182 с.

32. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 1406. Оп. 1. Д. 182. Л. 1. Подпись-автограф.

33. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 1406. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.

34. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.13454. Оп. 6. Д. 258. ЛЛ. 42-46 об.

35. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.395. Оп. 147. Д. 11. ЛЛ. 25-27 об.

36. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.395. Оп. 147-455. Д. 223. Л. 12-12 об.

37. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.846. Оп. 16. Д. 6306. Л. 92-94.

38. Семенов Л.П. К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г. (По архивным материалам). Известия Северо-Кавказского Педагогического института. – Владикавказ, 1924. – Том 2. – С. 39-58.

39. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 3. Части 5, 6 и 7 / А. И. Солженицын. — Москва: Просвещение, 2010. – 560 с.

40. Соловьев В.С. Литературная критика. –М.: «Современник», 1990. – 422 с.

41. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. – Ленинград: Детская литература, 1987. – 160 с.

42. Aus den hochregionen des Kaukasus: wanderungen, erlebnisse, beobachtungen. / Gotttfried Merzbacher. – Leipzig. 1901. – P. 113.

УДК 82 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.003

КАВКАЗ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ГОРСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ. Часть 2. С позиции пролеткульта

Лема Абдоллаевич Турпалов

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук

Аннотация. В тексте, являющемся продолжением статьи, размещенной в третьем номере "Вестника КНИИ РАН" за 1925 г., анализируются публицистические работы первых северокавказских национальных просветителей советского периода, посвященные вопросам искажения образа горцев в произведениях классиков русской литературы.

Эти стереотипы, созданные А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым другими литераторами в XIX веке, оставались довольно распространенными и после развала царской империи и провозглашения большевистской властью национального равноправия. Как на бытовом уровне, так и в литературе довольно часто горцы преподносились как неисправимые разбойники. В годы социалистической модернизации фальсификации образа горцев Северного Кавказа в дореволюционной классике и в советской литературе стали предметом критики новой советской плеяды национальных просветителей. Особенно остро эта тема рассматривалась в условиях монополии концепций пролеткульта. В многочисленных исследованиях, посвященным кавказской тематике в русской литературе, практически не затрагиваются вопросы достоверности созданных ими картин общественной жизни, быта горских народов.

***Ключевые слова*:** кавказская тема в русской литературе, образы горцев, взгляд северокавказских просветителей и публицистов

THE CAUCASUS THROUGH THE EYES OF RUSSIAN WRITERS: A CRITICAL LOOK FROM MOUNTAIN ENLIGHTENERS. Part 2. From the perspective of proletarian culture

Turpalov Lema Abdollayevich

CI RAS

Abstract. Russian readers of the 19th century formed their ideas about the Caucasus and the highlanders under the influence of romantic images created by Russian writers. However, these paintings did not always correspond to reality. Numerous studies devoted to Caucasian subjects in Russian literature practically do not address the issues of the authenticity of the paintings they created of the social life and everyday life of the mountain peoples. In the first part of the article, the object of the study was the criticism by the first North Caucasian enlighteners of the excessive romanticization of the images of Caucasian mountaineers in the works of A.S. Pushkin, M.Y.

Lermontov, L.N. Tolstoy. For the first time, the texts of publications by national authors were put into circulation. It is concluded that thanks to local authors who were well aware of the specifics of the North Caucasus, the level of publications on the North Caucasus region in the Russian press has significantly increased. The second part of the article examines the publications of the North Caucasian enlighteners of the Soviet period on these issues.

Keywords: Caucasian theme in Russian literature, images of mountaineers, the view of North Caucasian educators and publicists

ВВЕДЕНИЕ

Созданные русскими классиками XIX века образы горцев продолжали влиять как на советскую общественность, так и на советскую литературу. Достаточно вольные и необъективные характеристики горских народов регулярно появлялись на страницах произведений на кавказскую тему. Поэтому вполне закономерно, что первые северокавказские просветители советской эпохи не могли оставить без внимания это явление.

Между тем их литературно–критические статьи, посвященные вопросам искажения картин горской действительности остаются вне поле зрения литературоведов. Некоторые выводы этих авторов представляются дискуссионными, но они заслуживают внимания и без введения их в научный оборот история литературы и публицистики Северного Кавказа будет неполной, что обуславливает актуальность темы.

Предметная область исследования охватывает научно-публицистические статьи первых советских северокавказских национальных просветителей, посвященных вопросам достоверности созданных в русской литературе XIX века образов горцев. Источниковедческой базой статьи стали литературоведческие публикации И. Карачайлы, А. Авторханова, Г. Левоняна.

Цель исследования ликвидировать пробелы в историографии, касающиеся вклада национальных авторов Северного Кавказа в критику искажений горской действительности в русской классической литературе XIX века. Впервые введены в научный оборот тексты публикаций северокавказских национальных просветителей периода социалистической модернизации.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологической основой стали современные концепции культурологических процессов, протекавших в национальных регионах, методы конкретно-исторического и сравнительно-типологического анализа общественных процессов, литературных явлений, типологический анализ научно-публицистических текстов.

В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что публикации первых северокавказских национальных просветителей советского периода оказали значительное влияние на формирование позитивного образа горцев и горских народов в глазах российской и мировой общественности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Тема искажения образов горцев и кавказских реалий в произведениях русских классиков стала снова актуальной после октябрьского переворота 1917 года и начала «великого» социалистического преобразования многонациональной России. В этом большевистском эксперименте особое место занимала национальная политика. От поддержки многочисленных народностей бывшей империи зависела судьба советской

власти. Важным компонентом социалистической модернизации национальных окраин стала программа коренизации, которая предусматривала наряду с другими направлениями культурную революцию, включая создание письменностей, литературы и искусства для эффективного ведения коммунистической пропаганды на родных языках народов Северного Кавказа.

Безусловно, эта политика большевистского режима позволила сделать огромный шаг в культурном развитии народностей края, создать небольшую прослойку национальных просветителей советской формации. Вместе с тем нельзя забывать, что первоначальную базу советской национальной интеллигенции составили местные просветители, получившие образование как духовное, так и светское в дореволюционную эпоху. Между тем оно строилось не на классовом мировоззрении, а отличалось гуманистической направленностью и универсализмом. Можно утверждать, что в просветительстве Северного Кавказа 1920–1930–х годов перемешались концепции гуманистические и классовые. Критика первыми северокавказскими просветителями XIX века русских классиков за необъективное отражение горской действительности строилась на общечеловеческих ценностях, признанных к этому времени цивилизованной частью мирового сообщества, а не на марксистских догмах. Конечно, «большевизация» части дореволюционных национальных просветителей после октября 1917 года объясняется доверием к выдвинутому советской властью на первоначальном этапе лозунгом права наций на самоопределение, вплоть до государственного отделения, который, впрочем, большевики и не собирались исполнять.

Нужно учитывать и то, что процессы создания новой просоветской интеллигенции в регионах протекали в условиях монополии концепций пролетарской культуры (Пролеткульта), в соответствии с которыми все дореволюционное (небольшевистское) искусство, включая русскую классику, следовало выбросить в мусорную корзину истории.

Естественно, влиянием пролеткультовской вульгарной идеологии можно объяснить несколько субъективные утверждения северокавказских национальных авторов первых лет советской власти при рассмотрении «кавказских» произведений русских литераторов.

Талантливый карачаевский публицист Ислам Карачайлы (Хубиев), утверждал: «…Великая Октябрьская революция означает, между прочим, и низвержение всех и всяческих кумиров, в том числе и литературных, лишение их абсолютной неприкосновенности, тех кумиров, которые родились и выросли во враждебном трудящимся и эксплуатируемым миллионным массам господствующем классе, являются носителями чуждых нам идеологий, чуждых пролетарской борьбе и революции настроений, мыслей и чувств» [7, с. 36]. Ему вторил первый чеченский литературовед А. Авторханов в журнале «На подъеме»: «Даже великие русские писатели – корифеи русской литературы – Пушкин, Лермонтов, Толстой, не могли возвыситься в уяснении социального смысла колонизаторских грабежей русского царизма и империализма на Кавказе над уровнем своего класса и в грохоте патриотических воплей не было слышно их голоса протеста. … Напротив "вонючие татары" (Толстой), "злые чеченцы" (Лермонтов), "лихие разбойники" (Пушкин), "коварные хищники" (историк Ткачев) – вот вам горцы в их изображении» [1, с 217.]

Вместе с тем нельзя не согласиться с некоторыми критическими замечаниями первых советских национальных публицистов, высказанных в связи с искажениями горских

реалий в произведениях Пушкина, Толстого, Лермонтова, а также их последователей. Нужно учитывать и то, что образы горцев, созданные великими русскими классиками в дореволюционный период, продолжали тиражироваться в советской литературе и искусстве, что негативно сказывалось на межнациональные отношения.

Особое внимание этой проблеме уделял Ислам Карачайлы, посвятив ей ряд статей на страницах региональной и столичной периодики, в которых не без пролеткультовского запала вскрывает досадные погрешности в произведениях русских классиков. Так, он отмечает путаницу в поэме Пушкина «Тазит» национальной принадлежности героев. Уже в первых строках участники похорон убитого сына Гасуба названы «адехами». «…Надо иметь в виду, – пишет просветитель, – что на Кавказе нет никаких адехов. Аз многогрешный склонен думать, что "адехи"… тут придуманы как рифма к выражению "для потехи". Если же допустить, что автор имел в виду "адыгэ", то в этом случаен при чем тут чеченцы. Словом, невылазная путаница» [8, с. 64]. Между тем в самой поэме нет упоминания, что Гасуб чеченец. Наоборот, подчеркивается, что он черкес, что равнозначно адыгу. Вероятнее всего, Ислам Карачайлы был знаком с работой В.Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина – Статья одиннадцатая и последняя» [11], в которой великий критик неверно определил национальную принадлежность главных героев поэмы «Тазит». Также нельзя исключать возможность механического переноса Исламом Карачайлы довольно часто встречавшихся в других кавказских произведениях русских классиков оплошностей, связанных с национальностью персонажей–горцев. К тому же Пушкин часто очень вольно интерпретировал при описании быта, обычаев, поведения коренных жителей Северного Кавказа, национальную идентичность героев своих кавказских произведений. Поэтому с выводом исследователя творчества великого поэта Г. Турчанинова, что в вопросах этнографии народов Северного Кавказа «…Пушкин был осведомлен …куда основательней, чем некоторые его исследователи» [16, с. 52] того времени, можно согласиться только частично.

Нужно отметить, что смешивание разных северокавказских этносов у Пушкина, а также Лермонтова, Толстого и других русских литераторов было явлением обычным. Порой один и тот же герой предстает в их произведениях чеченцем, черкесом, татарином, т. д. «…Если здесь речь идет о чеченцах, – пишет И. Карачайлы, – то не знаешь, куда пристроить узденей (горских дворян – в толковании Пушкина), так как не только во времена Пушкина, но даже накануне великой революции ни узденей, ни князей, ни высших, ни низших сословий у чеченцев не было, как не бывает их у народов, переживающих период родового строя своей истории. Чеченцы – своеобразный, дофеодальный народ, на языке которого нет слова "господин", нет понятия "приказывать". И они резко отличаются от любого другого народа, так что их смешивать с черкесами никак нельзя» [8, с. 64].

Эти несоответствия в поэме «Измаил–Бей» отметил также чеченский просветитель советской формации Заурбек Шерипов. О путанице в вопросе национальной принадлежности героя поэмы он пишет: «Это вполне понятно, так как известно, что во времена Лермонтова всех горцев называли черкесами для отличия их, как аборигенов Кавказа, от не туземных национальностей. …Лермонтов во многих местах воспевает известную чеченскую реку Аргун, а дальше делает резкий неожиданный скачок через административные и географические границы, разделявшие чеченцев и черкесов…» [17, с. 18–19].

Ислам Карачайлы особо выделил пушкинское выражение в поэме «Тазит» "подъемлют гости скорбный вой» [13, с. 225]. «У горцев мужчины могут скорбеть, – разъясняет автор, – могут снимать с себя оружие в знак высшей печали, … могут даже плакать, но поднимать скорбный вой – дело совсем незнакомое для горцев, не мужское дело» [8, с. 64].

После погребения сына к Гасубу явились «старик седой и отрок стройный». Обнаруживается, что молодой человек – младший сын Гасуба, отданный им 13 лет назад на воспитание в чужую семью. Действительно у кавказских горцев существовал древний обычай – аталычество. Между тем по тексту поэмы получается, что Гасуб уже давно забыл о существовании младшего сына. «…В сознании не укладывается, – с удивлением замечает Карачайлы. – чтобы для старика отца было неожиданностью, когда привели его же собственного сына, которого сам же он отдал на воспитание. …Отдавая детей на воспитание "аталыкам" ("заменяющим отцов") не только в "чужой аул", но даже в среду "чужого народа" – таких случаев бывало не мало, никто не забывал, что его сын находится там-то и там-то. Да и смешно себе представить такое забвение, когда это налагало на обе стороны большие обязательства, которые требовалось исполнять» [8, с. 65]. Конечно, это неправдоподобно. Еще более невозможной вещью Карачайлы считает устраивание угощения и веселья на «три дня, три ночи с кунаками» по случаю возвращения его сына из "чужого аула" в то время, когда у мусульман именно три дня продолжаются похоронный ритуал. «Когда у горцев теряют дорогих людей, они поступают совсем иначе – ссылается он на горские обычаи. – Там, где потеряли члена семьи, хозяева совершенно не заботятся, освобождаются от забот о гостях, об угощениях, не заботятся о еде. …Не только те, которые потеряли члена своего семьи, но и близкие им отказываются в знак сочувствия к семье, посещенной горем, от всякого веселья в течение известного времени… Ни один сосед не устраивает, не допускает свадьбы и связанных с ней веселий, когда в дружественной семье свежа еще печаль» [18, с. 66]. По мнению И. Карачайлы, Пушкину об этих обычаях не было известно и отсюда искажение действительности, «отсебятина». Также Пушкину принадлежит, считает он, недоразумение с использованием слова «кунак», вместе с тем относя это к «мелочам». Горцы – герои пушкинских произведений – «…лукавы, трусливы, хитры, жестоки, скупы, кровожадны и т. д…» [4, с. 52], подчеркивает Карачайлы

Более важное значение имеет, кем стал воспитанный в чеченской семье Тазит. Отец присматривается к нему, пытаясь увидеть в нем черты «могучего мстителя обид», но этим надежды не оправдываются: он, даже встретив убийцу своего брата на горной тропе, не тронул его, не отомстил. Гасуб отрекается от сына и изгоняет его. И Тазит возвращается туда, где был воспитан, что вполне объяснимо. Но в описании тамошней жизни героя поэт допускает опять несуразицы. Тазит полюбил местную горянку и сам любим. Их свидания происходят на виду у всех. Тазит идет прямо к отцу возлюбленной и просит ее руки. «У горцев даже теперь не часто встречается, чтобы женихи сами просили у родителей невесты – констатирует И. Карачайлы. – А о том, что это было невозможно 100 и больше лет тому назад, нечего и говорить. …Таких погрешностей у Пушкина много… От того Кавказа, который нам рисует Пушкин, частенько Кавказом даже не пахнет» [8, с. 67–68].

Особенно болезненно воспринимает просветитель неверные, нехарактерные для горянок поступки в период военного противостояния, несущего трагедии в каждую семью. «Горянки, черкешенки и не черкешенки, воспитанные в условиях перманентно–длительной

борьбы их родины с многомиллионным противником, – пишет Карачайлы, – знали великолепно, что в этой обстановке, в этой борьбе можно противостоять сильному врагу, лишь только подчинив все личное благу народа, благу племен, благу коллектива и что только во вторую, в третью, в десятую очередь можно думать о чем-либо личном. Разве те обычаи, адаты, намыс[1], хабза[2], которые частично и до сих пор сохранились в нашем быту, в нашем укладе, не являются отражением этой морально-коллективистической дисциплины…?» [4, с. 53]. «Любовные» интрижки горянок в «Тазите» Пушкина, «Кавказском пленнике» Толстого, «Бэле» Лермонтова Карачайлы рассматривает как фантазии авторов, созданные в угоду российскому и европейскому читателю. Между тем он приводит примеры из тех же произведений классиков русской литературы, опровергающие возможность таких историй. «Случай в поэме «Беглец» Лермонтова, – подчеркивает Карачайлы, – когда мать отрекается от родного сына из–за проявленной им трусости на поле брани, является лучшим подтверждением сказанного» [4, с. 53].

Между тем, замечает И. Карачайлы, в отличии от Пушкина выкупленный им из крепостной зависимости Тарас Шевченко «воспел борьбу горцев в своей замечательной поэме "Кавказ", которая долгое время находилась под цензурным запретом» » [4, с. 49]. По мнению просветителя, «…испорченный, если можно так выразиться, в отношении Кавказа и его народов, средой, воспитанием, штампованными взглядами на Кавказ и его народы, Пушкин под черкеской не видел и не чувствовал биения горячего сердца народа, который с безумством храбрости бился за свою свободу» [4, с. 58].

Ислам Карачайлы с позиции пролеткульта видит причину столь искаженного отображения горцев Пушкиным в классовой принадлежности великого поэта: «Для Пушкина как для „патриота своего отечества", для патриота страны, которая была в состоянии войны с горскими народами Кавказа, было в высшей степени не безразлично показать, что враги России были настоящие дикари, неисправимые, не поддающиеся действию никакой культуры, способные только на "кровавые совещания" и "разбойничью потеху"» [4, с. 63]. По утверждению И. Карачайлы, «…Пушкин не находил никаких слов для того, чтобы оправдать и осмыслить борьбу горцев за свою волю и свои родные гнезда, потому что оправдывать горцев и их самозащиту было не в интересах господствующих классов, которым служила (увы! Служила, не ожидая призыва Аполлона к "священной жертве") пушкинская муза» [4, с. 49]. С другой стороны, отмечает просветитель, «…Пушкин это ведь тот, который в поэзии узаконил кавказскую войну…" [4, с. 49]. «…Твой ход, как черная зараза, губил, ничтожил племена…», – так поэт обращается к генералу Котляревскому, одному из "кавказских" генералов не с осуждением жестокости, "черной заразы" и "уничтожения племен", а с торжественным признанием того, что он делает нужное, хорошее, "патриотическое" дело» [4, с. 49].

Если в поэзии все–таки позволено субъективное, основанное на авторских эмоциях отражение действительности, то документальной литературе такие приемы не характерны. В «Путешествии в Арзрум» такие вольные утверждения и оценки Пушкина Карачайлы

[1] **Намыс** – это основополагающее морально-этическое понятие в тюркской культуре (в частности, у казахов), означающее честь, чувство собственного достоинства, совесть и стремление защитить свою репутацию. Оно регулирует внутренние моральные ориентиры человека и является мерилом его человечности.

[2] Адыгэ хабзэ (кабард.–черк.) – адыгская (черкесская) этико-философская доктрина, свод неписаных правил и законов.

рассматривает как попытки поэта идеологически обосновать Кавказскую войну. Для подтверждения своих выводов просветитель приводит выдержки из текста: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь своим буйным единоплеменникам» [12, с. 438]. Пушкин, сам того не замечая, подчеркивает вынужденный характер сопротивления горцев. По поводу этого высказывания поэта И. Карачайлы комментирует: «Черкесы, преследуемые и сживаемые со свету, поддерживали друг друга, сопротивляясь физическому истреблению. Если бы они не делали этого, то они были бы предателями и негодяями. Если бы за разорение аулов и уничтожение целых племен они не стали бы мстить тогда, то они были бы холуями, без всяких признаков человеческого достоинства» [4, с. 51].

Публицист отмечает противоречия в словах Пушкина: «Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить по причине господствующего между ними наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение» [12, с. 438].

По словам И. Карачайлы, «…в порядке вещей во время войны наделять противника такими чертами, но это еще не является доказательством наличия этих черт у противника в действительности» [4, с. 51]. Кроме того, по его словам, Пушкин изобрел способ усмирения горцев: «Должно, однако же, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению. Самовар был бы важным нововведением» [12, с. 439]. «Не думайте, что выдумка, – замечает Карачайлы, – так написано у Пушкин» [4, с. 52]. Если по Пушкину черкесы торговали с Турцией, ставит вопрос Карачайлы: «…Чем торговали…, не награбленным же добром? О том, что горцы не только режут головы, но и сеют пшеницу, ячмень и кукурузу, пасут скот, занимаются пчеловодством, садоводством и т. д. и при этом для своего времени занимаются совсем неплохо – у Пушкина ни слова не найдете» [4, с. 52].

Как отмечает И. Карачайлы, о том, что горцы жили не только разбоем и грабежом, «можно найти поэтическое красноречивое свидетельство у великого собрата Пушкина …Лермонтова:

«…Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной.
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный». [10, с. 211]

По мнению просветителя «…разница …между Пушкиным и Лермонтовым в том, что Лермонтов, даже не разрешая проклятых вопросов, ставил их остро и недвусмысленно, а Пушкин либо избегал всяких вопросов, которые могли бы тревожить его патриотическую совесть, либо их ставил так, что в них никакой остроты, никакой актуальности не оставалось» [4, с. 57–58].

Но, подчеркивая сочувствие Лермонтова борьбе горцев, Карачайлы отмечает погрешности поэта при описании горцев и горской действительности. Наряду с путаницей по вопросу национальной принадлежности своих героев–горцев певец Кавказа часто

искажает некоторые религиозные и народные ритуалы и обычаи. Так, в поэме «Измаил–Бей» в песне Селима говорится: «Мой милый, смелее Вверяйся ты року, Молися востоку…» [10, с. 257].

Краски добавляет и Лев Толстой: «Разувшись и совершив омовение, Хаджи-Мурат стал босыми ногами на бурку, потом сел на икры и, сначала заткнув пальцами уши и закрыв глаза, произнес, обращаясь на восток, обычную молитву» [15, с. 25]. Тут все дело в этом самом "востоке", замечает И. Карачайлы, благодаря описаниям Лермонтова и других русских литераторов, у читателей «прочно засело в сознании, что все "восточные" люди, а, стало быть, и черкесы "молятся востоку". Почему, для чего обязательно "обращение на восток"? – ни один философ это вам складно не объяснит» [6, с. 43–44].

Возвращаясь к вопросу о пресловутой «молитве на восток», Ислам Карачайлы разъясняет, что элементов таинственного тут нет и в помине, просто «все правоверные мусульмане, живущие где бы то ни было, во время ежедневной пятикратной молитвы, обращаются лицом к родному городу Магомета, к Мекке, где находится священный для мусульман храм Кааба с черным камнем; "черкесы" и "татары" обращаются лицом не к востоку, а к югу, т. к. в отношении их родины Мекка занимает не восточное, а южное положение» [6, с. 43–44]. То есть, куда обращаются мусульмане во время молитвы, зависит от того, где, в каких частях света те или иные мусульмане в данный момент обитают. «… Эти "мелочи" сбивают с толку, – подчеркивает критик, – не только обывателя или читателя, но даже признанных писателей» [6, с. 43–44].

Неразбериху в вопросах национальной принадлежности героев своих произведений допускал и Л.Н. Толстой несмотря на то, что довольно хорошо был знаком с коренными жителями Северного Кавказа и даже имел среди них друзей. Ислам Карачайлы также отмечает эти досадные погрешности автора «Кавказского пленника». «Из народностей Северного Кавказа с большей или меньшей натяжкой могут быть названы татарами, если это так уж до зарезу необходимо – карачаевцы, балкарцы, ногайцы, туркмены, – пишет он. – Судя по „Кавказскому пленнику", совсем незаметно, чтобы Толстой имел в виду под татарами кого-либо из этих „инородцев". А в одном месте „Кавказского пленника" даже отдельно упоминается о „ногайцах", стало быть, под „татарами" автор не имеет в виду ногайцев, которых этнически было бы вполне допустимо и понятно сближать с татарами, если бы он это сделал. И все же фигурирующих в „Кавказском пленнике" горцев Толстому угодно – не для пущего ли „посрамления" их – именовать татарами, часто прибавляя к этому слову различные эпитеты, более обидные для... великого Толстого, чем, по евангельскому выражению, для „малых сих", т. е. для горцев. …Настойчиво, неуместно повторяемое слово "татарин", "собаки" и т. д., бросаемые с небрежностью, свойственной рюриковичам, выражает собою, во-первых, "право" большого барина не знать, что татары есть татары, а черкесы есть черкесы, "право" разницы между ними-экая, подумаешь, важность, не все ли они бритолобые!, "право" ошибаться и оскорблять и в то же время не нести ни перед кем никакой ответственности за свои ошибки или за поступки, оскорбляющие других и при всем этом... чувствовать себя превосходно» [7, с. 37–38]. В выражениях Толстого Карачайлы видит неуважение к инородцам как к более примитивным созданиям. Подтверждает этот и приведенный автором пример: «Сидит Жилин за татарином, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из–под шапки

синеется» [14, с. 307]. «Ни о каких особых симпатиях Толстого, – подчеркивает просветитель, – к горцам в их борьбе не приходится говорить» [5, с. 42].

Этих образы и сцены формировали представление российской общественности о горцах Северного Кавказа. «В течение почти семи десятков лет происходила форменная спекуляция на любознательности неосведомленного русского читателя, охотно выкладывавшего рубли для приобретения о Кавказе, – подчеркивается в журнале «Революция и горец». – И отставные воинские чины, и курортные больные, и случайные путешественники, соединяя приятное с полезным, писали свои "впечатления о Кавказе", "этюды", "материалы к изучению", "исторические очерки" и т. п., каковые, переходя из рук в руки, так сказать, сколачивали общественное мнение о "жемчужине российской короны"» [9, с. 52–53].

В небольшой заметке Ислама Карачайлы, опубликованной в 1928 году под заголовком «Верно ли писал Пушкин о Кавказе?» в газете «Вечерняя Москва», говорится: «Пора сказать, что великий Пушкин, певец Кавказа, его народов, и их героической неравной борьбы с самодержавно-крепостнической Россией, не слишком глубоко разбирался в том, что же такое черкес, чем он отличается от чеченца, кумыка и лезгина. …Пушкина изучать нужно. … Но при этом нужно его хорошенько комментировать. Особенно это нужно в переводах на языки разных национальностей» [3]. Эта публикация вылилась в широкую дискуссию на страницах издания, охватывая вопросы не только искажения образа горцев в русской литературе XIX века, но и часто встречающихся несуразиц при изображении культуры, быта и нравов народов СССР в советском искусстве. «К великому сожалению, приходится констатировать, – утверждается в отклике читателя М. Галяца, – что здесь дело обстоит не вполне благополучно. Деятели искусства и литературы сплошь и рядом искажают изображаемый ими быт народностей не русской национальности, подчас доходя даже до курьезов» [2].

Первые советские просветители народов Северного Кавказа считали необходимым разъяснять массовому читателю суть погрешностей в изображении горцев в произведениях русских классиков, потому что они перманентно повторяются и произведениях современных литераторов. «Мы еще во многих отношениях томимся в плену прошлого, – констатирует Карачайлы. – Прошлое самым настоящим образом тяготеет над нами, владеет нашими представлениями о Кавказе» [6, с. 46].

ВЫВОДЫ

Продолжая начатую первыми северокавказскими просветителями XIX века критику классиков русской литературы за искаженные образа горцев, советское поколение национальных авторов преследовали цель гармонизировать межнациональные отношения в многонациональной стране. Нужно отметить, что во многом эта критика была обоснована и поддерживалась передовой российской общественностью, что подтверждается многочисленными публикациями в периодике и научной литературе 1920–1930–х годов.

Вместе с тем монополия пролеткультовской идеологии не всегда позволяла вести ее объективно. Перегибы при оценке произведений русской классики доходили до оскорблений, им в вину ставили не только погрешности при изображении горской действительности, но и дворянское происхождение. Однако за этими пролеткультовским фоном публикаций скрывались серьезные объективные тезисы и выводы, представляющие научный интерес для литературоведов. «Необходимо, – писал И. Карачайлы, – чтобы …в

пушкинском творчестве научились различать пшеницу от плевел, ценные зерна от сора его эпохи, его класса, его круга» [4, с. 56].

Межу тем проблема объективного освещения современных реалий в национальных регионах страны остается актуальной и сегодня. Достаточно примеров искажения этой действительности как в современных художественных произведениях, так и даже в научных трактатах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов А. На путях к созданию национальной литературы Чечни [Текст] / А. Авторханов // На подъеме. – № 9–10, 1931. – С. 217–222.

2. Галяц М. Своевременно поднятый вопрос (К вопросу об изображении в нашем искусстве быта народов СССР) [Текст] / М. Галяц // Вечерняя Москва. – 1928, 3 марта.

3. Карачайлы И. Верно ли писал Пушкин о Кавказе? [Текст] / И. Карачайлы // Вечерняя Москва//Вечерняя Москва. – 1928, 11 февраля.

4. Карачайлы И. Горцы и их борьба за свою свободу в творчестве А.С. Пушкина. К 130–летию со дня рождения. 1799–1929 [Текст] / И. Карачайлы // Революция и горец. – 1929, № 5. – С. 48–59.

5. Карачайлы И. Лев Толстой и горцы (По поводу книги Тахо–Годи – Лев Толстой в «Хаджи–Мурате») [Текст] / И. Карачайлы // Революция и горец. –1930 № 2. – С. 36–42.

6. Карачайлы И. О наболевшем „или пустяки", которые нас душат [Текст] / И. Карачайлы // Революция и горец. – 1929 № 10. – С. 39–47.

7. Карачайлы И. О чинопочитании в литературе, или… мертвецы, которые гипнотизируют. Из цикла Лев Толстой и горцы [Текст] / И. Карачайлы // Революция и горец. – 1930 № 1. – С. 35–41.

8. Карачайлы И. Творчество А.С. Пушкина о горцах в свете фактов истории и обычаев горцев [Текст] / И. Карачайлы // На подъеме. – 1929, № 10. – С. 63–68.

9. Левонян Г. Страна „разбойников" или литературная халтура. [Текст] / Г. Левонян // Революция и горец. –1929 №1–2. – С. 52–53.

10. Лермонтов М.Ю. Измаил–Бей. [Текст] / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений в двух томах. Т. 2. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1989. – С. 208–269.

11. Мирзов Дж. Д. Об одной странной ошибке В.Г. Белинского [Текст] / Дж. Д. Мирзов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011 № 3. Chttps://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnoy-strannoy-oshibke-v-g-belinskogo

12. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года [Текст] / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. 4-е изд. Т. 6. – Л.: Наука, 1978. – С. 432–484.

13. Пушкин А.С. Тазит [Текст] / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. 4-е изд. Т. 4. – Л.: Наука, 1977. – С. 225–233.

14. Толстой Л.Н. Кавказский пленник [Текст] / Л.Н. Толстой // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 21. – М.: «Художественная литература», 1957. С. 304–326. https://tolstoy.ru/upload/iblock/002/002205bfaf1a6ee004326d20585d7a41.pdf

15. Толстой Л.Н. Хаджи–Мурат [Текст] / Л.Н. Толстой // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 35. – М.: «Художественная литература», 1950. – С. 6–119. https://tolstoy.ru/online/90/35/

16. Турчанинов Г. К изучению поэмы Пушкина «Тазит» [Текст] / Г. Турчанинов // Русская литература. – 1962, №1. – С. 5

17. Шерипров З. Что послужило Лермонтову сюжетом для поэмы «Измаил–Бей»? Историко–литературное исследование [Текст] / З. Шерипров. – Грозный: Изд. «Серло», 1929. – 32 с.

Исторические науки / Historical Sciences
5.6.1. Отечественная история

УДК 9 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.004

ЧЕЧЕНЦЫ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКУЮ ОБЛАСТЬ ПО ДАННЫМ КНИГИ А.А. АУБАКИРОВА «ДЕТИ ГОР»

© **Осмаев Аббаз Догиевич (a, b)**

(a) Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
(b) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук

Аннотация. В статье анализируются данные из книги А. Аубакирова, представляющей собой повагонные списки жителей чеченских населенных пунктов, депортированных в 1944 г. в Восточно-Казахстанскую область Казахской ССР. Выявлено количество депортированных, в том числе детей до 16 лет, умерших по дороге, больных, которые сдавались в медпункты железнодорожных станций. Наиболее уязвимой частью депортированных в дороге и в местах поселения были дети и старики.

Ключевые слова: чеченцы, депортация, дети, повагонные списки, Казахстан, Восточно-Казахстанская область

SPECIAL RESIDENTS OF CHECHENIA IN THE EAST KAZAKHSTAN REGION, ACCORDING TO A.A. AUBAKIROV'S BOOK "CHILDREN OF THE MOUNTAINS"

© **Osmaev Abbaz Dogievich (a, b)**

(a) A.A. Kadyrov Chechen State University
(b) Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes data from the book by A. Aubakirov, which contains carriage-by-carriage lists of residents of Chechen settlements deported in 1944 to the East Kazakhstan Region of the Kazakh SSR. The number of deportees is determined, including children under 16 years of age, those who died en route, and the sick who were handed over to medical stations at railway stations. The most vulnerable groups among the deportees during the journey and in the places of settlement were children and the elderly.

Keywords: Chechens, deportation, children, carriage-by-carriage lists, Kazakhstan, East Kazakhstan Region.

Историография депортации народов в Казахстан в 1940-1950-е годы представляет собой динамично развивающийся комплекс исследований, сформировавшийся

преимущественно в постсоветский период. Долгое время эта тема оставалась закрытой для научного осмысления в силу идеологических ограничений советской исторической науки.

В Казахстане и России системное изучение началось в 1990-е годы с рассекречиванием архивных фондов. В последующие годы сложились основные исследовательские направления: изучение нормативно-правовой базы депортации, условий размещения и трудовой адаптации спецпереселенцев, их социально-демографических потерь, а также особых категорий — детей и семей, разделённых депортацией.

Центральное место в историографии чеченской депортации в Казахстане занимает монография Ж.А. Ермекбаева «Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы». [1] Этот труд представляет собой комплексное исследование проблем депортированных народов на примере чеченцев и ингушей: автор анализирует факты депортации, условия проживания, социально-бытовые аспекты жизни сообществ в Казахстане. Монография даёт широкую панораму судеб чеченцев в казахстанских регионах, включая вопросы правового положения, материально-бытовых условий, использования труда и дальнейшей интеграции в экономику.

Значительный вклад в изучение вклада чеченцев в промышленное развитие Казахстана внесла З.С. Исакиева. [2; 3; 4] В её работах, основанных на документальных источниках из центральных и региональных архивов республики, раскрываются ранее неизвестные факты о работе чеченцев в горно-металлургической промышленности Центрального Казахстана в 1944-1957 гг. Исследователь доказывает, что спецпереселенцы не только демонстрировали высокие показатели труда на рудниках и шахтах, но и являлись новаторами и рационализаторами производства. Архивные материалы, приводимые Исакиевой, свидетельствуют о том, что уже в первые годы пребывания на спецпоселении чеченцы трудились наравне с рабочими других национальностей, осваивали специальности бурильщиков, проходчиков, забойщиков и выполняли производственные нормы на 200-300%. Эта исследовательская линия показывает парадоксальный аспект депортационной политики: несмотря на карательные цели, труд спецпереселенцев стал важным фактором индустриального развития региона.

Активно занимается проблемой депортации чеченцев кандидат исторических наук С.С. Цуцулаева, исследуя сам процесс депортации, размещение в местах поселения, организацию спецрежима и надзора за переселенцами, проблемы их трудового, хозяйственного и бытового устройства. [5; 6; 7.]

Общие проблемы размещения и адаптации чеченцев в Казахстане и Средней Азии освещены в работах Л.Б. Алгириевой. [8] Автор подчёркивает, что, несмотря на принятые власти меры, депортированные народы столкнулись с большими проблемами в хозяйственно-бытовом и трудовом устройстве. В исследованиях анализируется, что адаптация на необжитых местах с тяжелыми климатическими условиями без необходимых средств существования проходила крайне тяжело; первые годы пребывания характеризовались высокой смертностью из-за неустроенности, болезней и отсутствия продовольствия.

Специфике Восточно-Казахстанской области как места спецпоселения посвящена работа Б.Ж. Атантаевой и Т.А. Камалджановой «Депортационная повседневность: источники и материалы (на примере Восточного Казахстана)». [9] Исследование выполнено на основе документальных источников Центрального государственного архива и Архива

Президента РК, а также региональных архивов Восточно-Казахстанской области (Усть-Каменогорск, Семей, Аягуз). Авторы воссоздают объективную картину повседневности депортированных народов (немцев, чеченцев, ингушей) в регионе. В работе систематизированы источники, позволяющие определить численность и расселение спецпереселенцев, показаны трудности их хозяйственно-бытового и трудового устройства, а также негативные социальные и демографические последствия депортации. Отмечается, что, несмотря на все трудности, благодаря поддержке местного населения люди смогли адаптироваться к новым условиям и внести вклад в экономическое развитие региона.

В более широком контексте проблема детства в условиях спецпоселений и ГУЛАГа стала предметом системного изучения в рамках исследовательского проекта под руководством З.Г. Сактагановой в Карагандинском университете им. академика Е.А. Букетова. [10] В проекте анализируется зарубежная и отечественная историография, выявляются этапы изучения и теоретико-методологические проблемы в публикациях по лагерному детству ГУЛАГа и детству на спецпоселениях; проводится сбор воспоминаний и интервьюирование. Этот проект знаменует переход от изучения институциональных аспектов к истории детской повседневности и личным судьбам, что особенно важно для восполнения пробелов по данной теме.

Свидетельства очевидцев и архивные данные, приводимые в исследованиях Исакиевой, показывают, что в годы депортации дети и подростки работали наравне со взрослыми. Потери среди детей и пожилых людей были особенно значительными. Многодетные семьи оказывались в наиболее уязвимом положении — известны случаи, когда от голода в 1944 г. вымирали семьи. Спецпереселенцы также испытывали ограничения в получении образования; для продолжения учёбы в средних или высших учебных заведениях требовалось разрешение органов МВД, которое было крайне трудно получить.

Наиболее разработанными являются вопросы трудовой адаптации и экономического вклада чеченцев в промышленность Казахстана; наименее изученными остаются социально-психологические аспекты, судьбы детей и семей, а также повседневная жизнь спецпереселенцев Восточно-Казахстанской области.

Книга А.А. Аубакирова «Дети гор: к 70-летию со дня депортации населения с Северного Кавказа» [11] представляет собой публикацию повагонных списков депортированных в 1944 году из Чечено-Ингушетии (в книге списки жителей только чеченских населенных пунктов – автор) в Восточно-Казахстанскую область. Автор занимал на момент выхода книги должность руководителя архивной службы Восточно-Казахстанской области, что обеспечивало ему непосредственный доступ к фондам регионального архива и профессиональное владение методикой работы с учётно-статистической документацией военного времени. В 1944 г. в состав области входили Больше-Нарымский, Бухтарминский, Верхубинский, Зайсанский, Зыряновский, Катон-Карагайский, Кировский, Курчумский, Маркакольский, Предгорненский, Самарский, Таврический, Тарабагатайский, Уланский, Шемонаихинский районы и города областного подчинения Лениногорск и Усть-Каменегорск – названия хорошо знакомые чеченцам старшего поколения.

Ценность книги заключается в её источниковой природе. Повагонные списки относятся к текущей делопроизводственной документации, которая создавалась в ходе

самой операции по принудительному выселению. Они фиксируют персональные данные людей: фамилию, имя, возраст, состав семьи, номер эшелона (в некоторых случаях приводятся только фамилии выселяемых, а в одном вагоне – только имена). Книга А.А. Аубакирова вводит в свободный доступ массив фактов, который ранее был доступен только ограниченному кругу специалистов по ведомственным архивам. Это делает книгу инструментом для демографических реконструкций, изучения логистики депортаций, анализа возрастной и гендерной структуры выселенных групп.

Книга не содержит обширного научного введения, историографического обзора, картографического материала, анализа маршрутов эшелонов в динамике и сравнительных таблиц, обобщающих выявленные закономерности. Это не монография в классическом смысле этого слова, а скорее источник, предоставленный в распоряжение научного сообщества.

Она служит не столько конечным продуктом научного поиска, сколько его отправной точкой — своего рода путеводителем по именам и судьбам, который позволяет другим учёным идентифицировать конкретных лиц и семьи, а затем уже строить на этой основе обобщающие работы. В этом контексте значимость издания выходит за рамки сугубо академической истории и приобретает ярко выраженную гражданскую и правозащитную нагрузку.

А.А. Аубакиров выполнил ключевую задачу: извлёк из ведомственного хранения, систематизировал по вагонам и эшелонам и опубликовал сведения о тысячах людей. В списках указаны фамилии умерших и больных, названия станций, где их сдавали.

В именах и фамилиях людей, названиях населенных пунктов встречаются, к сожалению, ошибки и разное написание (например, Дубай-юрт, Дюба-юрт и т.п. – авт.), во многих местах не указаны ни районы, ни населенные пункты, откуда выселяются люди, ни станции отправления за редким исключением. Надо учесть, что повагонные списки составлялись вручную, имена и фамилии чаще всего записывались на слух что и вело к ошибкам. Допущены ошибки в написании названий населённых пунктов, районов, например, Шаптаевский район вместо Шатойский [11, с. 34], Шоссинский, Малинский, Шаликский вместо Шалинский и т.п. [11, с. 37, 40, 48].

Обращает внимание, что в вагонах находились вместе жители разных районов и населенных пунктов, возможно, что важно было загрузить в вагоны определённое число людей (45 человек, хотя в некоторых случаях указано, что в вагоне было намного больше, например, 101 человек [11, с. 44], 58 и т.п.), а не их место проживания.

В ряде случаев отмечены жители каких районов в тех или иных вагонах, иногда не указаны ни район, ни село. По спискам, опубликованным в книге, можно с уверенностью сказать, что в Восточно-Казахстанскую область привезли эшелонами (эшелон №268 отправился со станции Катаяма, № 301 со станции Алды, еще один с неуказанным номером со станции Грозный-Нефтяная) жителей сёл Гатын-кале Шатойского района, Устар-Гардой (современный Аргун - автор), Новые Атаги, Старые Атаги (не все - автор), Шали (частично -автор), Чири-юрт, Дуба-юрт, Мескер-юрт, Ца-Ведено, Дачу-Барзой, Гудермеса (несколько человек - автор), сёл, входящих в Ца-Веденский сельсовет. В вагоне №18 без указания эшелона отмечено, что в нем находятся жителя аула Устеково Веденского района [11.с. 553-555], в вагоне 38 - жители аула Скрепу [11, с. 347-348] этого же района, но таких населенных пунктов и даже с отдаленно похожим названием в этом районе нет и не было. Возможно,

составитель списков записал название сёл небрежно, а при расшифровке рукописных списков работники архива не разобрали что там написано. Некоторые жители из этих списков, по опросам жителей района, из сёл Хаттуни, Нефтянка. В конце списка жителей «Устеково» написано, что «принято 48 человек (из 50-ти - автор), двое умерших и брошенных на дороге – так в документе» [11, с. 555]

Вагонов	***Всего чел.***	***Из них детей от 0 до 16 лет***	***Умерли в дороге***	***Высажены по болезни***	***В среднем в одном вагоне***
165	8727	4323	Всего - 37 Из них детей - 11	Всего - 45 Из них детей - 20	52,8 чел. Из них детей – 26,2 чел.

Научная ценность труда измеряется количеством и качеством введённых в оборот первоисточников, которые теперь доступны исследователю. С этой точки зрения издание отвечает своей задаче, оно оставляет открытым пространство для последующих работ — исторических карт, статистических справочников и биографических словарей.

Общее количество чеченцев, прибывших в Восточно-Казахстанскую область (подсчет автора):

Дети в возрасте от 0 до 16 лет, прибывшие в Восточно-Казахстанскую область (подсчет автора):

Возраст (лет)	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	**Итого**
Всего	74	213	250	307	317	331	305	374	311	236	364	193	306	220	195	184	143	**4323**

Умерли в дороге:

1. Дикаев Бами, 56 лет, умер 10 марта 1944 г., эшелон №6, вагон 16, не указаны ни район, ни село [11.с. 16];
2. Зовриева Аби, 70 лет, умерла 7 марта 1944 г., эшелон №6, вагон 15, не указаны ни район, ни село [11.с. 20];
3. Нунаев Таус (имя Таус дают как девочкам, так и мальчикам, хотя и редко - автор), 6 лет, умер 2 марта 1944 г., эшелон №6, вагон 15, не указаны ни район, ни село [11.с. 20];
4. Мисарбулатова Халипат, 105 лет, умерла 11 марта, эшелон №6, вагон 11, не указаны ни район, ни село [11, с.32];
5. Донноева Зина, 30 лет, эшелон не указан, вагон 10, пометка – 10-В. 113 ч.в.к. (пока не выяснено, что означает – авт.), предположительно из села Гатын-кале Шатоевского района (написано с ошибками – авт.) [11, с.34];
6. Бексултанов Супьян, 2 года, вагон №8, эшелон не указан, село Гаттын-Кале, время смерти не указано, пометка – Сын (умер) [11, с.47];
7. Улибиев Али, 8 месяцев, эшелон не указан (возможно, №6), вагон 6, умер 4-го (месяц пропущен, скорее всего, март), районы указаны Веденский и Шалинский [11, с.60];
8. Идалов Адаш, 5 месяцев, Шалинский район, умер 8 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 51 [11, с.88];

9. Ичаев Туток, 55 лет, умер 17 марта 1944 г., Шатоевский район, эшелон №268, вагон 38, по всей видимости, глава семьи из 6 человек Ичаевых [11, с.124];
10. Новраханова Хаибат, 80 лет, умерла 3 марта 1944 г., Шалинский и Атагинский районы указаны для этого вагона №35, эшелон №268 [11, с.134];
11. Дудаева Сацита, новорожденная 29 февраля 1944 г., Ст. Атагинского района, умерла 3 марта 1944 г., эшелон № 268, вагон 11 [11, с.228];
12. Ильясова Хасемат, 23 года, эшелон №268, вагон 9, район и село не указаны, умерла 27 февраля 1944 г. [11, с.240];
13. Идрисов Абаз, 73 года, Шалинский район, умер 7 марта 1944 г., эшелон № 268, вагон 8 [11, с.244];
14. Мунаев Хозу, 65 лет, Атагинский район, с. Атаги, умер 10 марта 1940 г. (опечатка – авт.), эшелон №268, вагон 7 [11, с.254];
15. Ирисханов Гарту, 90 лет, с. Маскир-Юрт, умер 29 февраля 1944 г., эшелон № 268, вагон 3 [11, с.279];
16. Хасаров Магомед, 71 год, умер 5 марта 1944 г., с. Новые Атаги, вагон №2, эшелон 268 [11, с.287];
17. Ибрагимов Вахит, 3 года, Шатовский район, умер 1 марта 1944 г., эшелон № 268, вагон 45 [11, с.290];
18. Мавсаров Магомед, 80 лет, Шатовский район, умер 3 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 45 [11.290];
19. Абдурахманов Вахит, 5 лет, Шатовский район, умер 1 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 45 [11, с.290];
20. Баматгириева Секи, 1878 г.р., Цаведенский сельсовет, умерла 1 марта 1944 г., эшелон не указан, вагон 20 [11, с.332];
21. Шаипов Ташухож, 1898 г.р., умер (дата не указана), с. Новые Атаги, вагон 23 [11, с.341];
22. Байгираева Санет, 68 лет, вагон 43, эшелон, район, село не указаны, в примечании написано, что умерла 2 февраля 1944 г. Возможно, в дате опечатка, так как нет смысла отмечать смерть человека умершего за три недели до выселения [11, с.341];
23. Гириханова Хавра, 6 лет, не указаны район, село, эшелон, вагон 44, умерла 3 марта 1944 г. [11, с.361];
24. Джамаев Джанхот, 85 лет, умер 29 февраля 1944 г., не указаны район, село, эшелон, вагон 46 [11, с.367];
25. Идалбаев Ширвани, 5 лет, умер 4 марта 1944 г., не указаны район, село, эшелон, вагон 47 [11, с.369];
26. Дудаева Савдати, 1924 г.р., вагон 551276, эшелон № 301 отправлен со станции Алды на станцию Жана Семей, район и аул не указаны, в графе примечание «сдана в ф №4», что возможно означало смерть, так как извещение о смерти заполнялось по этой форме. [11, с.374];
27. Умеров Усман, 1926 г.р., вагон 551276, эшелон № 301 отправлен со станции Алды на станцию Жана Семей, район и аул не указаны, в графе примечание «сдан в ф №4» [11, с.374];
28. Арсанукаев Дауд, 61 год, район Старо-Атагинский, Дубай-юрт, эшелон не указан, вагон 15, умер 5 марта, труп сдан на ст. Челкар [11, с.392];

29. Дугуров Джамерза, 100 лет, аул Дочу-Борзой, вагон 21, эшелон не указан, умер 7 марта 1944 г., труп сдан на ст. Кзыл-Орда [11, с.421];
30. Угушов Захри, 90 лет, аул Дочу-Борзой, вагон 22, эшелон не указан, умер 7 марта 1944 г., труп сдан на ст. Кзыл-Орда [11, с.426];
31. Шуайпов Мажи Ш., 1888 г.р., умер 9 марта 1944 г., труп сдан на станции Чу [11, с.472];
32. Акбердыева Дагма, 1938 г.р. (5 или 6 лет), умерла 5 марта 1944 г., труп сдан на станции Аральск, район Атагинский, вагон 4, эшелон не указан [11, с.516];
33. Дидаев Хама, 75 лет, умер 7 марта 1944 г., труп сдан на станции Назир-Орда, район Атагинский, вагон 4, эшелон не указан [11, с.522];
34. Мурдалова Себила С., 1860 г.р., умерла 9 марта 1944 г., труп сдан на станции Джамбул, район Атагинский, аул Дубай-юрт, вагон 6, эшелон не указан [11, с.525];
35. Дадаев Ваха, 1932 г.р. (11-12 лет), вагон 6, эшелон, район, село не указаны, умер 6 марта 1944 г., труп сдан на ст. Паносовка (станции с таким или похожим названием найти не удалось – авт.) [11, с.529];
36. – 37. Фамилии двух умерших не приводятся, только факт смерти «Принято 48, двое умерших и брошенных в дороге – так в тексте» [11, с.555].

Сданы в медпункт:

1. Бексултанова Маржан, 25 лет, вагон №8, эшелон не указан, село Гаттын-Кале, пометка – Дочь (из них двое в изоляторе) [11, с. 47];
2. Мусаева Меди, 19 лет, на станции Джамбул 15 марта 1944 г. и
3. Мусаева (имени нет), новорожденная 2 марта 1944 г., скорее всего, мать и дочь, вагон 51, эшелон №268, Шатоевский район, отправлены со станции Катаяма [11, с. 87];
4. Магамедова Мокка, вагон 51, эшелон №268, Шатоевский район, возраст не указан, «Сдано ст. Джамбул» [11, с. 89];
5. Гайрабаков Цаца, 70 лет, и
6. Абдурахманов Исхаджи, 3 года, Шалинский район, эшелон №268, вагон 49, сданы 12 марта на ст. Казалина (так в книге, скорее всего Казалинск – авт.) [11, с. 97];
7. Мечаева Мединат, 14 лет, сдана 15 марта на станцию Джамбул, Атагинский район, эшелон № 268, вагон 46 [11, с. 107];
8. Яхъяев Сайцали, 50 лет, с. Чир-Юрт, эшелон 268, вагон 30, сдан в Грозном по болезни 27 февраля 1944 г. [11, с. 151];
9. Дакаева Совдат, 6 лет, сдана 18 марта 1944 г., на станции Аягуз, Атагинский район, эшелон №268, вагон 29 [11, с. 152];
10. Татаев (Супьянов) Супьян, 60 лет, сдан 15 марта 1944 г. на станции Джамбул, Атагинский район, эшелон №268, вагон 29 [11, с. 152];
11. Татаева (Супьянова) Маржан, 20 лет, сдана 15 марта 1944 г., на станции Джамбул, Атагинский район, эшелон №268, вагон 29 [11, с. 153];
12. Татаева (Супьянова) Аймани, 10 лет, Атагинский район, сдана 18 марта 1944 г., на станции Аягуз, эшелон №268, вагон 29 [11, с. 153];
13. Татаев (Супьянов) Воти-Супьян, 21 год, Атагинский район, сдан 18 марта 1944 г. на станции Аягуз, эшелон №268, вагон 29 [11, с. 153];

14. Дакаева Зубидат, 14 лет, Атагинский район, сдана на станции Поворино, 6 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с. 154];
15. Дакаева Дату, 56 лет, Атагинский район, сдана на станции Поворино, 6 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с. 154];
16. Дакаев Саид-Эмин, 10 лет, Атагинский район, сдана на станции Поворино, 6 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с. 154];
17. Дакаева Бидацу, 90 лет, Атагинский район, сдана на станции Аягуз 18 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с. 154]
18. Дакаева Румани, 8 лет, Атагинский район, сдана на станции Поворино, 6 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с. 154];
19. Дакаев Саидо, 5 лет, Атагинский район, сдан на станции Поворино, 6 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с. 154];
20. Супьянов Ваха, 24 года, Атагинский район, сдан на станции Джамбул, 6 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с.155];
21. Генгоева Жовзан, 33 года, Атагинский район, сдана на станции Поворино, 6 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с. 156];
22. Генгоев Мовдин, 10 лет, Атагинский район, сдан на станции Поворино, 6 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 29 [11, с. 156];
23. Ацаев Дежелбек, 14 лет, Атагинский район, сдан 19 марта 1944 г. на станции Семипалатинск, эшелон №268, вагон 28 [11, с. 157];
24. Саламова (так в списке – авт.) Хамза, 13 лет, Атагинский район, сдана 19 марта 1944 г. на станции Семипалатинск, эшелон №268, вагон 28 [11, с. 157];
25. Керимов Паша, 14 лет, сдан 19 марта 1944 г. на станции Семипалатинск, эшелон №268, вагон 28 [11, с. 158];
26. Нанаева Коку, 30 лет, сдан 19 марта 1942 г. (опечатка, должно быть 1944 г. – авт.) на станции Семипалатинск, эшелон №268, вагон 28 [11, с. 158];
27. Сатуева Дута, 26 лет, Ст. Атаги, Атагинский район, сдана на ст. Грозный, 27 февраля 1944 г., эшелон №268, вагон 27 [11, с. 162];
28. Сатуева Зуна, 4 года, Ст. Атаги, Атагинский район, сдана на ст. Грозный 27 февраля 1944 г., эшелон №268, вагон 27 [11, с. 163];
29. Мудаев Исмаил, 12 лет, Ст. Атаги, Атагинский район, сдан на ст. Арись (Арыс – авт.) 14 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 25 [11, с. 167];
30. Анзаров Теса, 73 года, Старо-Атагинский район, сдан на станции Аягуз 18 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 13 [11, с. 214];
31. Закаева Самарт, 63 года, С. Атагинского района, сдана на станции Чиили 14 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 11 [11, с. 229];
32. Нукаева Махре (возможно Мархa), 110 лет, Шалинский район, село Мескорь-юрт (так в тексте – автор), сдана на станции Чили 14 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 8 [11, с. 246];
33. Данкиев Магамед, 16 лет, Шалинский район, село Мескорь-юрт (так в тексте), сдан на станции Чили 14 марта 1944 г., эшелон №268, вагон 8 [11, с.246];
34. Халидова Хижан, 15 лет, Шалинский район, с. Маскер-Юрт, сдана на станции Грозное 27 марта 1944 г. (если в Грозном, то скорее 27 февраля – авт.), эшелон №268, вагон4 [11, с. 266];

35. Оздинев Салторин (так в книге -автор.), Ца-Ведено, сдан на станции Казалинской, номер эшелона не указан, вагон 27 [11, с. 266];
36. Ойсова Сепият, 60 лет, Ца-Ведено, вагон 22, эшелон не указан, сдана по болезни (куда не указано -автор) [11, с. 338];
    В этом же вагоне напротив фамилий Атабаев Султа и Исаева Ровза написаны даты – 17 и 23 февраля 1944 г., возможно, дни рождения. [11, с. 336-337];
37. Магомедов Саида, 40 лет, оставлен в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 450];
38. Магомадов Юнус, 36 лет, оставлен в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 451];
39. Эльдаров Сайхат, 74 года, оставлен в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 451];
40. Эльдаров Иса, 13 лет, оставлен в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 451];
41. Токаева Сацита, 20 лет, оставлена в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 451];
42. Токаев Махма, 3 года, оставлен в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 451];
43. Эльдарова Селихат, 39 лет, оставлена в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 451];
44. Эльдаров Омар, 18 лет, оставлен в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 451];
45. Эльдарова Рукият, 7 лет, оставлена в г. Астрахань, вагон 7, эшелон, район, село не указаны [11, с. 451].

Некоторые из высланных уже больными доехали до места назначения, но умерли в течение первых дней проживания в Казахстане. Так, например, умерли Ахмадова Халист (29 лет) и ее сыновья Ваха (5 лет) и Лема (3 года) из села Старые Атаги, в живых остались отец Дауд и сын Леча (1938-1986 гг.) [12]

Три брата Катаевы Лёма, Султан, Лом-Али из с. Старые Атаги были отправлены в детдом им. Саввы п. Мерке после смерти отца Махмуда и матери Зулпа в конце1945 г. Они выжили и вернулись домой в 1957 г. вместе со своими родственниками. [13]

Из списка умерших и заболевших видно, что именно старики и дети были самой уязвимой категорией выселяемых, в некоторых случаях можно предположить, что вместе с больным малолетним ребенком в медпункте на станции оставляли и маму ребенка, или они оба были больны. Судьба многих, кто был высажен из эшелона по болезни, остается неизвестной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. — Алматы: Дайк-Пресс, 2009. — 506 с.
2. Исакиева З.С. Советская повседневность в условиях спецпоселения на примере депортированных в Казахстан чеченцев и ингушей // Вопросы истории. – 2022. – № 11-1. – С. 46-55. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202211Statyi23.

3. Исакиева З.С. Депортированные чеченцы и ингуши в структуре производительных сил / З. С. Исакиева // Вопросы истории. – 2022. – № 7-2. – С. 112-122. – DOI 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi45.

4. Исакиева З.С. Из истории повседневной жизни депортированных народов в годы Великой Отечественной войны на примере чеченцев и ингушей // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 12-5(114). – С. 119-126. – DOI 10.23670/IRJ.2021.114.12.179.

5. Цуцулаева С.С., Саидов И.Х. Размещение депортированных народов в местах спецпоселения в годы Великой Отечественной войны // Наука и молодежь: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Грозный, 20 октября 2023 года. – Грозный: Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, 2023. – С. 439-442. – DOI 10.36684/111-1-2023-439-442. – EDN XJBJXP.

6. Tsutsulaeva S. The labor contribution of the deported peoples to the development of the economy of Central Asia in 1940-1950 // Reliability: Theory & Applications. – 2023. – Vol. 18, No. S5(75). – P. 428-433. – DOI 10.24412/1932-2321-2023-575-428-433.

7. Tsutsulaeva S. Use of labor resources of specially displaced Chechens in the first years of deportation // E3S Web of Conferences: 2nd International Conference on Environmental Sustainability Management and Green Technologies (ESMGT 2023), Novosibirsk, 28–29 сентября 2023 года. Vol. 451. – EDP Sciences: EDP Sciences, 2023. – P. 05010. – DOI 10.1051/e3sconf/202345105010.

8. Алгириева Л. Б. К вопросу о трудностях размещения депортированных чеченцев в республиках Средней Азии (1944-1953 гг.) // Современная научная мысль. – 2021. – № 4. – С. 111-115. – DOI 10.24412/2308-264X-2021-4-111-115.

9. Атантаева Б. Ж., Камалджанова Т. А. Депортационная повседневность: источники и материалы (на примере Восточного Казахстана) // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. — 2020. — № 4 (133). — С. 42–62.

10. Дети казахстанских лагерей ГУЛАГа и спецпоселений. 1930-е – 1950-е гг.: сборник архивных документов и материалов / отв. ред. З. Г. Сактаганова; сост.: З. Г. Сактаганова, К. К. Абдрахманова, С. В. Елеуханова. — Караганда: [б. и.], 2024.

11. Аубакиров А. А. Дети гор: к 70-летию со дня депортации населения с Северного Кавказа — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2014. — 578 с.

12. Полевой материал автора. Информатор Ахмадова Хава Лечиевна, 1958 г.р., с. Старые Атаги Чеченской Республики. 20.07.2026 г.

13. Полевой материал автора. Информатор Катаев Лом-Али Махмудович, 1940 г.р., с. Старые Атаги Чеченской Республики. 10.03.2026 г.

УДК 316.2 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.005

О ВКЛАДЕ АБДУРРАХМАНА ИБН-ХАЛДУНА (1332-1406) В СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ

Жемчураева Седа Шахитовна

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН

Аннотация. В статье сфокусировано внимание на некоторых аспектах социологической теории выдающего мыслителя XIV-XV вв. Ибн-Халдуна и ее значении в становлении и развитии социологии как самостоятельной науки. Он задолго до проповедей западных социологов предпринял попытки выявить закономерности функционирования общественных систем, сформулировав авторскую социологическую концепцию. Опираясь на теории античных философов, Ибн Халдуну удалось предвосхитить институционализацию социологии. Данная работа нацелена на обоснование необходимости использования научных тезисов ученого современными исследователями и педагогами.

Ключевые слова: социология, история социологии, Ибн-Халдун, социологическая теория, незападная история социологии.

ON THE CONTRIBUTION OF IBN-KHALDUN (1332-1406) TO THE DEVELOPMENT OF SOCIOLOGY AS A SCIENCE

Zhemchuraeva Seda Shakhitovna

Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article focuses on the sociological theory of the outstanding thinker of the XIV-XV centuries. Ibn Khaldun and her importance in the formation and development of sociology as an independent science. Long before the sermons of Western sociologists, he attempted to identify the patterns of functioning of social systems, formulating the author's sociological theory. Based on the theories of ancient philosophers, Ibn Khaldun managed to anticipate the institutionalization of sociology. This work is aimed at the need for modern researchers and educators to use the scientist's scientific theses.

Key words: history of sociology, Ibn Khaldun, sociological theory, non-Western history of sociology.

Исследование закономерностей функционирования общественных систем восходит к трудам античных философов и по настоящее время остается актуальной и востребованной темой. Зарождение современной науки и ее дальнейшее развитие принято искать в Европе. Исключительной в данном контексте не является и социология. Ученые, разработавшие

теорию незападного возникновения науки, аргументированно доказывают развитие науки посредством взаимодействия людей и идей из разных уголков и культур планеты.

«Одна из наиболее дискуссионных проблем в истории социологии — ее периодизация и определение хронологических (исторических) границ. Причем в отношении верхних границ все относительно ясно, и здесь нет больших споров: историки социологии рассматривают развитие социологической науки вплоть до последнего времени, то есть до наших дней. Это тем более необходимо делать, что взгляды на прошлое социологии определенным образом могут меняться в зависимости от степени изученности и глубины проникновения в историко-социологический материал. Становятся широко известными ранее малоизученные работы, актуальные для сегодняшнего дня проблемы заставляют социологов обращаться к новому прочтению активно использовавшихся в прошлом трудов классиков социологической науки» [4, с. 24].

«Сегодня ученые охотно признают международный характер своей работы, но склонны считать это … новым явлением, продуктом «большой науки» XX в., а не исторической тенденцией, насчитывающей более 500 лет» [1, с. 11]. «Научную революцию следует рассматривать… как творческий продукт Запада», - написал влиятельный кембриджский историк Герберт Баттерфилд в 1949 г. А читателей журнала *Science* – одного из самых престижных научных журналов в мире – убеждали в том, что «небольшая группа западноевропейских стран стала «родовым поместьем» современной науки» [1, с. 13].

Несмотря на практическое отсутствие доказательств, представление, будто современная наука была создана в Европе, остается одним из самых распространенных мифов наших дней и тиражируется всюду – от научно-популярных книг до академической литературы [1, с. 14]. Таковы некоторые тезисы, свидетельствующие в пользу научных открытий, сделанных учеными различных стран мира задолго до западноевропейских идей и концепций. В данной работе предпринята попытка анализа вклада арабского философа и историка Ибн Халдуна (1332-1406) в становление и развитие социологии как науки. Очевидно, что в рамках одной статьи сделать это сложно, но очертить некоторые грани представляется возможным и необходимым. В отечественной литературе теоретические идеи Ибн Халдуна наиболее подробно изложены в работе С.М. Бациевой [14].

Родоначальником социологии как науки принято считать французского ученого Огюста Конта (1798-1857), который будучи секретарем философа Сен-Симона заинтересовался его идеями и впоследствии стал обособленно заниматься разработкой теоретических принципов позитивизма [2, с. 40-41]. Один из патриархов мировой социологии Роберт Мертон (1910-2003) сказал: «Социология – это очень молодая наука об очень древнем предмете изучения». Среди первых социологов античности называют Платона (427-347 до н.э.) и Аристотеля (384-322 до н.э.). В такой последовательности и персоналиях, как правило, строится лекционная программа об истории зарождения социологической науки, предлагаемая слушателям в высших учебных заведениях.

Выдающиеся труды об обществе мыслителей Нового времени Н. Макиавелли, Дж. Локка и Т. Гоббса стали предтечей научного этапа социологии. Вместе с тем, мало известным в ряду первых исследователей-социологов остается Ибн-Халдун. «Еще в средневековье арабский мыслитель Ибн-Хальдун пристально изучал поведение больших и малых социальных групп людей, составляя анатомию человеческого общества» [3, с. 156]. Подобного рода краткие сведения о выдающемся мыслителе присутствуют в

социологической литературе, в том числе, в достаточно объемных трудах современных социологов.

Основная цель работы – фокусирование роли Ибн-Халдуна в становлении социологии посредством создания социологической теории в XIV-XV вв. Для реализации задачи необходимо уточнить теоретические положения, указывающие на проактивную позицию Ибн-Халдуна, предвосхитившего институционализацию социологии как науки.

В османской историографии теоретические концепции Ибн-Халдуна исследованы в недостаточной степени [6, с. 11]. Вместе с тем, серьезной главой в учении Ибн-Халдуна, ставящей его в ряд выдающихся мыслителей в истории человечества, остается его социологическая теория. Отметим, что некоторые положения этой теории вызывают споры в научном мире и подвергаются критике [7], что, однако, не умаляет роли ученого в становлении социологии как науки.

Приведем некоторые материалы, подтверждающие начало изучения Ибн Халдуном законов развития общества задолго до признанных классиков социологии. «Чтобы объяснить причины возникновения и упадка династий Ибн Халдун воспользовался такими концептами, как «асабиййа» («групповая солидарность»), кочевничество и оседлость как формы социальной организации, халифат (власть, основанная на религиозном авторитете) и царство (власть, основанная на насилии), а также неизбежность религиозно-политических реформ, в конечном итоге и приводящих к смене династий. Для понимания взаимоотношений государства, общества и «асабиййи», а также того, как происходит становление общества, необходимо выяснить, что составляет саму природу общества. К этой проблеме Ибн Халдун подходит путем изучения тех элементов, которые общество составляют, а именно его экономической жизни… организационной способности государства… и групповой солидарности (асабиййа) – наиболее важного фактора, вызывающего социальные перемены…» [8, с. 270].

Наличие европоцентричного подхода к положениям теории Ибн Халдуна, как, впрочем, и концепциям других неевропейских мыслителей, не позволяет по сегодняшний день в должной мере оценить предложенные им идеи. Более того, анализ и практическое применение обозначенных им теоретических разработок остаются не в полной мере востребованными. Современные исследователи предлагают применять модель общества и государства, представленные Ибн-Халдуном в мусульманском мире. «Ибн-халдуновская мысль оказывается тем более релевантной для понимания тенденций долгосрочного исторического развития традиционных мусульманских обществ Ближнего и Среднего Востока в целом, чем более очевидной представляется «недомодернизированность» этих обществ, в большей или меньшей – но всегда в значительной – степени сохраняющих черты доиндустриального уклада в своей социальной и политической структуре» [9, с. 92].

Историко-социологические взгляды Ибн Халдун сформулировал в трактате «Книга назидательных примеров и сборник начала и сообщения о днях арабов, персов и берберов и тех, кто был современником их из обладателей высшей власти» (Китаб аль-ибар). В востоковедческой традиции принято называть эту первую часть «Книги назидательных примеров» вместе с авторским предисловием и «Введением о превосходстве науки истории» одним общим наименованием — Мукаддима [14]. В этой части автор определил предмет своего исследования: «Это самостоятельная наука, ибо она имеет специальную тему исследования — социальную жизнь людей и человеческое общество; она занимается

также последовательным разъяснением фактов, связанных с сущностью темы. Это является достоянием всякой науки, принадлежит она к традиционным или к рациональным». Ибн Халдун выдвинул теорию закономерного прогрессивного развития общества от низшей фазы к высшей через развитие форм производительной деятельности людей. Ученый объяснил развитие форм социальной жизни развитием производства и увидел в объединении людей в процессе труда, в кооперации труда могучую силу, способную служить орудием преобразования жизни людей [14].

Отдельное внимание Ибн-Халдун уделяет этической эволюции общества, которую определят вектором от «бедуинской» к «городской». Ученый придерживается идеи о социальной обусловленности психологических стереотипов и нравственных норм в обществе, трансформации которых обусловлены экономическими и политическими факторами.

Главной мыслью в социологической теории Ибн-Халдуна является естественные законы развития и их влияние на человеческое общество. Общественные процессы ученый связывал с явлениями и законами природы. Интеграция людей в общество объясняется невозможностью существования по отдельности, по теории Ибн Халдуна. Географический фактор развития и функционирования общества и индивидов также имеет первостепенное значение в концепции ученого. Им сформулирована классификация «семи климатов», которая содержит в себе сведения о климатических условиях и свойствах почвы в разных частях света. Ибн Халдун показывает взаимообусловленность социально-психологических и физических характеристик людей, проживающих в зафиксированных земных поясах и их продовольственными возможностями. «Изобилие пищи», - говорит Ибн-Халдун, - и содержащиеся в ней влажные элементы порождают в теле вредные остатки, от которых происходит чрезмерная тучность и обилие испорченных разлагающихся жидкостей... Влажные элементы затемняют ум и рассудок вследствие вредных паров, которые проникают в мозг» [10].

Еще одним критерием для анализа человеческого общества для Ибн Халдуна является образ жизни народов Арабского Востока. Среди них он выделяет оседлых и кочевников, придавая и тем, и другим социально-психологические образы. В симбиозе кочевников и оседлых автор видит двигатель истории, подчеркивая цикличность и закономерность исторических событий.

Ученые пишут [13, с. 196-197] о том, что в последнее время социологическое наследие Ибн Халдуна стало востребовано для исследователей, занимающихся математическим моделированием исторических, социальных и демографических макропроцессов [11]. Так, например, П.В. Турчин показал, что «модель Ибн Халдуна» может быть в модифицированном виде применена для аграрных обществ в целом [12].

Исходя из обозначенных (пусть в сжатой форме) положений социологической теории выдающегося арабского мыслителя Ибн-Халдуна (XIV-XV вв.) следует вывод о его значительном вкладе в становление и развитие социологии как науки задолго до возникновения европейских школ. Им сформулированы идеи, исследована природа человеческого общества и проведен оригинальный анализ причин возвышения и падения государств. Приведены уникальные классификации обществ, каждому из которых даны социально-психологические, физические и иные характеристики. Изучение теоретических идей Ибн-Халдуна позволяет констатировать упреждающее значение развития

социологической мысли в его новом – для своего времени – выполнении.

Ключевые формулы и концептуальные основы социологической теории Ибн-Халдуна могут использоваться при построении исследовательских проектов по изучению современных обществ и закономерностей их развития, а также в образовательных программах для студентов высших учебных заведений, в том числе, по истории и теории социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поскетт Дж. Незападная история науки: Открытия, о которых мы не знали / Джеймс Поскетт ; Пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2024. – 474 с.

2. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения: учебник / С.А. Кравченко. – 3-е изд., перераб. и дополн. – М.: Издательство «Экзамен», 2007. – 750, [2] с. (Серия «Учебник для вузов»).

3. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 1. Теория и методология. –М.: ИНФРА-М, 2003. – XXII, 908 с.

4. Зборовский Г.Е. О периодизации истории социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 4. С. 23-39.

5. Беляев Евг. Историко-социологическая теория Ибн-Халдуна // Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU. Дата обновления: 18 августа 2015. URL: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1439895694&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 24.06.2026); Историк-марксист, № 4-5(080-081), 1940, С. 78-84.

6. Насыров И.Р. Ибн Халдун в османской историографии / И.Р. Насыров; отв. ред. В.А. Кузнецов. – 3-е изд. – М.: ООО «Сандра», 2026. – 248 с. – (Философская мысль исламского мира: Исследования. Т. 14).

7. Ал-Джанаби М.М. Философия современной мусульманской реформации. М.: ООО «Сандра», 2014. С. 253-254.

8. Алатас С.Ф. Историческая социология мусульманских обществ в свете теории Ибн Халдуна. Alatas S.F. The historical sociology of Muslim societies: Khaldunian applications // Intern. sociology. – L., 2007. – Vol. 22, N 3. – P. 267–288.

9. Алексеев И.Л. Династическая автократия и конкурентный трайбализм в средневековом мусульманском обществе: взгляд Ибн Халдуна // Регионы мира: динамика и модели взаимодействия. 2016 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinasticheskaya-avtokratiya-i-konkurentnyy-traybalizm-v-srednevekovom-musulmanskom-obschestve-vzglyad-ibn-halduna Дата обращения: 27.06.2026.

10. Mahdi Muhsin. Ibn Khaldun's Philosophy of History. A study in the Philosophical Foundation of the Science of Culture. London: Allen & Unwin, 1937; Бациева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука, 1965; Игнатенко А.А. Ибн Хальдун. М.: Мысль, 1980; Turchin P. Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

11. Коротаев А.В. Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции. М.: Восточная литература, 2006. С. 76.

12. Turchin P. Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.

13. Алексеев И.Л., Сырейщикова А.А. Некоторые тенденции изучения наследия Ибн-Халдуна в современной историографии // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-tendentsii-izucheniya-naslediya-ibn-halduna-v-sovremennoy-istoriografii-1/viewer Дата обращения: 29.06.2026.

14. Бациева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука, 1965.

УДК 81; 37 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.006

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

© Навразова Х.Б. (a, b)

(a) ЧГПУ
(b) КНИИ РАН

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме обучения русскому языку детей-билингвов в современной школе. Проанализированы ключевые вызовы, с которыми сталкивается педагог при работе с детьми-билингвами: отсутствие адаптированных учебных материалов, языковая интерференция, психологические барьеры (страх ошибки, замкнутость) и др. Предложены инновационные стратегии, включающие внедрение модульных онлайн-платформ («гибридных учебников»), использование искусственного интеллекта для формирования корпуса типичных ошибок, метод дискурсивного погружения через мультимедийные проекты, стратегию «нейтрального посредника» для снижения тревожности у обучающихся, а также внедрение в образовательный процесс билингвальных языковых дневников. Сделан вывод о том, что эффективное решение сформулированной проблемы требует междисциплинарного подхода, сочетающего лингвистические, психологические и технологические аспекты обучения. Материалы статьи могут быть полезны учителям русского языка, методистам, исследователям в области билингвального образования и разработчикам образовательных программ.

Ключевые слова: билингвизм, языковая интерференция, билингвальное образование, русский язык.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF MODERN ETYMOLOGY: A COMPREHENSIVE ANALYSIS

© Navrazova Kh. B. (a, b)

(a) Complex Institute of the Russian Academy of Sciences
(b) CSPU

Annotation. The article presents a comprehensive analysis of the problems and prospects of modern etymology. The key provisions of the perspective concept of the linguist V. Prokhorov are outlined: the interdisciplinary nature of modern etymology, the dependence of etymological reconstructions on extralinguistic data, criticism of the phonetic atomism of young grammarians and the principles of systematic analysis of vocabulary. Its advantages are highlighted (rejection

of the isolated study of the sound side of the word, emphasis on semantic configurations, etc.) and a number of disadvantages (lack of elaboration of key concepts - "completed semantic configurations", "genetic language code", ignoring the achievements of cognitive linguistics and corpus methods, unresolved verification problems). The ways of further development of V. Prokhorov's concept are proposed: formalization of the combinatorics procedure, replacement of metaphorical terms with operational ones, use of typological databases (CLICS) and the principle of falsifiability, etc. The actual problems of modern etymology, which remained outside the framework of V. Prokhorov's concept, but are of great importance, are also identified: revision of classical dictionaries, demarcation of scientific and amateur etymological reconstructions, etc.

Key words: etymology, linguistics, semantics, grammatics.

Проблематика билингвального обучения достаточно давно находится в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей [1-7].

Комплексного решения данной проблемы, которое учитывало бы как лингвистические, так и психологические и технологические аспекты, исследователями в настоящее время не предложено. Особенно остро стоит вопрос разработки инструментов и методов, способных нивелировать языковые и эмоциональные барьеры в условиях совместного обучения с носителями языка.

Настоящее исследование опирается на концептуальные положения, изложенные в статье Д. Гайрабековой и Л. Борисовой [1]. В ней систематизированы ключевые методические проблемы обучение детей-билингвов русскому языку и определены базовые требования к профессиональным компетенциям педагога. Вместе с тем, предложенные авторами пути решения рассматриваемой проблемы носят, на наш взгляд, общий характер и не учитывают потенциала современных цифровых технологий, индивидуализации обучения и психолого-педагогических стратегий для снижения тревожности.

Цель данной работы – на основе комплексного анализа идей Д. Гайрабековой и Л. Борисовой предложить инновационные пути решения проблемы обучения детей-билингвов русскому языку.

Методологическая база исследования включает в себя элементарно-теоретический анализ и синтез, а также метод моделирования инновационных образовательных стратегий.

Д.Б. Гайрабекова и Л.П. Борисова справедливо связывают проблему обучению русскому языку детей-билингвов с глобализационными, миграционными и геополитическими процессами. Они поднимают вопросы, касающиеся не только собственно лингводидактики, но и социально-психологической адаптации ребенка в новой языковой среде.

Исследователи дают теоретическое обоснование понятию «билингвизм», обращаясь к определению Л.С. Киселевой [3], которая трактует его как «способность употреблять для общения две языковые системы» [1].

Особого внимания заслуживает тезис о том, что социальный статус языка играет ключевую роль в билингвальной среде: язык, обеспечивающий социальный успех, как правило, доминирует и вытесняет менее престижный.[3]

[3] В то же время «тенденция вытеснения «менее престижных» наносит огромный ущерб национальным языкам, ставя их под угрозу полного исчезновения [8].

Д.Б. Гайрабекова и Л.П. Борисова выделяют ряд методических ориентиров, которые авторы считают ключевыми для успешной работы педагога. В частности, подчеркивается, что учитель должен сформировать у ученика осознание невозможности быть полноценным членом общества без знания русского языка. Опираясь на труды Т.Ф. Зининой и Е.В. Губанихиной, исследователи акцентируют внимание на необходимость развития не только языковой, но и коммуникативной компетенции. При этом коммуникативные навыки представляют собой не только умение выбирать лингвистическую форму в зависимости от ситуации, но и знания национально-культурных особенностей речевого поведения. Важнейшим показателем успешной адаптации является совокупность языковых, речевых и собственно коммуникативных умений.

Значительная часть исследования Д. Гайрабековой и Л. Борисовой посвящена практическим аспектам обучения. Они обращают внимание на специфику словарной работы, подчеркивают эффективность словообразовательных упражнений и введения лексики в контекст. В то же время исследователи описывают психологические барьеры, возникающие у ребенка-билингва при попадании в иноязычную среду: страх ошибки, замкнутость и отказ от общения, что усугубляется явлением языковой интерференции.

Критическая часть исследования представленf обсуждением существующих методических проблем. Наиболее острой из них называется отсутствие универсального адаптированного учебника. Многие ученые, в частности И.В. Борисенко [1], констатируют, что классические учебники РКИ («Русский язык как иностранный») не подходят ввиду наличия у детей уже сформированного бытового лексикона, а стандартные школьные учебники требуют серьезной адаптации, поскольку их тематика устарела для современных подростков. Отдельно выделяется проблема разрыва между устной и письменной речью, характерная для детского билингвизма. Г.Н. Чиршева отмечает, что письменная речь усваивается значительно позже [10]. Письменный дискурс — это не просто графическая фиксация устной речи, а особая речевая функция. В связи с этим Д. Гайрабекова и Л. Борисова приводят обширный перечень навыков, которыми должен обладать учитель: от развития фонематического слуха до моделирования предложений и создания разноуровневых заданий.

Несмотря на глубину анализа, проведенного Д. Гайрабековой и Л. Борисовой, предложенные пути решения выявленных проблем вызывают ряд замечаний.

1. Исследователи справедливо указывают на необходимость развития письменного дискурса и работы с текстом, однако не предлагают конкретных методик, которые позволили бы решить такую задачу. Упоминание о том, что учитель должен «использовать моделирование при обучении построению предложений и пересказу текстов» [1], является слишком общим и не раскрывает специфику работы именно с билингвами.

2. В эпоху цифровизации образования предложенные авторами методы выглядят в определенной степени архаичными. Речь идет лишь о традиционных упражнениях (словообразовательные, введение в контекст), в то время как совершенно не рассматриваются возможности использования интерактивных платформ, корпусной лингвистики, языковых чат-ботов и мультимедийных материалов, которые могли бы существенно повысить мотивацию подростков к обучению.

3. В исследовании также не уточняется различие стратегий обучения для детей с естественным и искусственным билингвизмом. Предложенная система упражнений дана как универсальная, хотя психолингвистические механизмы усвоения языка в этих случаях принципиально отличаются.

4. Несмотря на том, что Д. Гайрабекова и Л. Борисова упоминают о страхах и замкнутости детей, пути преодоления этих психологических барьеров детально не прописаны. Утверждение о необходимости «создать благоприятное отношение» является абстрактным; необходимы конкретные инструменты, позволяющие снять языковой стресс или решить проблему «ошибкобоязни».

5. Исследователи констатируют проблему совместного обучения носителей языка и билингвов, но пути ее решения в условиях обычного общеобразовательного класса (не языковой школы) не предлагаются. Необходимы новые методики организации уроков в классах, в которых разрыв в уровне владения русским языком огромен.

Выявленные недостатки не снижают научной значимости проведенного Д. Гайрабековой и Л. Борисовой исследования.

Нами предложены инновационные подходы, которые позволят существенно повысить эффективность обучения детей-билингвов:

1. Внедрение технологии «гибридных учебников» (лексико-грамматического конструктора). Вместо использования устаревших линейных учебников нами предлагается создание модульных «банков данных» (онлайн-платформ), где учитель конструирует урок из микроблоков в зависимости от конкретного уровня класса. Такие блоки должны включать актуальный для подростков контент (блоги, клипы, обзоры игр) с параллельными грамматическими комментариями на языке-основе (L1) и цепочками ассоциативных связей между языками.

2. Использование нейросетей для формирования корпуса типичных ошибок. Предлагается создавать на базе искусственного интеллекта банк данных, который накапливает и хранит интерференционные ошибки. На основе такого банка ИИ должен не просто указывать на ошибку (высвечивать ее), а генерировать персонализированные упражнения, нацеленные на «перестройку» алгоритмов мышления ребенка (а не на механическое запоминание правил).

3. Метод «дискурсивного погружения» через проектную деятельность. Для того, чтобы преодолеть разрыв между устной и письменной речью, предлагается заменить стандартные сочинения на создание мультимедийных проектов (видеоблоги, подкасты с субтитрами). Ребенок сначала продуцирует устную речь (запись голоса), затем занимается декодированием собственной речи в письменный текст (создание субтитров), что позволяет осознать разницу между фонетическим образом и графической нормой, а также развивает навыки текстообразования в реальных контекстах.

4. Стратегия «нейтрального посредника» для работы с «ошибкобоязнью». Предлагается внедрение технологии тайного (скрытого) контроля: на первых этапах обучения не следует оценивать грамматическую правильность письма, а сосредоточиться на смысловом содержании (идея, логика, аргументация). Грамматические ошибки фиксируются учителем в индивидуальном чек-листе без отметки в журнале. Все это снимает психологический барьер и позволяет преодолеть «ошибкобоязнь», поскольку

постепенно переключается внимание ребенка с формы на содержание (коррекция формы проводится только на индивидуальных консультациях).

Пример реализации метода:

Шаг 1. Устная запись (Дискурс)

Ребенок получает задание: *«Расскажи в микрофон, как ты идешь в парк аттракционов, не готовясь, просто говори эмоционально»*.

Ученик записывает аудио длиной 1–2 минуты. Он говорит (стенограмма):

«Я выхожу из дома, поворачиваю на лево, иду прямо. Там стоит огромное колесо обозрения. Вокруг него всегда шумно, вокруге много людей. Я люблю смотреть с верху, как машины едут по пробкам. Короче, там круто. Я их видел в прошлый раз.»

Шаг 2. Декодирование (Создание субтитров)

Ученик открывает программу монтажа (или простой текстовый редактор с таймкодом) и начинает печатать субтитры к своей же речи. Здесь включается когнитивный диссонанс:

a) Слуховая норма vs графическая норма: когда он пишет, программа (или учитель) подчеркивает ошибки. Ребенок удивляется: *«Как это "на лево"? Я же говорю "налева"?»*. Он переслушивает и понимает, что говорит слитно, но писать нужно раздельно с приставкой или слитно, если это наречие (здесь он видит, что предлоги с существительными пишутся раздельно, а наречия — слитно, и начинает разбираться с контекстом).

(b) Слова-паразиты и повторы: Видя текст на экране, он замечает, что слово *«вокруг»* написано дважды по-разному (второй раз с ошибкой «вокруге»). Переслушивая, он слышит, что дикция съедает звук, но произношение *[вакруг]* не соответствует букве «г» на конце (в родительном падеже?). Он лезет в правило и исправляет.

Шаг 3. Редактура (переход к письменной норме)

Учитель дает задание: *«Оставь субтитры, но убери из них устный мусор ("короче", "там"). Теперь у тебя есть текст. Сделай его красивым»*.

Ребенок переписывает предложения. Самая сложная фраза *«Я их видел»* — он не помнит, о ком говорил (о людях или машинах?). Чтобы текст стал понятен зрителю (ведь субтитры будут читать другие), он вынужден развернуть мысль:

Исходный устный текст: *«Я их видел в прошлый раз»*.

Итоговый письменный субтитр: *«Я наблюдал за этим движением с высоты во время прошлого посещения»*.

Шаг 4. Итоговый проект (Видеоблог)

На экране появляется ролик: ребенок говорит эмоционально, а внизу бегут *правильно написанные*, литературные субтитры.

5. Разработка билингвальных языковых дневников. Предлагается создание специализированных (языковых) дневников для обучающихся, в которых отразятся результаты межъязыковой рефлексии (дневники будут вести сами обучающиеся). Дальнейший анализ накопленных данных позволит зафиксировать, в частности, случаи, когда русский и родной языки вступают в конфликт. Такая методика превращает язык из объекта изучения в инструмент самоанализа, что повышает «метаязыковую осознанность» и делает процесс обучения осмысленным, а не принудительным.

Проведенный анализ исследования Д.Б. Гайрабековой и Л.П. Борисовой позволяет утверждать, что авторами был точно идентифицирован комплекс ключевых проблем, с которыми сталкивается современная школа в условиях роста числа детей-билингвов. Они сумели убедительно показать, что обучение русскому языку в двуязычной среде не сводится к сугубо лингвистической задаче, а включает в себя социально-адаптационный, психологический и методический аспекты. Особую ценность представляет систематизация требований к профессиональной компетентности педагога, а также акцент на необходимости развития не только языковых, но и коммуникативных навыков, что согласуется с современными образовательными стандартами. Вместе с тем предложенные авторами пути решения проблемы не учитывают потенциала цифровых технологий, дифференцированного подхода к разным типам билингвизма и психологических механизмов снижения тревожности учащихся.

Для преодоления выявленных ограничений в настоящем исследовании были предложены инновационные стратегии. Внедрение модульных онлайн-платформ с гибкой структурой контента позволяет преодолеть проблему устаревших учебников, а использование искусственного интеллекта для корпуса типичных ошибок открывает возможность персонализированной коррекции обучения с учетом родного языка ученика. Метод дискурсивного погружения через мультимедийные проекты, в свою очередь, нацелен на сглаживание разрыва между устной и письменной речью, а стратегия «нейтрального посредника» создает безопасную среду для преодоления страха ошибок.

Наконец, ведение билингвальных языковых дневников способствует развитию метаязыковой рефлексии, что переводит обучение из пассивного усвоения правил в «осмысленное взаимодействие» с языком.

Предложенный комплекс мер не является исчерпывающим, однако задает вектор для дальнейших теоретических и экспериментальных изысканий. Перспективными направлениями видятся разработка конкретных методических рекомендаций по интеграции ИИ-инструментов в школьную практику, апробация предложенных технологий в разных типах образовательных учреждений, а также эмпирическое изучение их влияния на языковое развитие и психологическое состояние билингвов.

Безусловно, успешное решение проблемы обучения детей-билингвов русскому языку требует консолидации усилий лингвистов, психологов, методистов и учителей-практиков. Однако именно междисциплинарный и технологически ориентированный подход способен превратить языковой барьер из непреодолимого препятствия в точку роста, открывающую перед ребенком полноценные возможности для социализации и академического успеха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко И.В. Русский язык как неродной в русскоязычной начальной школе // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4, том II. С. 121–126.

2. Гайрабекова Д.Б., Борисова Л.П. Обучение детей-билингвов русскому языку: методические проблемы и пути их решения // Психолого-педагогические условия языковой и социокультурной адаптации билингвов в образовательной системе. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – Пятигорск, 2024. – С. 96–103.

3. Жеребило Т.В. Актуальные проблемы разработки моделей исследования коммуникативного поведения билингвов // Рефлексия. – 2018. – № 5. – С. 49–66.

4. Киселева Л.С. Обучение русскому языку детей-билингвов / Л.С. Киселева. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 472–474. URL: https://moluch.ru/ archive/309/69814/ (дата обращения: 05.08.2026)

5. Навразова Х.Б., Исакова Б.Н. Особенности коммуникативного поведения чеченцев-билингвов // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 4 (77). – С. 363–365.

6. Навразова Х.Б. Состояние и перспективы развития русского языка в условиях билингвизма // Lingua-Universum. – 2020. – № 1. – С. 7–11.

7. Сантуева Э.З. Проблема интерференции при обучении русской речи учащихся-билингвов // Личность как объект психологического и педагогического воздействия. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 182–185.

8. Якубов А.В. К вопросу о полилингвальной модели преподавания в Чеченской Республике. Мат-лы 5-й междун. научной конф. «Полилингвальное образование как основа сохранения языкового наследия и культурного разнообразия человечества».2014, Владикавказ, С.263-267

9. Сивакова С.В. Проблемы обучения русскому языку детей-билингвов и детей-мигрантов в Японии // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 6 (217). – С. 116–122.

10. Сулейманова И.М. Проблемы орфоэпической культуры русской речи дагестанцев-билингвов : диссертация ... кандидата филологических наук / Дагестанский государственный педагогический университет. – Махачкала, 2008.

11. Чиршева Г.Н. Моноэтнический детский билингвизм / Г.Н. Чиршева // Филологический класс. 2013. № 2 (32). С.46–49.

УДК 342.4 (575.4) DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.007

СОВРЕМЕННАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ТУРКМЕНИСТАНА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

© Нурбердыева Акджа Таджиевна (a), Маммедов Сердар Марсович (b)

(a) Академия государственной службы при Президенте Туркменистана
(b) Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова РАН

Аннотация. В статье исследуется современная государственность Туркменистана как целостная конституционно организованная система. Раскрыты историческая преемственность, роль Конституции и реформ 1995–2023 годов, постоянного нейтралитета, публичной власти, государственной службы и человеческого потенциала. Обоснована их взаимосвязь в обеспечении суверенитета, прав человека, эффективного управления и устойчивого национального развития.

Ключевые слова: Туркменистан; государственность; историческая преемственность; Конституция Туркменистана; публичная власть; постоянный нейтралитет; государственная служба; государственное управление; человеческий потенциал; Махтумкули Фраги.

MODERN STATEHOOD OF TURKMENISTAN: CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS, HISTORICAL CONTINUITY AND CONTEMPORARY DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

© Akja Tadjievna Nurberdiyeva (a), Serdar Marsovich Mammedov (b)

(a) Academy of Civil Service under the President of Turkmenistan
(b) Kh. I. Ibragimov Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article examines modern statehood of Turkmenistan as an integrated, constitutionally organized system. It addresses historical continuity, the Constitution and reforms of 1995–2023, permanent neutrality, public authority, civil service and human potential. Their interrelation is shown to support sovereignty, human rights, effective governance and sustainable national development.

Keywords: Turkmenistan; statehood; historical continuity; Constitution of Turkmenistan; public authority; permanent neutrality; civil service; public administration; human capital; Magtymguly Pyragy.

ВВЕДЕНИЕ

Государственность характеризует устойчивость суверенного государства, его конституционных основ, публичных институтов и правовых механизмов взаимодействия с обществом. Она не сводится к системе органов власти: её содержание образуют территория, правопорядок, права человека, политико-правовая идентичность и способность государства последовательно решать общественные задачи [21–23].

Опыт Туркменистана представляет научный интерес как пример становления независимого государства, в котором национальные традиции сочетаются с конституционной модернизацией. После провозглашения Независимости 27 октября 1991 года были сформированы собственная правовая система и институты публичной власти, закреплён постоянный нейтралитет, развиты государственная служба и подготовка управленческих кадров [1–5; 9].

Актуальность исследования состоит в необходимости рассматривать эти процессы во взаимосвязи. Историческая преемственность раскрывает ценностную основу государственности; Конституция придаёт ей юридическую форму; публичная власть обеспечивает действие права; нейтралитет определяет международно-правовое положение; профессиональное управление и человеческий потенциал превращают принципы в практические результаты.

Научная проблема заключается в определении внутренней связи между названными элементами. Их раздельное описание не объясняет, почему государственные институты сохраняют устойчивость при изменении организационных форм. Системный подход позволяет оценивать реформы не только по структуре органов, но и по соответствию историческим ценностям, конституционным принципам, международным обязательствам и потребностям человека.

Теория государства и конституционного права связывает государственность с суверенитетом, верховенством Конституции, организацией публичной власти и обеспечением прав человека [21–23]. Для анализа Туркменистана определяющее значение имеют Конституция, конституционные законы, законодательство о государственной службе, правах человека, молодёжной политике и культурном наследии [1–14].

Национальные и международные документы подробно освещают отдельные аспекты темы — принятие Конституции, реформы представительной власти, нейтралитет, деятельность Омбудсмена и подготовку кадров [1–20; 24]. Вместе с тем их системная взаимосвязь изучена недостаточно. Поэтому государственность рассматривается здесь как единая историко-правовая и институциональная модель.

Работы по общей теории государства подчёркивают значение легитимности, правовой определённости и ответственности власти, а исследования конституционализма — учредительную и программную функции Основного Закона [21–23]. Эти положения образуют методологическую основу статьи, но применяются с учётом национального контекста, в котором правовые институты развиваются во взаимосвязи с исторической памятью, нейтралитетом и культурными ценностями.

Научная новизна заключается в обосновании современной государственности Туркменистана как целостной системы, где историческая преемственность не противопоставляется модернизации, а Конституция связывает национальные ценности, публичную власть, нейтралитет и управление. Практическая значимость состоит в

возможности использовать выводы при подготовке государственных служащих, преподавании конституционного права и совершенствовании правовой культуры.

Предлагаемый подход позволяет разграничить неизменные основы и изменяемые организационные решения. К первым относятся Независимость, суверенитет, народовластие, верховенство Конституции, права человека и нейтралитет; ко вторым — конкретная структура представительных органов и управленческие механизмы. Такое разграничение важно для научной оценки реформ и подготовки практических рекомендаций.

Цель исследования — раскрыть конституционно-правовые основы современной государственности Туркменистана и показать взаимосвязь её исторических, институциональных, международно-правовых и кадровых элементов.

Для достижения цели определены следующие задачи: выявить значение исторической преемственности; раскрыть учредительную роль Конституции; обобщить направления реформ 1995–2023 годов; охарактеризовать постоянный нейтралитет; определить место государственной службы, образования и человеческого потенциала в обеспечении устойчивого развития.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами послужили Конституция Туркменистана, конституционные законы, национальное законодательство, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и официальные документы [1–20]. Применены формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, структурно-функциональный и системный методы. Они позволили сопоставить этапы реформ и определить устойчивые принципы национальной модели.

Историко-правовой метод использован для выявления преемственности этапов развития; формально-юридический — для анализа содержания норм; структурно-функциональный — для определения роли институтов; системный — для раскрытия их взаимного влияния. Выводы основаны на сопоставлении правовых актов и официальных документов, а не на изолированной оценке отдельных реформ.

1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Современная государственность Туркменистана опирается на историческую память и представления о единстве народа, справедливости, ответственности власти и служении общему благу. Преемственность означает не воспроизведение прежних форм управления, а передачу общественно значимых ценностей, которые в независимом государстве получают конституционное и законодательное выражение.

Особое место занимает духовное наследие Махтумкули Фраги. Идеи единства, человеческого достоинства, справедливости и миролюбия соотносятся с принципами народовластия, законности, приоритета прав человека и постоянного нейтралитета. Правовая охрана культурного наследия закрепляет связь образования, культуры и государственной политики [13].

Государственные символы также соединяют историческое и современное начала. Конституция относит флаг, герб и гимн к символам суверенного государства [1]. Их общественная функция состоит в укреплении национальной идентичности, уважения к Независимости и гражданской ответственности.

Исторический опыт туркменского народа включает традиции государственного устройства, дипломатических связей, общественного согласия и уважения к старшим. Их современное значение состоит прежде всего в нравственной ориентации публичной власти. Конституционное государство не заимствует прежние модели буквально, но сохраняет представления о справедливом управлении, единстве общества и ответственности перед Родиной.

Правовое переосмысление традиций предупреждает произвольное обращение к прошлому. Только нормы Конституции и закона придают ценностям общеобязательную форму, устанавливают пределы власти и гарантии личности. Поэтому историческая преемственность укрепляет государственность тогда, когда сочетается с верховенством права, открытостью культуры и уважением к человеческому достоинству.

2. КОНСТИТУЦИЯ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА

Принятие Конституции 18 мая 1992 года завершило первоначальный этап юридического оформления Независимости. Подготовка проекта сопровождалась общественным обсуждением, включая рассмотрение на заседании Совета старейшин; итоги получили оформление в актах Верховного Совета [2–4]. Конституция установила основы строя, систему власти, статус человека и гражданина и направления законодательства.

Учредительная роль Конституции выражается в том, что она не только закрепляет суверенитет, но и определяет устойчивые формы его осуществления. Верховенство Основного Закона обеспечивает единство правовой системы, пределы полномочий органов, разделение властей и защиту прав личности. Признание человека высшей ценностью придаёт государственности социальную и гуманистическую направленность [1].

Новая редакция Конституции 2016 года и последующие изменения сохранили фундаментальные принципы, одновременно уточнив организацию публичной власти и гарантии личности [7; 10; 11]. Тем самым конституционная стабильность сочетается с возможностью институционального обновления на основе права.

Конституция обладает также программной функцией. Она закрепляет долгосрочные ориентиры развития, на основании которых принимаются законы и государственные решения. Стабилизирующая функция защищает фундаментальные принципы от ситуативных изменений, тогда как предусмотренные правовые процедуры позволяют обновлять институты без разрыва конституционной преемственности.

Разделение властей направлено не на изоляцию органов, а на функциональное разграничение их задач, взаимную согласованность и юридическую ответственность. Народовластие выражается через выборные и представительные институты, участие граждан и общественное обсуждение значимых вопросов. В совокупности эти начала определяют демократический, правовой и светский характер государства [1].

3. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Первый этап преобразований был связан с международным признанием постоянного нейтралитета и его закреплением в национальном праве [5; 15]. Существенным направлением стала гуманизация законодательства: отмена смертной казни и развитие гарантий прав человека определили человекоцентричный вектор правовой системы. Создание института Омбудсмена дополнило судебные и административные способы защиты прав [8].

Реформы представительной власти отражали поиск организационной модели, соответствующей задачам конкретного периода. Изменения 2003 и 2008 годов, переход к двухпалатной системе в 2020 году и возвращение в 2023 году к однопалатному Меджлису сформировали последовательный институциональный опыт [6; 10; 11]. Халк Маслахаты получил самостоятельный статус высшего представительного органа народной власти [12].

Содержание реформ показывает сочетание преемственности и адаптивности. Независимость, суверенитет, верховенство Конституции, народовластие, права человека и нейтралитет сохранялись как базовые принципы, тогда как формы представительства и механизмы управления корректировались с учётом накопленного опыта.

Новая редакция Конституции 2016 года стала важным этапом развития правового статуса личности и публичных институтов [7]. Расширение гарантий достоинства, равенства, личной свободы, социальной защиты и благоприятной окружающей среды потребовало дальнейшего совершенствования законодательства и механизмов защиты. Институт Омбудсмена усилил профилактическую направленность правозащитной системы [8].

Двухпалатная модель 2020 года была призвана разграничить законодательное и территориальное представительство. Практика её функционирования дала материал для последующей корректировки. Изменения 2023 года сосредоточили законодательную функцию в Меджлисе, а Халк Маслахаты закрепили как самостоятельный высший представительный орган народной власти [11; 12]. Это показывает, что организационные решения оцениваются с учётом эффективности и национального опыта.

Позитивный характер преобразований выражается в правовой форме их проведения. Изменения вносились конституционными законами, а компетенция органов определялась нормативно. Поэтому реформирование не нарушало преемственность, а конкретизировало способы реализации устойчивых принципов — суверенитета, народовластия, законности, социальной направленности и приоритета человека.

4. ПОСТОЯННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС

Постоянный нейтралитет соединяет внутреннее и международное измерения государственности. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 50/80 А от 12 декабря 1995 года признала и поддержала статус Туркменистана; последующие резолюции 2015 и 2025 годов подтвердили его устойчивое значение [15; 16; 19]. В национальном праве нейтралитет закреплён конституционно и определяет миролюбивую направленность внешней политики [1; 5].

Нейтралитет предполагает мирное урегулирование споров, невмешательство, добрососедство и равноправное сотрудничество. Его практическим выражением являются превентивная дипломатия и региональный диалог. Работа Регионального центра ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии в Ашхабаде показывает институциональное воплощение этих принципов [20].

Международный день нейтралитета и инициативы, связанные с миром и доверием, расширяют значение национального опыта [17; 18]. Поэтому нейтралитет следует оценивать не как изоляцию, а как активный правовой и дипломатический инструмент, укрепляющий предсказуемость внешней политики и конституционную идентичность государства.

Конституционное содержание нейтралитета влияет не только на внешнюю политику, но и на правовое самосознание общества. Миролюбие, доверие, уважение суверенитета других государств и отказ от силовых способов разрешения противоречий становятся ориентирами государственных органов и гражданского воспитания. Тем самым международно-правовой статус входит в национальную конституционную идентичность.

Трёхкратное подтверждение нейтралитета Генеральной Ассамблеей ООН в 1995, 2015 и 2025 годах образует последовательную международно-правовую линию [15; 16; 19]. Оно свидетельствует о сохранении актуальности статуса и связывает его с вкладом Туркменистана в мир, превентивную дипломатию и региональное сотрудничество. Такая практика укрепляет взаимную согласованность национального права и международной деятельности.

5. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА И ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ

Действие Конституции зависит от качества государственного управления. Между правовой нормой и общественным результатом находятся решения органов, административные процедуры и профессиональная деятельность служащих. Закон о государственной службе определяет её организационные основы, статус служащих, их права, обязанности и ограничения [9].

Публичный характер службы требует компетентности, законности, беспристрастности, дисциплины и уважения к гражданам. Современный служащий должен владеть правовыми знаниями, методами анализа и стратегического планирования, цифровыми инструментами и навыками межведомственного взаимодействия. Профессионализм при этом неотделим от этики и ответственности.

Академия государственной службы при Президенте Туркменистана обеспечивает специализированную подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров. Соединение науки, образования и практики позволяет обновлять компетенции, укреплять правовую культуру и формировать единые стандарты управления.

Правовая культура служащего проявляется в способности видеть за ведомственной задачей конституционные требования. Решение должно иметь законное основание, приниматься компетентным органом, соблюдать процедуру и права граждан. Это снижает риск формализма, превышения полномочий и решений, не соответствующих публичным целям.

Цифровая трансформация усиливает требования к защите данных, достоверности информации и доступности государственных услуг. Технологии способны ускорять процедуры, но не заменяют законность и персональную ответственность. Поэтому непрерывное обучение должно охватывать административное и конституционное право, аналитику, этику, информационную безопасность и оценку общественных последствий решений.

6. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Человеческий потенциал включает образование, профессиональные навыки, здоровье, правовую культуру и гражданскую ответственность. Государственные институты создаются людьми и действуют через людей, поэтому качество кадров и общественной культуры непосредственно влияет на эффективность права и управления.

Конституционный приоритет человека ориентирует государственную политику на доступность образования, охрану здоровья, социальную защищённость и равенство возможностей [1]. Молодёжная политика связывает личностное развитие, профессиональную подготовку и участие молодёжи в общественной жизни с долгосрочными интересами государства [14].

Образование должно формировать не только специальные знания, но и способность самостоятельно мыслить, соблюдать право и нести ответственность. Сочетание профессиональной компетентности, цифровой грамотности и нравственных ориентиров обеспечивает преемственность государственного развития и доверие к публичной власти.

Человекоцентричная направленность не противопоставляет интересы личности и государства. Устойчивое государство заинтересовано в образованных, здоровых и социально активных гражданах, поскольку именно они создают материальные и духовные ценности, обеспечивают работу институтов и формируют общественное доверие. В свою очередь, права человека наиболее полно реализуются при стабильном правопорядке и эффективной публичной власти.

Гражданская ответственность формируется не только в учебных заведениях. Значение имеют семья, средства массовой информации, культурные организации, трудовые коллективы и практика взаимодействия с государственными органами. Последовательное соблюдение закона и уважительное отношение к гражданам укрепляют доверие к праву; произвольные или непонятные решения, напротив, ослабляют его.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследование показало, что государственность Туркменистана имеет комплексный характер. Её устойчивость определяется взаимосвязью исторической преемственности, Конституции, публичной власти, нейтралитета, государственной службы и человеческого потенциала. Конституция выполняет системообразующую функцию; реформы обеспечивают адаптацию институтов без отказа от фундаментальных принципов; нейтралитет объединяет национальное и международное измерения; профессиональные кадры превращают нормы в управленческую практику.

Установлено также, что историческое и духовное наследие выполняет не только мемориальную, но и интегративную функцию. Через образование, символику и правовую охрану культуры оно участвует в формировании национального самосознания. Человеческий потенциал выступает одновременно целью и средством развития: государство создаёт условия для реализации прав, а образованные и ответственные граждане обеспечивают качество институтов.

Анализ позволил разграничить ценностный, нормативный, институциональный, международный и кадровый уровни государственности. Каждый из них выполняет самостоятельную функцию, но изменение одного элемента влияет на всю систему. Отсюда следует необходимость согласовывать конституционные реформы, отраслевое законодательство, подготовку кадров и общественное разъяснение принимаемых решений.

Полученные результаты позволяют рассматривать государственность не как набор изолированных институтов, а как устойчивую связь ценностей, правовых норм, органов, кадров и общественного участия. Историческая преемственность и модернизация не противоречат друг другу: традиции придают реформам ценностную понятность, а Конституция переводит их в юридически обязательные принципы.

Стабильность Основного Закона не означает неизменности организационных решений. Эффективность обеспечивается способностью корректировать институты в правовой форме, сохраняя суверенитет, законность, права человека и нейтралитет. Перспективными направлениями дальнейших исследований являются практика применения конституционных норм, взаимодействие органов разных уровней и оценка образовательных программ для государственных служащих.

Особое место нейтралитета объясняется тем, что он соединяет внешнюю и внутреннюю стороны государственности. Его международное признание укрепляет правовую идентичность страны, а конституционное закрепление придаёт внешней политике предсказуемость. Аналогично государственная служба соединяет нормативный и практический уровни: качество права воспринимается гражданином через повседневную административную деятельность.

Человеческий потенциал объединяет остальные элементы модели. Историческая память, Конституция и институты сохраняют устойчивость только при наличии профессиональных служащих, образованных граждан и развитой правовой культуры. Поэтому инвестиции в человека имеют одновременно социальное, экономическое и конституционное значение.

ВЫВОДЫ

Современная государственность Туркменистана является результатом последовательного исторического, конституционно-правового и институционального развития независимого государства. Её ценностную устойчивость обеспечивают историческая память, наследие Махтумкули Фраги, государственные символы и правовая охрана культуры.

Конституция образует фундамент национальной правовой системы и закрепляет суверенитет, публичную власть, права человека, постоянный нейтралитет и государственные символы. Реформы 1995–2023 годов показывают способность развивать институты средствами права. Нейтралитет придаёт модели устойчивое международно-правовое измерение и поддерживает курс на мир, доверие и сотрудничество.

Практическая эффективность модели зависит от профессиональной государственной службы и развития человека. Образование, правовая культура, ответственность и непрерывная подготовка кадров соединяют Конституцию с управленческой практикой. Единство исторической преемственности, права, институтов и человеческого потенциала создаёт предпосылки для устойчивого развития Туркменистана.

Научное значение выводов состоит в обосновании системного подхода, который позволяет оценивать реформы по их влиянию на всю модель государственности. Практическое применение возможно в преподавании, научной работе, подготовке государственных служащих и развитии правового просвещения. Дальнейшая конкретизация отдельных механизмов должна сохранять единство исторических ценностей, конституционных норм и общественных потребностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Туркменистана: принята 18 мая 1992 г.; утверждена в новой редакции Конституционным законом Туркменистана от 14 сентября 2016 г., с последующими изменениями и дополнениями // Официальный сайт Меджлиса Туркменистана.

2. Конституционный закон Туркменистана «О независимости и основах государственного устройства Туркменистана» от 27 октября 1991 г. № 573-XII // Ведомости Верховного Совета Туркменистана. 1991. № 15. Ст. 152.

3. Закон Туркменистана «О порядке введения в действие Конституции Туркменистана» от 18 мая 1992 г. № 692-XII // Ведомости Верховного Совета Туркменистана. 1992. № 5. Ст. 31.

4. Постановление Верховного Совета Туркменистана «Об итогах обсуждения проекта Конституции Туркменистана на III заседании Совета старейшин» от мая 1992 г. № 690-XII // Ведомости Верховного Совета Туркменистана. 1992. № 5.

5. Конституционный закон Туркменистана «О постоянном нейтралитете Туркменистана» // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 1995. № 4. Ст. 54.

6. Конституционный закон Туркменистана «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Туркменистана» от 26 сентября 2008 г.

7. Конституционный закон Туркменистана «Об утверждении Конституции Туркменистана в новой редакции» от 14 сентября 2016 г. // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2016. № 3. Ст. 131.

8. Закон Туркменистана «Об Омбудсмене» от 23 ноября 2016 г.

9. Закон Туркменистана «О государственной службе» от 26 марта 2016 г. // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2016. № 1. Ст. 48

10. Конституционный закон Туркменистана «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Туркменистана» от 25 сентября 2020 г.

11. Конституционный закон Туркменистана «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Туркменистана» от 21 января 2023 г.

12. Конституционный закон Туркменистана «О Халк Маслахаты Туркменистана» от 21 января 2023 г. № 532-VI.

13. Закон Туркменистана «О культурном наследии Махтумкули Фраги» от 7 июня 2024 г. // Официальный сайт Меджлиса Туркменистана.

14. Закон Туркменистана «О государственной молодёжной политике» (новая редакция) // Официальный сайт Меджлиса Туркменистана.

15. United Nations General Assembly. Permanent Neutrality of Turkmenistan: Resolution 50/80 A of 12 December 1995.

16. United Nations General Assembly. Permanent Neutrality of Turkmenistan: Resolution 69/285 of 3 June 2015.

17. United Nations General Assembly. International Day of Neutrality: Resolution 71/275 of 2 February 2017.

18. United Nations General Assembly. International Year of Peace and Trust, 2025: Resolution 78/266 of 21 March 2024.

19. United Nations General Assembly. Permanent Neutrality of Turkmenistan: Resolution 79/274 of 21 March 2025.

20. United Nations Regional Centre for Preventive Diplomacy for Central Asia. Background and mandate.

21. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. Москва: Норма, 2004. 552 с.

22. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 656 с.

23. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021.

24. Конституция Туркменистана в действии и развитии // Туркменистан: Золотой век.

УДК 323.28 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.008

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МОБИЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОЯВЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Акаев Вахит Хумидович (a), Акаев Асламбек Вахидович (a)

(a) КНИИ РАН

Аннотация. Этнокультурные ценности многих народов обладают глубоким гуманистическим, миротворческим потенциалом, который позитивно используется в духовно-культурном развитии молодых людей, осуществляя противодействие асоциальным явлениям. Такие асоциальные явления как экстремизм и терроризм нередко возникают и распространяются среди молодежи, которые легко поддаются радикальному идейно-политическому воздействию, настраиваются против власти, часто дистанцирующей от народа, которым управляет. Это происходит в условиях социально-политического кризиса в обществе, углубления социального расслоения, резкого ухудшения социально-экономического положения общества, обострения проблем социальной несправедливости, военного противостояния, активизацией религиозно-радикалистских групп. В обществе, государстве всегда принимаются различные меры противодействия асоциальным явлениям, в числе которых правовые, социально-политические, а также меры, сопряженные с мобилизацией этнокультурных ценностей, присущих тому или иному народу, направленных против экстремизма. В многонациональной России использование традиционных этнокультурных ценностей, присущих тому или иному народу, в воспитательных целях позволяют обеспечить меры активного противодействия радикалистским, экстремистским проявлениям.

Ключевые слова: ислам, экстремизм, ваххабиты, социальное расслоение, этнокультурные ценности, трансформации, конфликты, традиции,

ON SOME ASPECTS OF THE MOBILIZATION OF ETHNO-CULTURAL VALUES IN COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM AMONG YOUNG PEOPLE

Akaev Vakhit Humidovich (a), Akaev Aslambek Vakhidovich (a)

(a) Kh.I. Ibragimov Research Institute of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The ethno-cultural values of many peoples have a deep humanistic, peacemaking potential, which is positively used in the spiritual and cultural development of young people, countering antisocial phenomena. Antisocial phenomena such as extremism and terrorism often arise and spread among young people, who are easily susceptible to radical ideological and

political influence, set up against the authorities, often distancing themselves from the people they govern. This is happening in the context of a socio-political crisis in society, deepening social stratification, a sharp deterioration in the socio-economic situation of society, worsening problems of social injustice, military confrontation, and the activation of religious and radicalist groups. The society and the state always take various measures to counter antisocial phenomena, including legal, socio-political, as well as measures related to the mobilization of ethnocultural values inherent in a particular nation, directed against extremism. In multinational Russia, the use of traditional ethno-cultural values inherent in a particular nation for educational purposes makes it possible to provide measures to actively counter radicalist and extremist manifestations.

Keywords: Islam, extremism, Wahhabis, social stratification, ethnocultural values, transformations, conflicts, traditions,

ВВЕДЕНИЕ

На Западе и на Востоке до распада СССР экстремизм и терроризм были широко распространены, представляя угрозу людям, обществу, государству. В СССР эти социальные девиации практически были искоренены. Появление экстремизма и терроризма, их широкое распространение в России произошло накануне и после распада СССР, в ходе возникновения независимых государств, демократизации общественной жизни, отказа от коммунистической идеологии и они нанесли огромный вред простым людям, органам власти, что требовало мобилизации усилий власти, людей, общественных организаций, духовенства для оказания противодействиям им.

Под понятием «экстремизм» мы понимаем радикальную социальную девиацию, отражающую приверженность человека к социальной группе, носителя крайних взглядов и действий, призывающих к этнононациональной и религиозной розни, совершению социально-опасных деяний, посягающих на права и свободы граждан, насильственному изменению конституционного строя государства, а также на общественную безопасность и порядок. Экстремизм часто проявляется в различных формах мятежа, провокациях беспорядках и других противоправных акциях, создающих угрозы государству, обществу, людям.

Для оказания противодействия этим явлениям используются различные меры со стороны власти, мобилизовывающей общество, духовенство, этнокультурные ценности.

МЕТОДОЛОГИЯ

В ходе осуществления данного исследования нами преимущественно используется деятельностный подход, направленный на мобилизацию государственно-политических, социокультурных, этнокультурных ценностей, осваиваемые молодежью в политических, культурных и образовательных проектах в целях противодействия экстремизму и терроризму.

Аксиологический подход рассматрвиает этнокультурные ценности для противодействия проявлениям радикальных идей в молодежной среде. Использование системного подхода позволяет структурировать основные положения содержания экстремизма, особенности его проявления в молодежной среде, осуществить меры организованного противодействия возможностей государства и общества. В статье используются и общенаучные методы, конкретно-научные методы, в частности, контент-

анализ, ориентирующие на изучение нормативно-правовых актов, госпрограммы и содержание публикаций СМИ, отражающие борьбу с экстремизмом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 90-х и начале 2000-х годов в России появились многочисленные экстремистские организации, среди которых были международные группы: «Аль-Каида», «Исламская группа» и «Братья-мусульмане», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», а также местные националистические, религиозно-политические объединения, например, «Имарат Кавказ», «Священная война», «Конгресс Ичкерии и Дагестана», «Национал-большевистская партия». Многие из них принимали активное участие в экстремистской деятельности. Их список фиксируется и анализируется Федеральной службой безопасности России, осуществляющей целенаправленную борьбу против них. И все эти экстремистско-террористические организации ныне являются запрещенными в России.

С перестроечными процессами в СССР и России, особенно с распадом Советского Союза, активизировались этнонациональные, этноконфессиональные процессы, часто приобретавшие противоречивый, характер, порождая социальные, межнациональные, внутрирелигиозные, а также внутриисламские конфликты. При этом мобилизовывалась молодежь в национальных регионах, приверженная к исламу, часто ей навязывалась идея приобретения политико-экономической самостоятельности народами, республиками, освобождения регионов от центральной власти. При этом активизировались различные общественные, религиозные организации, состоящие в основном из молодежи.

В российских регионах, особенно в республиках, набирал обороты процесс суверенизации национальных регионов. Советская власть обвинялась в том, что она сдерживала социально-экономическое и этнокультурное развитие народов. Конечно же в СССР имелось немало проблем, но при этом трудно отрицать колоссальные достижения в области экономики, науки, образования, медицины, культуры, достигнутые народами страны в период существования советской власти.

Спекулируя на сложных проблемах, существовавших в национальных республиках, 6 августа 1990 года глава Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин, выступая в г. Казань, произнес фразу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», а чуть позже она была повторена и в Уфе, столице Башкортостана. Многие эксперты в области национальной политики оценивают это ельцинское предложение, как прямое подталкивание к политической сецессии, отделение республик от России. Между тем эта ситуация усилила экстремистские настроения у отдельных сторонников перестройки, государственных чиновников, членов национальных общественных и политических организаций.

Процессы суверенизации, радикальные политические настроения возникали в Татарстане, Башкортостане, на Северном Кавказе, в частности, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Дагестане. А в Чечено-Ингушетии неформалы, маргинальные личности, создали разные этнополитические, этнорелигиозные группы, так называемые народные фронты, движения, состоявшие из молодых людей, асоциальная активность которых раскачивала стабильную политическую ситуацию, что нередко приводило к экстремистским действиям. Начавшаяся в СССР горбачевская перестройка, воспринятая многими гражданами страны восторженно, стала буксовать. Как считает Р. Хасбулатов, к началу 1991 года она выдохлась, на политической сцене появился новый феномен –

сепаратизм, регионализм и национализм [8, с. 103]. К этим указанным явлениям можно добавить и экстремизм.

В связи с событиями ГКЧП, которые произошли 19 августа 1991 года, в Чечено-Ингушетии начались бурные политические процессы, направленные против Верховного Совета ЧИАССР и его руководителя Д.Г. Завгаева, а в сентябре того же года законодательный орган республики-вынужденно прекратил свою деятельность.

Власть в республике не без поддержки руководства России захватывается Д. Дудаевым и его сторонниками, проводятся выборы Президента Чеченской Республики, а затем и Парламента. Однако реально деятельность «революционеров-сепаратистов» не привела к объединению чеченского народа, а породила новые противоречия, связанные с кланами, местными элитами, преследовавшими цель обогащения, присвоения общенародной собственности, нефтепромышленного комплекса республики.

Среди чеченцев, исповедующих ислам, появляется ранее им неизвестное религиозно-политическое течение, получившее название ваххабизм. В этом учении подвергались ревизии традиционные исламские ценности мусульман Чечни, связанные с культом святых (шейхов), национальными обычаями, традициями. Между тем «ваххабизм - явление внекавказское, возникшее на почве аравийской бедуинской культуры, разительно отличающийся от культурных традиций народов Кавказа» [1, с. 143].

Со временем сторонники ваххабизма, отдельные национал-патриоты в Дагестане и Чечне объединились в организацию «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» (КНИД). Эта организация охарактеризована как радикальная исламистская организация, а Решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 года признана террористической, её деятельность официально запрещена на территории России.

Многие молодые люди Чечни, Северного Кавказа, обманутые ложными идеями, ценностями, втянутые в экстремистские, террористические организации в ходе двух войн в Чечне погибли, иные осуждены и перебрались в зарубежные страны. Сегодня всем, кто работает с молодежью, студентами Чеченской Республики важно предпринять значительные воспитательные усилия, направленные на то, чтобы оградить их от влияния антитрадиционных, антинародных, антигосударственных идей, идеологий и практик.

Хочу отметить, что сегодня такая работа активно ведется в ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова, РИУ им. Кунта-Хаджи. Значительная работа здесь проводятся кафедрами социально-гуманитарных дисциплин. Сотрудники этих кафедр публикуют научные статьи, пишут диссертации по проблемам анализа сущности и методам противодействия современному политическому терроризму, проявляющемуся в глобальных и региональных процессах. Полагаем, что с точки зрения, эта деятельность должна быть систематизирована, идейно-политически продумана.

Конечно же разовые мероприятия антиэкстремистской направленности в воспитательных целях очень нужны, однако сегодня системная, аналитическая работа, осмысливая новые вызовы, асоциальные явления в республике, стране и мире, как никогда ценна.

На волне сепаратизма в Чечне в начале 90-х годов появляются исламские течения, движения молодежи, имеющие выраженный радикалистско-экстремистский характер. Возникали так называемые джамааты ваххабитов, призванные исламизировать народ, направив его на «истинный» религиозный путь, существенно расходившийся от традиций

предков. Ваххабитами называли мусульман, преимущественно тех, кто подвергал критике местные исламские традиции, связанные с суфизмом или «народным исламом», которые почитали культ святых, посещение зияратов, исполнение мовлида. Ваххабиты же, считая перечисленные местные исламские традиционные практики, новшествами в исламе, заблуждениями, требовали от них освободиться.

В целом сторонники ваххабизма преследовали цель устранения традиционного для региона ислама, считая, что его нужно освободить и от многолетнего коммунистического влияния. Этой своей пропагандой духовные и политические «спасители чеченского народа» в конечном итоге ввергли свой народ в военно-политическую катастрофу. Итогом же такого «спасения» явились первая и вторая войны в Чечне, происшедшие в постсоветский период. Идеи и практика ваххабизма, получившие заметное распространение в начале 90-х годов в Дагестане, находят своих значительных последователей среди безработной и социально дезориентированной молодежи в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии. При этом местная власть не была способна решать важные жизненные проблемы людей, молодежи, здесь был весьма ограничен их мобилизационный ресурс по улучшению ситуации. Поэтому она и официальное мусульманское духовенство подвергались жестокой критике со стороны исламски ориентированной молодежи, мобилизуемой против власти лидерами ваххабизма. Ваххабитам удалось выработать экстремистские настроения у незначительной части молодежи, направленной против традиционного духовенство, якобы искажающего традиции, в том числе и ислам [3].

В целях распространения чистого ислама в «масхадовскую Чечню» были приглашены «джихадисты» из многих стран мира, провоцировавшие военные и религиозно-политические конфликты, ориентирующие местную молодежь на идеологию и практику братьев-мусульман, ал-Каиды и др. В Чечню после первой войны появились молодые с длинными волосами и бородами молодые люди из Ближнего Востока, Африки, Центральной Азии вооруженные автоматами. Их можно было наблюдать на рынках Урус-Мартана, Шали. Еще тогда и сейчас по истечении много времени задаешься вопросом: как они попали в Чечню? Но прибыли они в Чечню на джихад, сражаться с Россией и построения Кавказского халифата.

По мнению американского исламоведа Дж. Эспозито: «В последнее время религиозные экстремисты и террористы стали утверждать, что джихад - эта общая обязанность, и, что каждый правоверный мусульманин должен принять участи в нем, чтобы осуществить мировую исламскую революцию» [9, с. 209]. Они, как Усама бен Ладен и другие, хотели свергнуть мусульманских правителей при помощи насилия и терактов, развив глобальный джихад Такая деятельность способствовала формированию различных групп мусульман, которые на словах вели борьбу против очищения местного ислама от заблуждений, за распространение чистого, построение справедливого исламского государства, а на деле осуществляли экстремистскую деятельность.

А. Кадыров описывает появление в Чечне, в частности в селе Хаттуни, «зубного техника», уделявшего большое внимание «религиозному просвещению», к которому тянулась молодежь, среди них был и юный Ислам Халимов - один из будущих идеологов ваххабизма в Чечне. В этом селе обосновались несколько десятков иностранцев из Ближнего востока, в их числе был и Фаттах - эмиссар «Братьев-мусульман» [6, с. 58]. В

последующем яркими представителями и реализаторами радикальных идей и соответствующих им практик в Чечне были Фаттах, Хаттаб, Абдурахман, прибывшие из Ближнего Востока, а также их местные сподвижники: Басаев, З. Яндарбиев, Б. Кебедов, Адало Алиев, М. Удугов, И. Халимов и др.

А. Кадыров, будучи муфтием Ичкерии, придерживаясь этнонациональных, религиозных традиций чеченского народа, активно противостоял распространению среди чеченцев идей и практики ваххабизма, решительно раскрывал сущность экстремистской деятельности его сторонников. Отметим, что научной литературе высказывается ошибочная точка зрения о том, что А. Кадыров был «тарикатским шейхом» [5, с. 193]. На самом деле он такого духовного статуса не имел, но являлся последователем Кунта-Хаджи, чеченского шейха тариката кадирийа, но не был тарикатским шейхом.

В своей религиозно-политической деятельности А-Х. Кадыров добивался осуществления мобилизации представителей традиционных для СК этнокультурных, местных духовных ценностей в целях противодействия ваххабитам. В своей религиозной и политической деятельности он стремился объединить мусульман региона, сторонников местных религиозных, историко-культурных традиций, добивался противодействия проявлениям антинародных, антигосударственных действий ваххабитов. Его борьба против экстремистов, отстаивание интересов чеченского народа, а также России на Кавказе вызывали ответную реакцию со стороны экстремистов, террористов. И он несколько раз подвергался нападениям со стороны экстремистов, в ходе которых погибали его охранники-родственники.

В ходе военных событий в Чеченской Республики многие «ичкеринские» лидеры сбежали в заграницу, где в настоящее время ведут антироссийскую, антинародную деятельность, прикрываясь лозунгами защиты интересов чеченского народа от российского империализма. Ими созданы различные партии, движения, часто враждующие между собой.

Хотелось отметить и то, что сегодня экстремистская и террористическая деятельность ваххабитско-салафитских молодежных групп на Северном Кавказе потеряла свою ощутимую активность. Отчасти это сопряжено с противодействием со стороны органов власти, официального духовенства, активной реанимацией в целях противодействия традиционных ценностей мусульман региона, а также их осознанной нацеленности на осуществление общего дела в эффективном развитии региона, страны. Отметим, что сегодня в Чеченской Республике ведется значительная работа по объединению мусульман, иноверцев, граждан в целях политической, культурной их консолидации. Кроме того, десятки тысячи молодежи из Чеченской Республики участвуют в СВО, защищая национальные, государственные ценности, интересы страны. И в этом проявляется патриотизм и осознание гражданского долга молодежи Северного Кавказа, в том числе и Чеченской Республики, перед своим государством.

В коллективной монографии «Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире», подготовленной при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан проанализированы проблемы религиозного экстремизма, политизация религии в России, джихадизма, салафитского терроризма, деятельности ИГИЛ и др. Важно отметить, что с «от рук игиловцев погибли сотни и тысячи арабов, курдов, туркмен, пуштунов и прочих дикарей с их детьми» [2, с. 128]. С нашей точки

зрения, в этой монографии впервые проанализированы вопросы особенностей вербовки российской молодежи, причин устремления определенное ее части к джихаду, а также предложены меры осуществления противодействия религиозно-политическому экстремизму и различным его проявлениям, связанным с использованием исторических традиций народа [там же, с. 130].

В своей антиисламской деятельности западная цивилизация находит внешний источник экстремизма и терроризма в исламе, массовому сознанию на Западе навязывается новый социальный миф «об исламской угрозе» мировой цивилизации» [7, с. 124]. Еще один аспект. Если совсем недавно в российских СМИ систематически рассказывали о преступлениях экстремистов-исламистов, об их глобальных проектах, то сегодня об этом мало кто говорит. В свое время группы, угрожавшие религиозным и национальным традициям, целому государству, призывавшие мусульманскую молодежь к созданию Кавказского Халифата, Имарата, призывавшие к Всемирному джихаду, по мановению палочки куда-то исчезли, о них сегодня никто не говорит. Закономерен вопрос: а что все это было?

В нынешних очень сложных условиях, проведения СВО, а также трагических событий, происходящих на Ближнем Востоке, думается, очевидна необходимость глубокого осмысления, причин происшедших событий на Северном Кавказе, появление и активное функционирования экстремистских групп, дискредитация ими устойчивых этнокультурных национальных, религиозных традиций. Думается, вопреки часто допускаемым поверхностным этнографическим, политическим описаниям, запутывающим ситуацию, нежели выявляющим ее сущность, тенденции, реальное влияние на молодежь, необходимы содержательные, глубокие исследования.

Конечно же, в современной России существуют экстремистские группы. Они не исчезли, но их характер, юридическая деятельность, официальные списки за последние годы радикально изменились. Наряду с реальными ячейками религиозно-экстремистской и террористической направленности, государство относит к экстремистским организациям широкий спектр оппозиционных, правозащитных, антивоенных и ЛГБТ-объединений.

Важно отметить, что рост экстремизма в нашей стране не снижается. По данным МВД России в 2025 году было зарегистрировано 2241 преступление экстремистской направленности, что на 30,4% больше, чем в прошлом году [4]. Но при этом отмечается, что в целом количество зарегистрированных преступлений снизилось на 7,3 % по сравнению с 2024 годом.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, отметим, что сегодня как никогда актуален анализ перспектив реанимации радикализма и экстремизма, который может связан с событиями на Ближнем Востоке, ирано-американским, ирано-израильским конфликтами. В контексте сказанного, думается, необходим основательный анализ проблем современного позитивного развития культур, религий, этнических ценностей народов нашей страны, Северного Кавказа, Чеченской Республики. в целях формирования и укрепления общероссийской идентичности, взаимного сотрудничества и консолидации народов. В этой связи считаем важным мобилизацию ценностей этнической культуры народов страны, разных религий и культур в целях использования этнокультурных возможностей в оказания противодействия

угрозам и вызовам современности, достижении согласия, единства в многонациональном российском народе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев, В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе [Текст] / В.Х. Акаев. Ростов-на-Дону, 2004. 208 с.

2. Акаев, В.Х. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе [Текст] / В.Х. Акаев // Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография. - Казань: Фолиант. 2017. С. 121-132. 232 с.

3. Акаев, В.Х., Мамадиева, М.Х. Взаимоотношения этнической культуры и религии: общие и особенные аспекты [Текст] / Акаев, В.Х., Мамадиева, М.Х. // Dovlet ve Din. 2023. № 02 (76).

4. Глава МВД рассказал о росте экстремистских преступлений на 20% // Ведомости // https://www.vedomosti.ru/society/news/2026/02/19/1177695-o-roste-ekstremistskih (дата обращения 2 августа)

5. Исламское радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный Южный Кавказ / кол. авторов. Москва, 2017. 606 с.

6. Кадыров, А. Выбор пути [Текст] / Кадыров А.А. Б.м. и г.и. 199 с.

7. Религиозно-политический экстремизм: сущность, причины, формы проявления, пути преодоления / Под общей ред. проф. Яхьяева С.Я. [Текст] / С.А. Яхьяев. Москва: Парнас, 2011. 296 с.

8. Хасбулатов, Р. Полураспад СССР. Как развалили сверхдержаву [Текст] / Р. Хасбулатов. Москва: Яуза-пресс, 2011. 512 с.

9. Эспозито, Дж. Ислам: Почему мусульмане такие [Текст] / Джон Эспозито. Москва: Эксмо, 2011. 384 с.

ВЕСТНИК КНИИ РАН. СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

№ 3 (18) 2026

Верстка: Махаев М.

Дата размещения сетевого издания в сети Интернет на официальном сайте: 30.09.2026